

A man in a black tuxedo with a white shirt and black bow tie stands with his hands on his hips. He is positioned in front of a blurred background of tall city buildings, likely Park Avenue in New York City. The lighting is dramatic, highlighting the man's suit.

Принц Парк Авеню

ЛУИЗА БЕЙ

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

«Принц Парк Авеню» Луиза Бей

Любое копирование текста без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Перевод осуществлен исключительно в личных целях, не для коммерческого использования. Автор перевода не несет ответственности за распространение материалов третьими лицами.

**Переведено группой Life Style ПЕРЕВОД КНИГ
Переводчик Костина Светлана**

ПРИНЦ ПАРК-АВЕНЮ, НАКОНЕЦ, ВСТРЕЧАЕТ ПОДСТАТЬ СЕБЕ ТАКУЮ ЖЕ ДЕРЗКУЮ МАНХЭТТЕНСКУЮ ПРИНЦЕССУ.

Я сам заработал каждый из своих миллиардов долларов, я расчетливый, проницательный и лучший в том, что делаю. Требуется

определенный драйв и преданность, чтобы достичь такого успеха, который у меня есть. И это не оставляет времени ни на любовь, ни на отношения.

Но не поймите меня неправильно, я не монах.

Я сосредотачиваю внимание, фокусируюсь, чтобы соблазнить красивую женщину. Это те же способности, которыми я пользуюсь, чтобы заключать деловые сделки. Но одна ночь, с этого начинаются мои отношения с женщинами, этим же и заканчиваются. Я не отношусь к тем парням, кто посылает цветы. И к тем парням, которые звонят на следующий день.

Так по крайней мере я думал, пока в мою жизнь не ворвалась нетерпеливая, умная, эрудированная в общении, безумно красивая девушка из богатой семьи.

Когда Грейс Астор закатывает глаза на мои замечания, мне хочется прижать ее к себе и показать ей, что она пропустила.

Когда она отпускает шуточки на мой счет, мне хочется заставить замолчать ее нахальный рот, воспользовавшись своим языком.

А когда она уходит от меня, едва сказав прощай, сразу после того, как мы трахнулись, мне хочется напомнить ей о трех оргазмах, которые у нее только что были.

Она может и принцесса, но я хочу ей доказать, кто на самом деле правит в этой спальне на Парк Авеню.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения,

предназначена для 18+

1.

Сэм

— Огромного размера, Сэм, — сказала Энджи, входя в пустое жилое пространство с высокими потолками, видом на Центральный парк и панораму всего города. Солнце так ярко светило, что мне пришлось загородить глаза, когда я смотрел в окна с западной стороны. Я глубоко вздохнул, осматривая весь вид. Неужели я, на самом деле, владел этим местом? Я помнил, что поставил свою подпись на документах, но мне все равно казалось, что я наблюдаю со стороны за чьей-то чужой жизнью, не своей.

— Именно об этом мне постоянно твердят. — Я усмехнулся. Как и

большинство мужчин, у меня все еще было чувство юмора пятнадцатилетнего подростка. Но после пятнадцатилетней дружбы, Энджи больше ничего от меня и не ожидала услышать.

— Ты отвратителен. Я не говорю о твоём пенисе, потому что ты сам кричишь об этом вслух.

— Кто сказал, что это мой пенис? — Я широко развел руками. — Я говорю об этом месте. Как обычно у тебя слишком извращенные мысли.

Энджи покачала головой, но размер новой квартиры, которую я только что купил, был впечатляющим. Семь тысяч двести восемьдесят шесть квадратных футов в Верхнем Ист-Сайде, я жил теперь здесь.

— Вид гарантирует, что эта квартира сохранит свою ценность, — сказал я, глядя на горизонт Манхэттена.

— Само месторасположение сохранит ее ценность. Это Парк Авеню 740, Сэм. — Она недоверчиво тряхнула головой. Я не виню ее за это.

Адрес был самым важным аспектом этой сделки. Один из самых востребованных в Нью-Йорке, отчего мое приобретение сделало ее одной из самых безопасных сделок с недвижимостью в Америке. Это была настоящая победа для меня, но также хорошее место, куда можно было вложить деньги или часть денег.

— Ты когда-нибудь думал, что это все происходит не с тобой?

— Иногда. — Я сам заработал каждый доллар за последнее десятилетие, который требовался, чтобы купить эту квартиру. Когда я закончил среднюю школу, я оставил детдом, где провел шесть лет, почти ни с чем — двумя джинсами, двумя футболками, парой толстовок и нижнем белье. Для меня это стало освобождением, оставив старую жизнь позади, чтобы начать все сначала. Единственное, что пришло со мной из прошлого — Энджи. Мы встретились в первый день в моей новой школе после того, как я попал в детдом. Она находилась в соседнем детдоме для девочек и, должно быть, признала во мне сироту. С тех пор мы стали лучшими друзьями.

За пятнадцать лет я так от нее и не избавился. Все шансы были против меня. Но вот я стою в своей квартире на Парк-Авеню с видом на город. Я всегда знал, даже когда не был уверен смогу ли завтра поесть, что если буду контролировать свою жизнь, все станет намного лучше.

Так и было.

— Ты вспоминаешь о «Хайтайм»? — спросила Энджи.

Я засунул руки в карманы.

— Как я не могу не вспоминать? — Детский дом, где я провел последнюю часть своего детства, находился не далеко от Парк-Авеню. И

именно там я развил драйв и решимость, которые привели меня сюда, где сейчас я и нахожусь.

Чуть менее десяти лет назад в пятницу я закончил среднюю школу, а в субботу утром начал работать в ритейлерской сети спортивной одежды (в тот же день я переехал из «Хайтайм» в кишашую крысами студию Нью-Джерси). Я не ходил в колледж, но я был уверен, что сегодняшний день можно засчитать, как мой выпускной с получением диплома.

— Сколько спален? — Спросила Энджи, когда я шел за ней по квартире. Мебели не было, только старая лепнина на потолке и стенах, листовые панели и совершенно новый мраморный пол создавали какую-то теплую атмосферу. Агент по недвижимости быстро указал на оригинальные детали и высокого класса отделку. Но плитка на кухне заставила меня сказать «да». Она напомнила мне маму, она любила печь, и я сидел на столешнице рядом с ней, передавал ей посуду и дегустировал, когда она придумывала печенье с арахисовым маслом и морковный торт. Ее хлеб был моим самым любимым, даже сейчас направляясь в пекарню, я невольно улыбаюсь, вспоминая улыбку своей матери.

— Пять. И две кухни. Зачем нужны две кухни?

— Одна для персонала, — ответила Энджи. — Давай, не отставай. Тебе нужны будут люди, которые будут обслуживать это место.

Я фыркнул.

— Не будь смешной. — Я не собирался платить кому-то, чтобы готовили мне еду, если я мог сделать лучшие сэндвичи в штате Нью-Йорк из арахисовой пасты и джема.

— Ты не можешь теперь есть сэндвичи из арахисовой пасты и джема, когда живешь здесь.

Я ухмыльнулся, забавно, как Энджи прочитала мои мысли.

— Это что какое-то правило? Они мне нравятся.

— Они тебе *до сих пор* нравятся? Ты больше ничего не ел за эти два года.

После того, как я начал работать, я стал экономить деньги. Я начал с покупки и продажи всего — от кроссовок до мелкого электрооборудования, когда не работал в магазине. Тогда я снял квартиру. И только потому, что я мог купить все, что хотел, не означало, что я готов был это купить. Я предполагал, что не имело смысла вкладывать деньги в то, что не приносило денег. Значит, никакого персонала. И больше никаких чеков за аренду.

Но я всегда хотел сэндвичи с арахисовой пастой и джемом.

— Но теперь, когда у тебя есть дом, все может быть по-другому, —

сказала Энджи.

Дом. Образ моей детской спальни (до смерти родителей) промелькнул у меня в голове. Это был последний раз, когда я спал дома. Я повернулся на триста шестьдесят градусов, оглядывая все пространство. Сможет ли это место когда-нибудь называться домом?

Энджи провела руками по кремово-золотистой стене у окна.

— Даже эти обои стоят, наверное, миллион долларов. Тебе придется потратить немного денег. Я думаю, что мебель из ИКЕА будет выглядеть немного странно здесь. Я даже не представляю, где ты сможешь купить мебель для такой квартиры. — Она развернулась, окинув пространство руками. — Что ты решил насчет мебели?

— У меня есть мой диван, который доставят завтра. И я купил матрас и кое-какие кухонные принадлежности в ИКЕА. На этом все.

Я взглянул на Энджи, которая смотрела на меня во глаза.

— Этот отвратительный диван, который ты купил по объявлению на «Крейгслист» сто лет назад? — спросила она, уставившись на меня. — Ты привезешь его сюда?

— Ну, твой муж отказался помочь мне его перевезти, поэтому мы не сможем принести его сюда. Его доставят завтра утром.

— Невероятно. — Энджи всплеснула руками.

— Что? — По ее виду можно было сказать, что она вот-вот взорвется, но я не понял из-за чего.

— Это место, должно быть, стоило тебе десять миллионов.

Там стояло восемь цифр, но я не собирался сообщать ей об этом, выглядя перед ней полным придурком.

— И ты покупаешь кровать в ИКЕА и 50-летний диван по объявлению «Крейгслист»? Какого хрена?

Энджи неоднократно советовала мне наслаждаться своим богатством, и я наслаждался... мне так казалось. Мне просто не нужны были дорогие вещи.

— Мебель не принесет мне денег. Это место своего рода инвестиции, в котором я могу жить, не платя арендную плату. — Я пожал плечами, хотя был не совсем честен. Я мог арендовать эти апартаменты и жить в намного меньших размерах, но было что-то связано с этой плиткой на кухне, и с солнцем, проходящем через огромные окна днем в гостиной, в этом огромном пространстве, которое заставило меня его купить. Будто жизнь здесь приведет меня к чему-то лучшему, к чему-то более счастливому.

Энджи уперлась руками в бедра.

— Серьезно, тебе нужно кое-что еще. Например, вазы. Подушки. Что-

то, чтобы сделать это место...

— Если тебе станет легче, я нанял арт-консультанта, и мы пойдем в галерею сегодня вечером.

Энджи всплеснула руками.

— Какого консультанта?

— Он подыщет кое-какие фотографии на стены. — Я кивнул, как будто только что подарил ей флеш-рояль в покере. Она не могла пожаловаться на это.

— Потому что искусство — это инвестиции, верно? — Она закатила глаза.

— И что? — Я пожал плечами. — Это не значит, что они не будут хорошо смотреться на стенах.

— Я думаю, что это хорошая идея, но ты не можешь в этих огромных апартаментах сидеть на своем старом диване с дорогим искусством на стенах. Если ты собираешься так жить, то давай вперед.

— Мне все равно, даже если со стороны это кажется странным. — Энджи немного лицемерила. Она очень бережно относилась к своей зарплате. — Главное, у меня есть все то, что мне необходимо.

— Необходимо? Разве тебе нужна квартира на Парк-Авеню или пять спален и две кухни? Но это нормально. Я хочу сказать, чтобы ты немного расслабился. — Она оттолкнула меня с дороги, и пошла на кухню, где начала открывать и закрывать двери шкафчиков. — Ты заслужил все это. Может тебе и не стоит быть слишком снисходительным к себе, но ты можешь просто сделать некоторые вещи, которые сделают твою жизнь более комфортной. Это Нью-Йорк, парень. Если существует арт-консультант, то и должен быть кто-то, кто покупает мебель для богатых парней, как ты.

— У меня вполне комфортная жизнь. — Она это серьезно сейчас? — Это Парк Авеню, ради всего святого.

— Хорошо, а как насчет того, когда ты приведешь сюда женщину? Ты не можешь трахать ее на матрасе, который валяется на полу, — сказала она.

— Я никогда не приводил к себе женщин. Почему это должно измениться сейчас?

— Потому что ты всегда жил в лачуге, — сказала Энджи, глядя на потолок, как будто хотела увидеть там трещины. — Теперь тебе не нужно стыдиться своих апартаментов.

— Эй, я никогда не стыдился за то место, где жил. Я всегда платил аренду, поэтому здесь нечего стыдиться. И я не вожу к себе женщин, потому тогда я могу встать и уйти, когда захочу. Я не собираюсь ничего

менять.

— Просто подумай об этом. Пожалуйста, — попросила она.

Я подумаю, но только потому, что доверял Энджи. Тем не менее, я не планировал менять свое отношение в этом вопросе в ближайшее время. Мне не нужны *вещи*, которые могли бы сделать мою жизнь лучше.

Чем больше ты имеешь, тем больше ты можешь потерять.

2.

Грейс

Оглядывая галерею, я не могла не усмехнуться. Я была горда тем, что собиралась провести свою первую экспозицию, но нам предстояло многое сделать, прежде чем гости сегодня вечером начнут прибывать.

Я повернула голову на звон колокольчика, поющего каждый раз, когда кто-то заходил в галерею. Моя лучшая подруга вошла в парадную дверь, игнорируя повсюду гудящих людей, направляясь прямым ко мне.

— Ты же знаешь, что не художник, да? — Спросила Харпер, оглядывая меня сверху-вниз.

— Я пытаюсь замазать потертости на стенах, — ответила я, держа банку белой краски и кисть. — И я не хочу почивать на лаврах. — Я кивнула в сторону метлы, стоящей в углу. — У нас не так много времени. Пора заняться делом.

Мне просто необходимо было, чтобы в моей галерее первая выставка прошла очень хорошо. Я-то была готова, но адреналин, скачущий по моей крови, заставлял меня нервничать. Я оглянулась вокруг большого белого пространства. Обслуживающий персонал устанавливал произведения искусства, но две картины все еще подпирали стену.

— Мне нужно решить, куда их стоит повесить, — сказала я, поставив банку с краской у двери и указав на две картины. — Я не могу придумать, куда их поместить. — Вчера все казалось таким очевидным, но сегодня мне хотелось, чтобы все было идеально, поэтому я ударилась в сомнения.

— А это важно? — спросила Харпер, с совершенно безэмоциональным видом. — Мы разве хотим, чтобы его дерьмовые работы продавались, а?

Я усмехнулась и меня обдало волной очередного стресса. Харпер была права, часть меня хотела, чтобы эта выставка бала бомбой. Художник, которого я выставляла сегодня, был моим парнем четыре недели назад, но, когда я вернулась в галерею и обнаружила его трахающимся с моей ассистенткой, причем в моем же кабинете, я поставила точку на наших

отношениях! С этого момента он больше не был моим парнем. К сожалению, мне придется провести сегодняшний вечер, рассказывая всем насколько особенными являются его произведения.

Это был не первый раз, когда я разочаровалась в парне. Мне нравились мужчины с талантом — художники, музыканты, писатели. В школе я всегда получала дополнительные баллы, если делала работы по искусству, и уже во взрослом возрасте я знакомилась с бедными художниками, желая им помочь. Для меня быть подругой художника имело своего рода дополнительную ответственность — поощрять и поддерживать своего мужчину, пока он не создаст что-то грандиозное. И естественно предполагалось, что когда он создаст свой шедевр и к нему придет признание, я буду находится рядом с ним. Но было исключение, никто из моих знакомых художников не создавал ничего настолько грандиозного, не говоря уже о шедеврах. Кроме Стива. Он оказался первым парнем, которому я сказала, что он очень талантлив и потрясающе талантлив, а у меня в голове не раздался маленький голосок: «Правда? Он действительно так хорош или тебе просто нравится с ним трахаться?» Стив, на самом деле, мог бы сделать блестящую карьеру.

И сама мысль, что его выставка в моей галерее станет началом его блестящей карьеры, была для меня ненавистна.

К сожалению, открытие галереи «Грейс Астор Файн Арт» потребовало больших вложений, нежели я предполагала, поэтому не могла взять нож и порезать его холсты, тем самым искромсав его измену и выбросить его из своей жизни.

Колокольчик снова звякнул, и Скарлетт, невестка Харпера, вошла в галерею.

— Это так возмутительно, — сказала она, обнимая меня, а потом Харпер. — Стыдно за художника.

— Эй, — произнесла я. — Ты не можешь так говорить. Мне нужно, чтобы все было распродано. Я должна заплатить арендную плату за квартал на следующей неделе.

Неважно, что Стив оказался козлом. Мне нужно было произвести фурор с выставленной экспозицией. Я уже продала Ренуар, который мой дедушка оставил мне, чтобы открыть эту галерею. Его продажа разбила мне сердце; дедушка часто рассказывал мне истории о девушке на картине, как будто это была сама я, и изображены на ней были мои приключения в Париже. Его продажа чуть не убила меня, но мой дедушка оставил мне письмо в своем завещании, в котором написал, что я могу использовать Ренуара для своих собственных приключений, будь то для осуществления

своей мечты или реальности. Так что я продала его, так сказать, с его благословения, но на сердце по-прежнему лежала тяжесть. И эта галерея была моим настоящим приключением, к которому я стремилась еще со времен колледжа. И я не могла позволить, чтобы моя первая экспозиция провалилась, не перед собой, не перед бабушкой.

— Ты всегда можешь обратиться к отцу, — сказала Скарлетт. — Если тебе не хватит денег на оплату аренды.

Обстоятельства были жесткими, но не на столько. Я хотела сегодня стать успешной, вот и все.

— Она не обращается к отцу, — ответила Харпер за меня. — Она все делает сама.

Я была так полна решимости доказать своим родителям и себе, что смогу сделать все без них, я даже готова была взять кредит, но не просить денег у отца. Он не банкомат, хотя моя мать думала иначе, и я готова была потерпеть неудачу в своих начинаниях, нежели относиться к нему именно так.

— Мне необходимо отделить мои личные чувства к Стиву от моих бизнес-целей. Мне же не может нравиться каждый клиент. — Мне стоит уцепиться за эту мысль и сосредоточиться, что искусство Стива заработает мне деньги и привлечет других художников в галерею.

Я постаралась задвинуть воспоминания о его штанах, болтающихся на лодыжках, в тот момент, когда он трахал восемнадцатилетнего ребенка в моем кабинете.

Я надела белые хлопчатобумажные перчатки, глубоко вздохнула и подняла холст перед собой.

— Это должно висеть здесь. — Я переместила его, чтобы картину тут же увидели пришедшие гости. — Она много стоит. — Я собиралась сделать многое — включить очарование, начать говорить с английским акцентом, который имела от рождения, несмотря на то, что родилась фактически через океан, чтобы продать эти дерьмовые картины. Чем быстрее я перестану зависеть от Стива, тем лучше.

— И это, — сказала я, поднимая другую картину, которой хотела заменить предыдущую, — должна висеть здесь.

Все будет хорошо, но мне необходимо было пережить следующие несколько часов.

— Ты решила загородить проход в другое помещение? — Спросила Скарлетт.

Дальше в галерее были работы других художников, которые я приобрела, и небольшой раздел, скрытый за ложной перегородкой, мои

любимые работы. Предполагалось, что гости должны пройти до конца галереи, чтобы увидеть их. И совсем не значило, что я, как бы их специально прятала, но это была настолько маленькая коллекция, на самом деле, совсем не подходящая выставленным картинам. Там были традиционные рисунки и портреты ню и пара фотографий Центрального парка совершенно неизвестного фотографа. Моего любимого Ла Туша, которые я купила на аукционе пять лет назад, и все это время они провисели у меня в спальне до сегодняшнего момента, когда я решила открыть галерею. Там была женщина, сидящая за столом, пишущая письмо. Вроде бы ничего замысловатого, она писала письмо, но мне хотелось узнать, кому она писала и почему она писала тайно. Все эти работы относились к искусству, как и мой Ренуар, который вызвал у меня желание заполучить свою собственную галерею. Но ни одна фотография не была «горячей», и, конечно, мне необходимо было выставять то, что могло сначала принести деньги, по крайней мере, на данный момент.

— Нет, я предоставлю возможность каждому пройти по всей экспозиции, на случай, если кто-то хочет купить что-то необычное. — Я же не давала обязательств Стиву, что буду предана только ему сегодня?

Я закончила переставлять картины, объяснив все рабочим, куда они должны их повесить.

— Итак. — Я уперлась руками в бедра. — Не могли бы вы помочь мне переместить столы так, чтобы больше открывались другие залы? — Черт возьми, я не только не собиралась загораживать проход, но я очень хотела, чтобы клиенты взглянули на всю экспозицию, выставленную в галереи. Сегодня вечером каждый должен пройти путь от картин Стива до демонстрации изящного искусства Грейс Астор. Мне надоело все время подталкивать мужчин вперед к свершениям, надеясь, что они вот-вот засияют своим талантом. Мои усилия ни к чему не привели. Отныне я собиралась сделать ставку на себя, самой двигаться к вершине успеха.

Тем более, что бизнес это был неплохой.

*

— Ты отлично выглядишь, — сказала Харпер, когда я смотрела на себя в зеркало дамской комнаты в глубине галереи. — Ты готова?

Я была готова, как никогда. Красное платье облегло меня, как перчатка, а босоножки на пятидюймовых каблуках придавали мне силы, как будто я носила на ногах ядерный реактор.

Я проверила время на телефоне. Оставалось всего несколько минут до открытия выставки.

— Да, я готова. Я очень надеюсь, что люди придут. — Когда я планировала открытие галереи, я исключительно сосредоточилась на том, чтобы выставить будущие таланты, таким образом, привлечь внимание арт-консультантов, которые выбирали определенных художников для своих клиентов. Я думала, что моя деятельность будет только напрямую связана с искусством. Но потом я поняла, что это только верхушка айсберга. Для занятия бизнесом, связанного с продажей картин и других вещей, относящихся к искусству, выявило, что сначала я должна была иметь определенное количество денег, чтобы заплатить арендную плату, получить все налоговые документы и открыть счет, это отняло у меня уйму времени. Когда я затеяла все это, я до конца не понимала, что главное в моем бизнесе должно быть получение прибыли, на чем и должна сосредоточить все свое внимание. Для меня всегда искусство было всего лишь искусством, по крайней мере, раньше.

— Конечно, они придут, — сказала Харпер. — У тебя глаз наметан на талант. — Мы вышли в зал. Здесь был установлен бар у картин Стива с задней стороны и стоял поднос с наполненными бокалами шампанского. — Можешь встать у двери с подносом? — Попросила я одного из официантов. — Клиенты могут появиться в любую минуту.

По крайней мере, я надеялась на это.

Колокольчик над дверью звякнул. Появилась Вайолет, сестра Скарлетт, которую она пригласила. Ладно, по крайней мере, когда пришли потенциальные клиенты, это место уже не стало казаться таким пустым. Я приветствовала каждого и стала показывать им картины.

Колокольчик снова звякнул.

— Мелани, как мило, что ты пришла, — сказала я, целуя в щеку давнюю подругу моей матери. Мелани купила много картин и любила хвастаться, что приобрела культовых художников, когда они еще были неизвестны. Если я смогла бы заинтересовать ее своей галереей, тогда я бы почувствовала, что у меня действительно имеется чутье на такие вещи. Она была знакома со многими богатыми людьми по всему миру.

— Конечно, я бы не пропустила такое мероприятие. — Она оглянулась вокруг. — Отличное место и очень любопытно, дорогая.

— Спасибо. — Я наконец-то получила то, над чем работала все эти годы, но такие женщины, как Мелани, никогда бы не испытали такого чувства. Ее работа состояла в посещении благотворительных обедов и сбору пожертвований. В этом и состояла работа таких женщин, как она и моя мать. И мой отец почувствовал бы себя более комфортно, если бы я поступала бы также. Его огорчала даже сама мысль, что его дочь будет

заниматься такими вещами, как считать прибыль и убытки. Он хотел, чтобы я по-прежнему оставалась его принцессой.

— Давай я покажу тебе работу одного художника, — сказал я, забрав два бокала шампанского с подноса и передав один Мелани. — Думаю, он тебе понравится. — От этих слов у меня сжался живот. Нравилось мне это или нет, но я вынуждена была убедить покупателей, что у него есть талант, не учитывая, что он мне изменил. Мне приходилось постоянно напоминать себе, что я продаю изящное искусство Грейс Астор, а успех Стива просто побочный продукт.

К счастью, в галерею все шел и шел народ. Я двигалась через толпу от одного человека к другому, поощряя их восхищение работами Стива, и пытаюсь завязать контакты.

Все шло хорошо, пока Стив не ввалился в дверь через час после открытия. Его взгляд был остекленевшим, слишком длинные каштановые волосы были немного сальными. Он бесчувственно держался за плечо своего помощника. Стоя у двери, он явно предполагал, что его все ждали и встретят аплодисментами, но никто не знал, кто он.

В этом и состояла моя часть работы — эффективно представить его потенциальным клиентам, а его задача состояла в том, чтобы очаровать их. Но картинки, как я вошла в свой кабинет и обнаружила его там со спущенными штанами, не позволяли мне приблизиться к нему даже на шаг. Мои деловые навыки могли заставить меня притвориться, что все хорошо, главное не видеть его рядом с собой, и уж тем более я совсем не горела желанием тусоваться с ним.

Он поймал мой взгляд и напрямик направился ко мне. Я быстро извинилась перед арт-дилером, с которым разговаривала и направилась к Нине Грекко, чуть ли не сбив ее с ног, одного из самых влиятельных арт-консультантов в городе.

— Нина, я Грейс Астор, — сказала я, протягивая руку. Она заучено улыбнулась, также, как и я весь вечер, пожав мне руку. — Я очень рада, что вы смогли прийти.

Я отлично понимала роль консультантов. В мире искусства очень трудно ориентироваться, и иногда клиенты нуждаются в людях, которые имеют специальное образование в этой области, желая что-либо купить. Большинство же клиентов Нины просто хотели знать совершенно точно, если они купят какую-то картинку или вещь, выгодным ли это будет для них капиталовложением. Их не интересовало само искусство, как таковое, только дивиденды, которые оно могло бы им принести. Искусство для них было своего рода инвестициями в течение сотен лет, но я все еще не теряла

надежды, что богатым романтикам понравится многое, что было выставлено в моей галерее. Я хотела бы таких клиентов, которые бы вкладывали деньги, испытывая какие-то эмоции. Искусство нельзя рассматривать, как инвестирование в «золотые слитки» или в качестве денежного запаса, оно все же было гораздо более личным, по крайней мере, так мне казалось и так должно было быть.

— Мисс Астор, это мой клиент, Сэм Шоу. — Нина положила руку на руку мужчины, стоящего рядом с ней.

Я перевела взгляд, ему было около тридцати, волосы темно-русые и глубокие карие глаза, и он открыто пялился на меня.

— Мистер Шоу, очень приятно с вами познакомиться. — Он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Весь его вид показывал скуку, словно его принуждали потратить несколько часов, притащив сюда, что явно не доставляло ему удовольствия.

— Грейс, сегодня ты открыла нового художника, который находится на пороге признания, не так ли? — спросила Нина, продолжая смотреть на мистера Шоу.

Я тоже не могла почему-то отвести от него глаз, но я смогла взять в себя в руки.

— Верно. В его работах присутствует настоящий кайф, поэтому сегодня сюда пришли несколько известных коллекционеров. — Я оказалась в своей среде, произнося тоже самое, что говорила всем весь вечер. — Он очень прекрасный мастер в живописи, обладающий явно талантом в абстрактном экспрессионизме. — Мистер шоу не встретился со мной взглядом. Он смотрел на полотно с несколько смущенным выражением. Нина явно зря тратила свое время.

— Грейси, — прогремел Стив позади меня, чем привлек внимание мистера Шоу.

Я старалась не показывать свою пренебрежение к нему, которое явно чувствовала внутри.

— Позвольте Вам представить этого художника, — произнесла я.

Стив обхватил меня за талию, я попыталась выбраться из его хватки.

— Привет, Грейси.

— Стив, познакомься с мистером Шоу и Ниной Грекко. — Несмотря на то, что я оставалась совершенно невозмутимой, все же попыталась оттолкнуть его в грудь, пытаясь вырваться из его рук. Он полностью проигнорировал мои действия, только еще сильнее меня обнял. — Я как раз собиралась рассказать вам об этой части экспозиции. — Я указала на картины слева от Нины. — Вы позволите нам рассказать предысторию этих

картин на заднем плане? — Я улыбнулась и встретила глазами с мистером Шоу, который переводил взгляд от Стива на меня, как будто пытался понять, что между нами происходит.

Стив тут же начал рассказывать о своем вдохновении, когда создавал эту коллекцию, а я по-прежнему пыталась вырваться из его лап.

— Мисс Астор, не могли бы вы показать мне свою галерею? — Попросил мистер Шоу, прерывая Стива в его излиянии. Я улыбнулась. Специально он сделал это или нет, но я была ему очень благодарна за спасение.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — поинтересовалась у него Нина.

— Нет, мы справимся сами, — ответил мистер Шоу, я даже не успела что-либо ответить. — Показывайте дорогу. — Стив тут же отпустил меня, и я направилась к следующей части галереи, мистер Шоу следовал за мной.

Я остановилась и повернулась к нему, когда пока мы продвигались вглубь, количество людей становилось все меньше и меньше.

— В самом конце экспозиции выставлены разные художники, — сказала я, и мистер Шоу, засунув руки в карманы, кивнул. — Какой вид искусства вы предпочитаете? — Спросила я, воспользовавшись возможностью, чтобы более внимательно его рассмотреть. Но я так и не смогла решить красив он или нет, поскольку была поражена выражением его лица — как он смотрел на меня. Он разглядывал меня, словно картину, когда покупатель сначала рассматривает ее беглым взглядом, получая общее впечатление, а затем начинает присматриваться более внимательно, пытаясь понять, что хочет донести до него эта картина.

Наши взгляды замерли, потом он огляделся по сторонам.

У него даже появились морщины, он нахмурился.

— Понятия не имею.

И пока он осматривался, я более внимательно стала рассматривать его, я точно его не знала, хотя он был очень богатым человеком в Нью-Йорке, такого уровня, как он было не много. Начиная от часов, висящих на запястье, до его мягких ботинок из кожи, все говорило мне, что у этого парня явно были деньги, и он относился к Верхнему Ист-Сайду. Но я никогда не встречалась с ним раньше. Я бы обязательно его запомнила. Он был высоким, намного выше шести футов, следовательно, выше Стива. На широких плечах мистера Шоу очень красиво сидел сшитый пиджак. Его волосы немного вились в идеальной прическе, отчего его вид был немного странным. И его смех, идущий из глубин живота, что я так открыто пялилась на него, вывел меня из ступора и я отвернулась.

Мистер Шоу продолжал двигаться вглубь выставки, напрямик к моему

секретному пространству, я следовала за ним, пока он не уткнулся в перегородку.

— Это тоже относится к вашей экспозиции? — спросил он.

— Да, там тоже часть галереи. Но работы за этой перегородкой не очень вписываются в выставленную экспозицию. Они мне просто нравятся.

Он взглянул на меня, а потом снова перевел взгляд на мои скрытые произведения. Я проследила за его взором.

— Это Ла Туш. Картина маслом, в стиле импрессионистов. А это, — я указала на Дега, — оригинальная литография, подписанная Дега, который, как вы, наверное, знаете, славился тем, что писал балерин. Он был современником Ла Туша. *(Ла Туш, Гастон (1854—1913) — французский живописец, иллюстратор и пастелист, представитель постимпрессионизма. — прим. пер.)* *(Илёр-Жермён-Эдгáр де Га, или Эдгáр Дега́ (фр. Edgar Degas; 19 июля 1834, Париж — 27 сентября 1917) — французский живописец, один из виднейших и оригинальнейших представителей импрессионистского движения.— прим. пер.)*

— А эти? — Он кивнул на пару фотографий.

— Они недавние и не особо ценные, но фотограф был бездомным довольно длительный период времени, мне кажется это видно в его работах. Он фотографирует Нью-Йорк глазами человека, который спал на улице. Он видит контраст между красотой и суровой жизнью этого города.

Он перевел взгляд на меня, немного прищурившись прежде, чем сказал:

— И вам они нравятся из-за его истории или фотографии сами по себе? — спросил он.

Я на мгновение задумалась.

— Из-за того и другого. — Я пожала плечами. — Фотографии сами по себе одновременно прекрасные и неприукрашенные. — Я взглянула на мистера Шоу, который все еще смотрел на меня. — Но я думаю, что знание истории художника, добавляет к ним что-то свое. Он знает этот город, мы его не знаем с этой стороны.

Я немного приподняла голову, чтобы он мог осмотреть меня при хорошем освещении.

Тишина пульсировала между нами. Интересно, ему нравилось то, что он разглядывал?

— Как я уже сказала, эти произведения показывают мне своего рода страсть. Они не совсем предназначены для продажи. Предыдущая часть галереи представляет собой более современное искусство.

— Они не продаются? — спросил он с нотками сожаления в голосе.

— Нет, конечно, они продаются. — Конечно, было здорово, что клиентам они понравились, я просто не ожидала, что людям, которым нравилась работы, выставленные в начале экспозиции, могут понравятся и они. — Думаю, они не главные в этой галерее.

Он снова посмотрел на меня, и на этот раз его взгляд говорил о чем-то большем, стал более осязаемым, и мне пришлось задушить дрожь в теле.

И то, что он не ответил было интригующим, почти так же, как будто он что-то скрывал, словно под фасадом Уолл-Стрит скрывался маленький Бэтмен.

— Вам не нравятся выставленные работы в галерее? — спросил он, глядя мне прямо в глаза. — Вам нравится только эта маленькая часть, да?

— Мне нравятся все, что выставлено в галерее. Стив очень талантливый художник, и все выставленные произведения достойны стать предметом коллекционирования. — Неужели я говорила сейчас, как менеджер, занимающийся продажами?

— Но они вас не очень увлекают. — Он перевел взгляд на мои губы, и я невольно коснулась пальцами губ, почти почувствовав его обжигающий взгляд.

— Дело не в этом. — Правда? Он очень хорошо меня раскусил. — Мне просто нужно включить свою деловую жилку. Все не могут увлечься тем, чем увлекаюсь я.

Он кивнул, и я неловко улыбнулась. Я не очень хорошо объяснила, но, если честно, не была готова к такому вопросу. Я не ожидала, что кто-то вообще сюда забредет.

Молча мы медленно пошли обратно к толпе, где нас поджидала Нина. Она повела мистера Шоу осматривать выставку, а я пошла искать своих друзей. Мне необходим был пятиминутный перерыв от постоянных улыбок, и хотелось вздохнуть полной грудью, после того, как постоянно приходилось контролировать себя с мистером Шоу. Подойдя к Скарлетт и Харпер, который тут же сжали меня в объятиях, поздравляя, и обнимаясь с Харпер, я заметила поверх ее плеча, что мистер Шоу совершенно игнорирует выставленные произведения искусства, а смотрит прямо на меня неумолимым взглядом. Он совершенно не стеснялся, что я заметила его взгляд, хотя я не пыталась с ним заигрывать. Я не могла решить для себя, хотел ли он продолжить беседу или продолжал все еще меня изучать.

— У меня, что юбка задралась сзади вверх или шпинат застрял в зубах или что? — спросила я Скарлетт и Харпер.

Они обе осмотрели меня сверху-вниз.

— Нет, ты выглядишь идеально, — ответила Харпер.

— Превосходно, — добавила Скарлетт. — А почему ты спрашиваешь? Я покачала головой.

— Просто этот парень смотрит, и я не могу понять, почему.

Харпер огляделась и тут же заметила мистера Шоу в толпе.

— Он? — спросила она. — Тот высокий, горячий, на котором сидит костюм почти так же, как и на моем мужчине?

— Он не такой горячий, — ответила я. Да, он был красив, но, как правило, меня такие мужчины не привлекали. Обычно.

— Он необычайно горячий и похоже распалился, глядя на тебя.

— Он сердится, — ответила я. — И он определенно не мой тип. — Наше общение было немного странное — почти не разговорчивое, но зато более, чем эмоциональное.

— Скорее всего, — сказала Харпер. — Он выглядит так, как будто платит коммунальные услуги за свою собственную квартиру и регулярно ходит к парикмахеру. Тебе ничего от него не нужно, не так ли? — Мой вкус к мужчинам и Харпер были полярно противоположными, что и послужило предпосылкой для нашей дружбы, которая пережила период нашего полового созревания, перейдя во взрослую жизнь. Слишком много подруг вляпывались, западая на одного и того же парня, отчего их дружба терпела крах.

— У нас разное отношение, — произнесла я. Я всегда сопротивлялась, когда мои родители хотели меня с кем-то познакомить из нашего круга. За кем я была бы, как за каменной стеной, так считали они. Доктор, адвокат из правильной семьи или с кем-то из Верхнего Ист-Сайда.

Я никогда не обращала внимания на то количество костюмов, сшитых на заказ костюмов, которые крутилось у меня под ногами, как Харпер. Хотя Макс Кинг невозможно было отрицать, ее муж был красив, но он был не в моем вкусе. Мне нравились парни, с которыми я могла мечтать, которые обладали спонтанностью, им были чужды условности, кто мог бы постоянно меня удивлять. Я не хотела бы, чтобы кто-то думал, что может покупать и продавать людей так же, как акции и облигации... или искусство.

Но Бэтмен? Он казалось не вписывался ни в один тип. Да, на нем был сшитый на заказ костюм, но вопросы, которые он задавал, и то, как он смотрел на меня, словно хотел докопаться до моей сути, заглянуть ко мне в душу, были не похожи не на что.

Возможно, я позволю ему это сделать.

Сэм

Через неделю после выставки Грейс Астор «Файн Арт», я не мог вспомнить ни одного произведения, которые видел в тот вечер. А Грейс Астор? Ее полные губы, тонкую талию и смущенную улыбку? Ее я не мог забыть. Мой офис находился в центре города, и закончив работу, я решил прогуляться и нанести визит Грейс. Единственное из увиденного, что я смутно помнил находилось в дальнем зале, то, что она прятала от других глаз. И я хотел увидеть эти работы снова также, как и саму Грейс.

Колокольчик над дверью, когда я вошел в галерею, зазвонил, совершенно противоречивым звоном по сравнению с выставленными картинами современных художников. Несмотря на мое отвращение к современному искусству, маленькие красные наклейки под каждой картиной сообщали, что выставка прошла успешно.

Я направился сразу вглубь к скрытым от глаз работам мисс Астор, поскольку у меня не было никакого интереса к произведениям искусства вначале галереи.

— Добрый день, — окликнула меня женщина, стуча каблуками по мраморному полу. Я развернулся, мисс Астор спешила ко мне, на ней было облегающее синее платье чуть ниже колен, а на носу сидели очки из массивной, черной оправы. Она была похожа на фантастическую Лоис Лейн, хотя решительный взгляд этой женщины, и как она хмурилась, говорили мне, что она является героиней ее историй, а никак уж не второстепенным персонажем. *(Лоис Лейн (англ. Lois Joanne Lane-Kent) — персонаж комиксов о Супермене, его возлюбленная и впоследствии жена. Лоис была создана Джерри Сигелом и художником Джо Шустером и дебютировала в Action Comics #1 в июне 1938 года. Как и Кларк Кент, Лоис работает репортером в газете Метрополиса «Daily Planet». Лоис — опытная, упрямая и хитрая журналистка, способная выбить информацию из кого угодно. Лоис всегда привлекала опасность. Это отразилось не только на её работе (Лоис всегда выбирала трудные задания и была готова лично забраться в логово злодея, если это обещало хороший заголовок), но и на личной жизни. Ей всегда нравились мужчины с тайнами и немного стоящие «на краю», играющие по своим собственным правилам. Возможно, поэтому она некоторое время встречалась с Лексом Лютором — врагом Супермена. Но как только Лоис узнала, что Лекс использует её, она ушла от него. — прим. пер.)*

— Мисс Астор, — сказал я, надеясь, что она меня вспомнит.

Она замедлила шаг и нахмурилась с нескрываемым удивлением.

— Мистер Шоу, не так ли?

Я протянул руку.

— Да, — и одарил ее улыбкой. Энджи все время мне говорила, что моя улыбка может заставить женские трусики упасть даже с десяти ярдов. К сожалению, на Грейс моя улыбка, видно, не произвела нужного впечатления, потому что она выглядела растерянной. Она пожала мою протянутую руку, я крепко сжал ее, удерживая больше по времени, чем положено.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она, взглянув на наше рукопожатие. Я выпустил ее руку, и она выдохнула.

— Я пришел взглянуть еще раз, — сказал я, показав в сторону ее тайной коллекции. — Вы не возражаете?

— Нисколько, — ответила она, и мы пошли в ту сторону.

— Видно, выставка пользовалась успехом? — Спросил я, надеясь, что отвечая, она как-то намекнет на свои отношения с художником. Он собственнически ее обнимал, пока я не попросил ее устроить мне экскурсию по галерее.

— Да, почти все продали тем вечером и потом в другие дни, когда опубликовали рецензии.

Я кивнул, пытаюсь не прерывать ее, надеясь, что она еще что-нибудь скажет. Мне нравилось наблюдать за ее губами, как они двигались, когда она произносила слова.

— У меня остались еще четыре картины, хотите я покажу их вам?

— Как я ранее уже говорил, мне они не интересны.

Мы зашли за перегородку, отделяющую главное помещение от тайной коллекции.

— Вам нравится более классические произведения, — сказала она, пока мы оба смотрели на картины и фотографии. Она не спрашивала, а просто констатировала факт.

Я засунул руки в карманы брюк.

— Честно говоря, я не знаю. Я новичок в этом деле. — Обычно я очень осторожно что-либо сообщал о себе людям. Я быстро понял, что бизнес и Манхэттен были заполнены самовлюбленными типами, которые не хотели, чтобы им кто-то напоминал об их недостатках и слабостях, и это значило, что вам не стоило перед ними раскрывать свои. Все напоминало игру — все предпочитали делать вид или притворяться, что безгрешны и что никто ничего не знает. И поскольку я был аутсайдером, я умело играл роль человека, который не разбирался в этом.

— Новичок в чем? — Спросила Грейс.

— В искусстве, — ответил я. — Не могу точно сказать, что мне

нравится.

— Но вам это нравится? — Она кивнула головой в сторону картин, которые мы рассматривали.

Я кивнул.

— Наверное, да. — Меня тронула их интимность и тайна, но я понятия не имел стоит ли в них вкладывать деньги.

Поэтому я периодически переводил взгляд от Грейс к картинам. Работы были небольшими, сдержанными, личными. Хотя связь между картинами не прослеживалась, все художники и фотограф были разными, ведя свою тонкую линию, почти не предназначенную для аудитории. Но чем ближе я их рассматривал, тем более привлекательными они для меня становились, казалось, со своих полотен они пытались рассказать мне о человеке, который их создал. Предыдущая часть галереи была заполнена яркими, привлекающими внимание произведениями, вопящими о своей значимости, как только ты переступал порог... но в них не было тайны.

Эти же работы очень многое пытались мне рассказать о Грейс. Четыре обнаженные фигуры, рисунки, сделанные от руки карандашом, но они напоминали не набросок, а картину — женщина за столом, небольшая картина гавани и две фотографии города.

— Коллекция немного эклектичная, — произнесла Грейс, наклоня направо голову, рассматривая женщину за столом.

— Да, но мне они нравятся. — Я словно почувствовал ее выбор, она не просто так выставила эти произведения... явно выставила что-то слишком личное. — Они продаются, да?

Грейс прикусила нижнюю губы, прежде чем ответить:

— Да, они выставлены на продажу. — Ее слова были неуверенными и неохотными. *Она не хотела продавать эти работы? Или она не хотела продать их мне?*

Я специально нагнулся, чтобы посмотреть на обнаженную фигуру под правым углом.

— Ну, как я сказала во время открытия галереи, они все разные. Фотографии, конечно, современные. Самому фотографу уделялось внимание, но в данный момент в нем никто не заинтересован.

— Расскажите мне еще что-нибудь о его фотографиях. — Это были единственные фотографии, представленные в галерее, которые я видел.

— Ну, они прекрасны.

Я хотел, чтобы она мне рассказала еще что-нибудь. Мне очень нравилось, что она рассказала о прошлом фотографа.

— И? — спросил я. Мне нравились все работы в этом разделе, но

фотографии вызывали у меня повышенный интерес. Грейс понравилась сама история его жизни. Ее интерес к бездомному фотографу говорил о сочувствии, с которым я не часто сталкивался.

Она быстро взглянула на меня.

— Мне нравится, что он все еще ищет красоту, несмотря на то, что жил в таком мраке. И я предполагаю, что вы можете в них увидеть трагедию жизни, но также... и надежду.

У меня перехватило дыхание. Эта женщина видела самую сущность, не впечатляясь глянцевой поверхностью, мне захотелось узнать о ней больше.

— И если взглянуть на этих двух обнаженных... — Она показала рукой по направлению к двум картинам слева. — На первый взгляд они небольшие, фактически размер в страницу, но если присмотреться и обратить внимание на поворот ее головы, то можно понять, что художник ею очарован.

Это чувство мне было знакомо.

— Но не знаю, настолько ли они хороши, — сказал я.

Грейс перенесла свой вес на одну ногу, выставив бедро, подчеркивая изгиб тела, и скрестила руки на груди, словно я ее чем-то обидел. Маленькая ухмылка подергивала уголок ее губ. Удалось ли мне хоть чуть-чуть разрушить броню, которую она носила? Она повела плечами.

— Если они вам нравятся, то какое это имеет значение?

Я вздохнул.

— Я не хочу потерять деньги.

— Конечно, — тут же произнесла она, и ее тон внезапно стал более профессиональным. — Ну, вы их не потеряете. Ни на одной из них.

— Я возьму их, — выпрямившись ответил я.

— Какую? — спросила она нахмурившись.

Я улыбнулся и мне показалось, что у нее слегка покраснели щеки. Мое повышенное внимание к ней заставило ее покраснеть? Я хотел бы надеяться.

— Все.

— Все? — спросила она, затаив дыхание. — Вы уверены?

Я наклонил голову. Почему она сомневалась? Она решила, что я не могу себе позволить купить их?

— Это проблема?

Поправив очки на носу, она ответила:

— Нет, совсем нет. Я предполагала, что вы пришли посмотреть выставку Стива Тодда.

— Это была идея Нины, — ответил я, делая к ней шаг. — Не моя. Я не

имел ни малейшего понятия, что хотел. Мне показалось тогда это какой-то азартной игрой — потратить деньги на то, отчего я совершенно далек, и при этом совершенно не чувствую желания узнавать что-либо большее. — Не задумываясь, я убрал прядь волос с ее лица.

Наши глаза встретились, Грейс немного прищурилась, как будто анализируя свой следующий шаг. Она пыталась меня понять и мне это нравилось.

— Значит, вы хотите их все? — спросила она, хотя я уже озвучил свое желание. Она сделала шаг назад, переведя взгляд от моего лица вниз к моим ногам, как будто пыталась решить, подкатываю я к ней или нет. Как будто я совершенно очевидно ей не продемонстрировал это.

Я знал по своему опыту, каково это не чувствовать себя кем-то любимым, и вместо того, чтобы позволить этому ощущению съесть меня живьем, я воспользовался накопленным опытом, чтобы стать более самоуверенным и сильным. Повышенное внимание ко мне было соблазнительным аспектом. Энджи неоднократно говорила, что мне стоит застраховать свое лицо, но я понимал, что таким успешным я стал не за счет своей внешности. Женщины видели, что я готов пойти на все, чтобы добиться успеха (неважно в постели или нет), поэтому их и влекло ко мне, проявляя повышенное внимание. То же самое касалось и бизнеса. Когда я хотел заключить сделку, это напоминало самообольщение, подстегивающее твое эго, заставляя двигаться к финишной прямой. Людям нравилось чувствовать свою значимость, будь то мужчины, женщины, в бизнесе или в спальне.

Я не выпускал ее из своего взгляда, пока она поправляла очки. Обычно я уже вызывал улыбку и кивок головой. Но Грейс Астор была по-прежнему не уверена, как ей стоит поступить.

— Хорошо, — наконец произнесла она, — могу я попросить вас последовать за мной.

— Куда угодно, — ответил я.

Она опять замерла, и я понял, что она опять раздумывает над моим ответом, потом развернулась на каблуках и направилась к столу. Может она замужем. Я мельком бросил взгляд на ее левую руку. Кольца не было. Я не мог оторвать взгляд от ее упругой аппетитной задницы, покачивающейся в ритме шагов. Может у нее есть бойфренд?

Она начала возиться в ящиках стола, предоставляя мне еще лучший вид на изогнувшееся тело и грудь, виднеющуюся в вырезе платья.

— Вот, — сказала она, вытаскивая какую-то бумажку. — Я хотела бы уточнить некоторые детали для доставки. Вы живете в городе? — спросила

она, переходя на деловой тон, как и в начале нашего разговора.

— На Парк Авеню.

От моих слов она закатила глаза.

— Ну, конечно же.

Господи, она понимала, что это грубо?

— А с этим какие-то проблемы? — спросил я.

— О, нет, извините. Я просто... Когда будет удобно осуществить доставку?

— Я предполагаю, что вы приедете вместе с доставкой, чтобы проконтролировать инсталляцию?

Она слегка приоткрыла рот, и ее пухлые губы манили меня провести по ним пальцем. Мне показалось, что она откажется, но вместо этого она улыбнулась. Не открытой настоящей улыбкой, которой она одарила меня, когда я признался, что совершенно не разбираюсь в картинах, желающих купить, а той фальшивой, ничего не обязывающей улыбкой, говорящей о полученном удовольствии от выгодной сделки.

— Конечно, мистер Шоу. Когда вам будет удобно?

Я никогда не упирался рогом, чтобы получить то, что я точно знал не смогу иметь. Но мне хотелось больше узнать о Грейс. Возможно, в дальнейшем она смогла бы заменить Нину, став моим консультантом в области искусства. Если бы я предложил ей это в данную минуту, она точно бы отказалась. Так что я подожду. Как только она появится у меня в апартаментах, я постараюсь включить все свое обаяние и завладеть полностью ее вниманием, она согласится, она не сможет мне отказать.

4.

Грейс

Я стояла у здания, в котором выросла, на этот раз у черного входа, через который заносили крупногабаритные вещи, ожидая прибытия фургона с картинами для мистера Шоу. Я была полна решимости не просто стать избалованной принцессой Парк Авеню и тратить свою жизнь на благотворительные обеды, но каким-то образом все же опять оказалась здесь. Но сейчас все было по-другому. У меня был свой бизнес, и я зарабатывала деньги. Я проверила телефон. Сообщений не было. В ожидании я сложила руки на груди. Почему машина так долго ехала из галереи? Мне не хотелось заставлять мистера Шоу ждать.

Хотя, как правило, хозяйки галереи обычно не наблюдают за доставкой, и я предполагала, что Нина займется этой частью. Если мистер

Шоу нанял ее, тогда зачем ему понадобилась моя помощь? Хотя грех было жаловаться. Он был хорошим клиентом. Выставка Стива прошла хорошо, но поскольку он был начинающим художником (и только потому, что я спала с ним), я согласилась на четверть комиссионных, которые обычно берут от продаж.

Мы не подписывали никаких документов, все деньги были мне выплачены, поэтому я могла настоять и уменьшить его гонорар, но сделка есть сделка. Хотя я ненавидела его, мне не хотелось опускаться до его уровня. В дальнейшем я собиралась быть более осторожной, чтобы так глупо не попасться снова. Стив даже не извинился передо мной, и с его стороны не последовало никаких объяснений. Он не пытался что-либо исправить. Вел себя так, как будто мы были друзьями, причем не закадычными, словно я — обычный владелец галереи, которая согласилась устроить его первую выставку. Он так легко и без всяких усилий отстранился, что я решила, что настоящих чувств ко мне у него никогда и не было. Мы встречались больше девяти месяцев, в конце концов. Все это время он жил у меня в квартире.

Может, все это время он просто использовал меня.

Но размышлять насколько он оказался полным мудаком, я не собиралась. Мне необходимо было двигаться вперед, полностью сосредоточившись на своем будущем, а вернее на галереи «Файн Арт» Грейс Астор и на клиентах таких, как мистер Шоу. Мистер Шоу, которого я отказывалась находить привлекательным.

Подъехал грузовик, и я отправила смс-ку мистеру Шоу, что мы уже поднимаемся. Я наняла трех грузчиков — один должен был оставаться в грузовике, а два поднимать картины наверх. Картины были не такими большими, чтобы их переносить по одной, но я хотела посмотреть, как вообще работает эта компания доставки. Надеюсь, что к этой, из многих на Манхэттене, я обращусь ни один раз.

— Привет, ребята. Давайте откроем эту дверь и посмотрим не повреждено ли что-нибудь, — сказала я.

— Все хорошо. Мы знаем, что делаем. — Ответил старший парень, открывая заднюю створку двери, и я увидела, что картины были надежно упакованы и закреплены по бокам грузовика.

— Хорошо. Если вы передадите мне вот эту, — я указала на Дега, упакованного в бумагу и пузырчатую пленку, — и каждый возьмете по одной, будет просто отлично. Я не хочу, чтобы вы переносили больше, чем одну за раз, хорошо?

Мы вошли в служебный вход здания, Виктор охранник придержал для

нас дверь.

— Спасибо, Виктор.

— Без проблем, мисс Астор. Я только что видел вашу мать в вестибюле, видно она ушла.

Я не сообщила своим родителям, что приеду. Отец был на работе, а я всячески избегала встречаться с матерью с глаза на глаз, насколько это было возможно, конечно.

— Вообще-то я приехала, чтобы доставить эти картины мистеру Шоу.

— О, новый парень. — Виктор кивнул. — Хорошо, ты знаешь этот дом лучше меня. Если тебе что-нибудь понадобится, дай знать.

Я улыбнулась ему и направилась к грузовому лифту.

Когда мы поднялись в квартиру мистера Шоу, дверь была открыта, ее подпирала коробка. Он только что переехал? Виктор сказал, что он новый, но любой, кто не жил в этом доме, по крайней мере, двадцать лет, для Виктора был новым.

— Привет? — произнесла я с порога.

— Входите. — Прогремел голос мистера Шоу с другого конца коридора. Я повернулась, кивнув двум мужчинам, следующим за мной, и вошла внутрь. Холл был пустым. Просто пустым — голые стены, не столиков или ковров, или других элементов интерьера. Возможно, он все еще переезжал. Я шла на свет, льющийся из открытой двери, не предполагая, где находится сам мистер Шоу.

Дойдя до дверей, я обнаружила его у огромного окна, смотрящим на открывающийся городской пейзаж Нью-Йорка, рукава его белой рубашки были завернуты, а руки засунуты в карманы брюк. Да, Скарлетт с Харпер были правы, он был, действительно, красив. И несмотря на то, что он не в моем вкусе, я все же могла обратить внимание на красивого мужчину. И то, как он внимательно изучал меня в галереи, было... наверное, я напридумывала себе, но ощущение было почти физического прикосновения, словно он поглощал меня всю. Наблюдая за ним, я обратила внимание, что он был высоким и широкоплечим, его задница была более упругой, раньше я не обращала на это внимания. И мне нравилось видеть, как его волосы переливались на свету. Я вспомнила, как он флиртовал со мной в галереи, хотя не была уверена можно ли это назвать флиртом. Он резко развернулся на сто восемьдесят градусов, и я ахнула от неожиданности, что он заметит, как я разглядывала его, фактически разбирая по частям, словно он картина, о которой я собиралась составить критическое мнение.

— Грейс, — произнес он, направляясь ко мне, его тяжелый взгляд

прошелся по мне сверху донизу, я отвернулась, как будто солнце светило мне в глаза.

И повернулась к двум грузчикам.

— Поставьте их к стене и поднимите остальные.

Они ушли, я повернулась к мистеру Шоу, который все еще продолжал смотреть на меня. Отступила на шаг. В его взгляде была что-то очень сильное и напряженное, меня немного нервировало, я чувствовала себя неуютно, но в то же время приятно. Мне даже захотелось, чтобы он еще подольше изучал меня.

Может мне следовало задержать одного из грузчиков?

— Я думала, что здесь будет Нина, — сказала я, оглядываясь вокруг. Если бы Нина принимала бы в этом участие, она бы не позволила мистеру Шоу купить настолько разные произведения искусства. Но мне захотелось узнать, почему, если он был так сосредоточен на выгодных инвестициях, он совершил эти покупки, не посоветовавшись с ней. Комната была пустой, ни одного предмета мебели, кроме потертого кожаного кресла честерфилд, поставленного напротив окон. Не было ни ковров, ни телевизора. Даже комнатных растений.

— Я уволил Нину.

Вау! Нина была самым высокооплачиваемым консультантом в этом бизнесе. Сомневаюсь, что ее когда-нибудь кто-нибудь увольнял.

— Мне жаль это слышать. — Я положила бумажки с названиями картин на пол, сосредоточившись, чтобы мое выражение лица оставалось нейтральным.

— Не стоит. Она говорила мне то, что я хотел бы услышать. Я предпочитаю людей, которые говорят мне правду. — Он сообщал мне о своих предпочтениях, вкладывал всю свою энергию в каждое предложение, которое произнес.

— Она очень востребована в этой сфере. — Хотя он удовлетворил мое любопытство, выдав даже больше деталей, чем я предполагала, но хотелось узнать больше. Не о Нине, а о нем. — Она не часто обзаводится новыми клиентами.

— Думаешь, я совершил ошибку? — Неужели его, на самом деле, волновало, что я думаю об увольнении Нины?

— Нет. — Я пожала плечами. — Если честно, понятия не имею. Вы должны выбирать с кем предпочитаете работать.

— Именно, — произнес он, удерживая мой взгляд, и я чувствовала, как его взгляд скользит по моему телу, как теплая вода.

Отчего задрожала.

— Ты нервничаешь?

— Нет. — Я потеряла руки, как будто мне было холодно.

Он ухмыльнулся и кивнул.

— Понятно, — ответил он, понимая, что я вру.

Я нахмурилась, не уверенная, что захочу узнать, что ему понятно.

— Куда вы предполагаете их повесить? — Мне необходимо сосредоточиться на своей работе.

— Ты как раз находишься здесь, чтобы сказать мне, куда их следует повесить.

— У вас нет каких-либо предпочтений? Спальня, гостиная? — Зачем покупать картины, если у него даже нет стола, на который можно поставить чашку с кофе?

Он обвел пространство руками.

— Никаких. У тебя полный выбор.

— Хорошо, я распакую, и тогда мы сможем решить. Вы лучше знаете свою квартиру.

Я наклонилась и начала разворачивать Дега, картину которая висела у нас в доме с тех пор, как я себя помню. Я ненавидела смотреть на свою тайную коллекцию картин, особенно Ла Туш в других апартаментах, но теперь я стала владельцем бизнеса. Эти произведения были не для моего личного удовольствия, и хотя мистер Шоу явно не был знатоком, как раз это мне в нем и нравилось. В этих картинах что-то его привлекало. И может «Файн Арт» Грейс Астор пробудит у него страсть к искусству, может я смогу каким-то образом своей галерей дотронуться до душ людей, и они увидят что-то прекрасное, а не только возможность сделать выгодные вложения.

По мере того, как грузчики заносили остальные картины, я разворачивала каждую, убирая плотный картон, пузырчатую пленку и папиросную бумагу, пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом, а не на Сэме Шоу. В конце концов, все восемь произведений искусства выстроились вдоль стены напротив окна.

— Итак, вы планируете покупать что-нибудь еще? — Спросила я, желая наверняка знать не заняла ли я место, предназначенное для чего-то другого.

— Не знаю, — ответил он, близко стоя рядом со мной, я даже чувствовала тепло, исходящее от его тела. — Возможно. Мне нужно найти человека, который бы помог мне в этом. Как я уже говорил, я ничего не понимаю в искусстве.

— Но вам же они понравились? — спросила я, изучая его отточенный

подбородок, пока он рассматривал свои картины. — Совсем не обязательно, чтобы вам нравились картины, о которых хорошо отзываются критики. Главное, что вы чувствуете, ваши эмоции, а не чьи-то умозаключения.

— Страсть, увлечение должны преобладать над логикой? — спросил он.

Я не могла сдержать усмешку.

— Вам, вероятно, будет чужда такая концепция, мистер Шоу?

— Зови меня Сэм. — Его тон был слегка резким. — Думаешь, я не страстный и не увлекающийся?

Мне показалось, что нас разговор пошел не в ту сторону. Я не хотела, чтобы мой комментарий он воспринял на свой счет. У меня тут же возникло ощущение, будто я падаю в кроличью нору на совершенно мне неизвестную территорию.

— Я не знаю вас, — ответила я, задаваясь вопросом не зашла ли я в тупик своими словами.

Между нами восстановилось молчание.

— Думаю, что сочетание этих двух понятий, и есть то, где я наиболее эффективен, — произнес он. И мне опять показался его комментарий слишком личным, словно он что-то открывал мне, частичку своей личности. Но это и влекло меня к нему, я была уверена, что он не рисуется передо мной.

Он повернулся ко мне лицом.

— Ваша реакция на эти произведения эмоциональная или интеллектуальна? — поинтересовался он.

— Может быть эмоциональной, а может быть сразу обе.

— А на эти картины? — Он обвел загорелой рукой выстроившиеся картины в ряд.

— Обе, — честно ответила я. Я почувствовала, как будто что-то отдавала ему сейчас, признавшись, и казалось, что он это понял.

— Ах, — сказал он. — Страсть и логика.

Я молчала, а он перестал спрашивать.

— А к какой больше всего стремится душа? — поинтересовалась я. Мне необходимо было развесить эти произведения в определенном порядке. И поскольку он стал мне открываться, затрагивая немного личные темы, от этого я чувствовала себя не очень комфортно. И дело касалось не только того, что он так близко стоял ко мне и не его напряженного оценивающего взгляда, словно он пытался что-то выяснить обо мне ненароком, чтобы я не заметила. Но я заметила. И мое бескомпромиссное

мнение было связано с тем, что я почему-то была уверена, что ему понравится то, что он выбрал, когда рассматривал картины, стоящие у стены. По какой-то причине для меня это было важно. Я хотела ему понравится, мне хотелось, чтобы он нашел меня привлекательной.

— Мне нравятся они все.

— Иначе ты бы их не купил, верно? — Как только произнесла эти слова, сама услышала в них сарказм.

Он усмехнулся, а я расслабилась.

— Не уверен насчет этого. Я уже говорил тебе, что новичок в искусстве. Я хотел бы быть уверен, что купив их, хорошо вложил свои деньги.

— Но ты уволил Нину. — Я скрестила руки на груди. Я сама не отдавала себе отчет в своих действиях, но мои мысли были занятыми этим мужчиной. Хотя мне стоило сосредоточиться на работе, а не на его мускулистом теле и глубоких карих глазах. — Она лучшая в поиске больших инвестиций.

— Уволил.

— И понятия не имеешь, что ты приобрел, — произнесла я, кивнув головой в сторону распакованных работ, — могу тебе сказать — это хорошее вложение денег.

Он вздохнул и засунул руки в карманы, отвернувшись от меня.

— Ты права. Я был не логичен.

Между нами опять установилась тишина. Мне необходимо более вежливо обходиться с клиентом, если и дальше я собиралась заниматься подобным бизнесом. Я буквально оскорбила его, а он это проглотил. Фактически я тестировала его, пытаясь вызвать реакцию, которая бы мне не понравилась и тогда я могла спокойно вычеркнуть его из списка.

Он окинул меня мерцающим взглядом и, наконец, сказал:

— Я хочу, чтобы ты стала моим консультантом. И заменила Нину.

Я не ожидала услышать от него нечто подобное.

— Я не могу, — тут же ответила я.

Он никак не отреагировал. Я хотела извиниться, объяснив, что галерея забирала слишком много времени и сил, что я упорно работала, чтобы получить прибыль и оплатить кредит. И я не хотела злить Нину (она была способна погубить мою карьеру), если она расскажет всем, что я украла у нее клиента. Ни один консультант не захочет иметь со мной дел. А что касается него? С ним я не могла проводить больше времени. Он слишком много энергии забирал у меня, оккупировав мои мысли.

— Думаю, что обнаженные тела были бы хороши в вашей

гардеробной, — произнесла я, сделав вид, что он не просил меня помочь, и что я не высказала столь грубый отказ.

— Неужели я похож на извращенца? — поинтересовался он.

Я рассмеялась, отчего тут же расслабилась.

— Я не имела это ввиду. Тогда не мог бы ты показать мне свою квартиру, или нам стоит повесить все тут?

Не сказав ни слова, мистер Шоу направился в коридор и открыл первую дверь справа.

— Это кабинет. — Комната была пустой, кроме серо-коричневого ковра на полу и жалюзи на окнах.

С противоположной стороны в коридоре, он открыл еще одну дверь.

— Это вторая гостевая спальня. — Тоже пусто. Здесь вообще кто-то живет или как?

Другая гостевая спальня была такой же, как и комната, которая он сказал будет использоваться как складское помещение. Но для чего? Что он собирается туда складывать, если кругом такая пустота.

Он открыл последнюю дверь возле выхода и махнул рукой, приглашая меня первой войти внутрь. Я взглянула на него и шагнула вперед, он опустил глаза в пол, как будто ожидая моей реакции.

Это было огромная комната, в которой на полу лежал серебристо-серый ковер, напротив окна находился матрас (без рамы) с простыми, бледно-голубыми простынями и стопкой книг рядом на полу. Я взглянула на мистера Шоу, у него было совершенно нейтральное выражение лица.

Я прошла вглубь, более внимательно изучая обложки книг, отчаянно пытаюсь получить хоть какую-то информацию об этом человеке, который так контролировал все и особенно бизнес, и при этом желал поговорить со мной о страсти, а также заставлял смеяться. На полу лежало несколько триллеров, авторов и названий я никогда не слышала, и сверху потрепанная, зачитанная книга «Графа Монте-Кристо», даже страницы были загнуты.

Кто этот человек?

Я развернулась, оглядываясь вокруг, не упустила ли чего-нибудь из вида, но, нет. В этой комнате не было ничего, кроме дивана, который ему, наверное, подарила армия спасения и матраса, да нескольких книг.

Мистер Шоу жил как скваттер. (*Скваттер – лицо, незаконно вселившееся в помещение. – прим. пер.*)

Но нет, этот мужчина владел квартирой в самом дорогом районе Нью-Йорка и заплатил мне черной картой American Express.

— А гардеробная? — спросила я.

— Туда. — Он указал на арку. Я вошла в арку, обнаружив заполненный гардероб. Деловые дизайнерские костюмы. Обувь ручной работы. Но здесь не было свободных стен, куда можно было бы повесить картины.

— Думаю, кабинет отлично подойдет для ню, — произнесла я, рассеянно протянув руку, проведя пальцами по одному из пиджаков.

— Конечно, как скажешь.

— Ты хоть представляешь, куда ты поставишь мебель? — Поинтересовалась я, вернувшись в коридор и повернув к нему голову.

Мы остановились у входа в его кабинет, он покачал головой, снова опустив глаза в пол.

— Нет. Еще.

При такой пустой квартире с пустыми стенами не составляло труда найти место для любой из картин, и в течение двадцати минут я уже знала, куда каждую следует повесить.

— И Ла Туша я думаю, нужно повесить в столовой. — Свою любимую, и на мой взгляд лучшую, я оставила на «закуску», если можно так сказать.

Он кивнул, не произнеся ни слова, пока я перетаскивала картины из одной комнаты по всем местам. Молча наблюдал за мной. Мы не обменивались любезностями и не говорили о погоде, я работала в полной тишине. Но мне с каждой минутой становилось все более комфортно, чем больше я тут находилась, как будто мы поближе познакомились друг с другом, хотя и не общались.

Я приложила раму к стене.

— Что ты думаешь?

— Мне нравится, — кивнув ответил он. У нас произошел наконец-то прорыв — мне удалось заставить его высказать свое мнение.

Я ухмыльнулась, обрадовавшись, что ему нравится мое любимое произведение.

— У тебя красивая улыбка, — произнес он, и я отвернулась. Наши отношения были странными с первого раза, как только я с ним познакомилась, но сейчас впервые, мне показалось, что мы пересекли какую-то черту.

— Спасибо. — Я поставила картину на пол, осторожно прислонив ее к стене.

— Ты когда-нибудь задумывалась, кому она могла писать письмо? — спросил он, подходя ко мне ближе.

Я по-прежнему продолжала улыбаться.

— Думаю, она пишет любовнику или мужчине, которого хотела бы

иметь своим любовником.

— И чтобы она ему написала... тому мужчине, которого бы хотела иметь своим любовником? Она попыталась бы его соблазнить? — спросил он. Я была не уверена, говорил ли он о картине.

Воздух между нами сгустился, жар его тела согревал меня. Сейчас стало намного все более сильнее, чем флирт. Я ощущала, будто он дотрагивается до меня. Поэтому он попросил, чтобы я сама доставила картины и посоветовала, куда их повесить? Он хотел меня?

— Кем бы ни был художник, он также, как и мы, задавался этим вопросом, — прошептала я.

— Мне кажется, ты тоже пытаешься понять людей, — произнес он, смахнув прядь с моего лица и заправив ее за ухо. Тоже самое он проделал в галерее. Но на этот раз я хотела большего. Большого, чем мимолетное движение его пальцем по своей коже.

Но он был прав. Я, действительно, пыталась разобраться и понять его, как только увидела его пустую квартиру. Он был богат, красив, уверен в себе, но в нем присутствовала скрытая грусть, как и во всем этом пространстве, по которому гуляло эхо, и я не могла до конца объяснить, но меня это привлекало.

— Я хочу тебя поцеловать.

Если бы за нами наблюдал кто-то со стороны, и не видел бы, что проходило между нами с тех пор, как я вошла в его апартаменты, его заявление показалось бы неуместным и грубым, но сейчас стоя напротив него, когда он произнес эти слова, я вдруг поняла, что *он должен* меня поцеловать.

Мне понравилось, что он предупредил меня, но при этом не попросил моего разрешения. Возможно, его губы расскажут мне больше о нем.

Глядя на меня сверху вниз, он взял мое лицо в ладони и прижался к моим губам, затем отстранился и снова поцеловал на этот раз сильнее. Его прикосновение вызвало мурашки у меня на коже, тело обмякло, несмотря на голос в моей голове: «Кто этот мужчина? Мне не нравятся подобные мужчины».

Но мне хотелось, чтобы он целовал меня.

Поэтому руки сами собой обвинили его за талию, поглаживая его широкую спину, прошлись по мышцам сквозь плотно прилегающую рубашку, он настолько отличался от тех не накаченных мужчин, с которыми я привыкла встречаться. И вместо того, чтобы чувствовать себя с ним странно или некомфортно, я ощущала вполне комфортно, даже очень комфортно, словно он стирал с меня прикосновения других мужчин.

Он прошелся подушечками пальцев по моим скулам, затем положил руку на спину и прижал к себе. Я ахнула, а он улыбнулся мне в губы. И в этот момент он получил власть надо мной, не потому, что он силой забрал ее, а потому, что я добровольно ему отдала.

Его язык раздвинул мои губы, и я откинула голову назад, желая получить от него как можно больше. Колени ослабли, мысли и тело обмякло, как будто он забирал всю мою энергию, все мое самообладание.

Он схватил меня за талию и слегка встряхнул.

— Ты в порядке? — спросил он, его взгляд прожигал меня.

Я кивнула, пялясь на его грудь, на его широкую, твердую грудь. Что я делала? Как я оказалась в руках этого мужчины, и почему мне было так хорошо?

— Могу я задать тебе вопрос? — спросила я.

Он усмехнулся и отступил на шаг. Мое тело тут же обдало прохладой, и я даже разозлилась на себя, что заставила его отодвинуться.

— Ты умираешь от любопытства, как только вошла сюда.

— Откуда ты знаешь?

Он провел рукой по волосам и сделал еще один шаг назад.

— Я умею читать людей.

— Да? Тогда какие вопросы я хотела тебе задать? — Он явно думал, что знает все.

— Ты пытаешься понять, кто я и почему эта квартира такая пустая. Почему есть только потертый старый диван и матрас, а в шкафу полно дизайнерских костюмов.

Я сосредоточилась на изгибе его губ, когда он говорил. Каждое слово казалось таким продуманным, произносимое этими совершенными, полными губами.

— О и да, тебя влечет ко мне, но почему-то ты борешься с этим чувством. — Он погладил шею. — Я еще не сложил все части вместе по этому поводу.

Меня затрясло. Кто он такой, что может вот так залезть в мои мысли и рассказывать мне, о чем я думаю, даже если все, что он сказал, было абсолютной правдой? Высокомерно, но точно.

— Мне пора, — произнесла я, направляясь в коридор. — Завтра я пришлю рабочего, чтобы повесить картины. Я поставила их именно в те места, где они должны висеть.

Я оглянулась, он стоял на месте, засунув руки в карманы, но его улыбка потускнела.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне пополнить коллекцию.

— Я не могу согласиться на это, — бросила я через плечо.

— Ты не можешь позволить поцелую, даже если это был лучший поцелуй за всю твою жизнь, мешать бизнесу?

И поэтому тоже. Он ходил вокруг да около, странно флиртуя с незнакомыми женщинами, рассказывая им, какой он классный целовальщик, так что ли? Я остановилась у выхода в коридор и развернулась к нему.

— Думаешь, это был лучший поцелуй за всю мою жизнь? — Возможно, он был прав. Я не могла вспомнить ничего подобного, чтобы поцелуй так подействовал на все мое тело. Он буквально заставил меня растечься и захотеть большего.

— Я так подумал, потому что это был лучший поцелуй *за всю мою жизнь*. И мне показалось, что для тебя он был таким же. — Его тон был одновременно поддразнивающим и искренним, мне даже показалось, что он говорит правду.

Я закатила глаза, причем самым очевидным и преувеличенным образом.

— И женщины покупаются на твой трюк? — Повернулась к двери, поскорее пытаюсь выбраться отсюда. Что я наделала, целуясь со своим клиентом? Но мне хотелось целоваться с ним подольше.

— Я позвоню тебе завтра по поводу консультанта. Переспи с этой мыслью. — Переспать с этой мыслью не изменит мой ответ. Я сказала ему «нет». Хотя и была благодарна за то, что он купил у меня картины, это было для меня важно, поскольку теперь я смогу заплатить за этот квартал, но это совсем не означало, что я обязана тратить на него больше своего времени. Я поцеловала его, и это уже достаточно плохо. Черт побери, что еще может произойти, если я буду работать с ним более тесно?

Ему придется найти себе другого консультанта по искусству.

5.

Сэм

— Ты выглядишь рассеянным, — сказала Энджи, глядя в меню. Несмотря на то, что мы оба работали, нам все же удавалось изредка заскакивать в нашу любимую старенькую забегаловку в деловой части города. Муж Энджи в данный момент был на работе, поэтому мы воспользовались возможностью поесть вместе. В этой забегаловке было что-то такое, что заставляло нас возвращаться сюда уже много лет. Бургеры.

Я покачал головой.

— Нет, просто голоден. Зачем ты так пристально изучаешь меню? Ты же знаешь, что там. Оно не менялось уже лет десять.

На самом деле, попав сюда я немного отвлекся. Грейс покинула мои апартаменты до того, как я получил шанс собраться с мыслями и уговорить ее стать моим консультантом по искусству. Грейс была очень красивой, уверен, что у нее много поклонников. Я не мог понять, почему она занимает мои мысли.

Энджи подняла глаза и опустила меню.

— Ты что-то обдумываешь, — сказала она.

— Перестань меня читать, меня это бесит, — огрызнулся я, махнув официантке. — Давай закажем. — Когда мы были подростками, по выходным с Энджи делали вылазки в центр города. Мы гуляли по улицам делового центра, запрокинув головы вверх, рассматривая небоскребы. Тогда я говорил, что однажды стану владельцем одного из этих зданий. Сейчас у меня в собственности было три здания в самом центре города, два в деловой части и мои апартаменты — первое вложение денег в жилую недвижимость. После наших долгих прогулок по городу, мы всегда заходили в эту забегаловку, заказывала один молочный коктейль на двоих. За счет тех дней, когда мы ходили по городу и мечтали, я и выжил — эти дни заставляли меня верить, что будущее будет лучше настоящего.

— Я давно тебя таким не видела. — Энджи закатила глаза также, как и Грейс, когда я сказал ей, что поцелуй лучший за всю мою жизнь.

Она подумала, что я пытаюсь соблазнить ее, собственно, она была права, но это совершенно не значило, что я сказал неправду. Большинство людей, попав в мои апартаменты, тут же поинтересовались бы почему у меня нет мебели. Почему я, обитая на Парк-Авеню 740, сплю на матрасе на полу. И хотя обычно мне было насрать, что обо мне думают другие, почему-то когда Грейс прохаживалась по моей пустой квартире, я чувствовал себя несколько неудобно. Хотя я не обязан был объяснять, что мне не хочется загромождать свой дом причудливой мебелью, и что мне нравится мой протертый старый диван, и больше мне ничего не нужно, кроме матраса на полу.

И все же, я хотел, чтобы она поняла меня.

— Я буду чизбургер, картошку фри и шоколадный молочный коктейль. — Произнес я официантке, выходя из самообороны. Если бы не я, Энджи так бы и не приняла окончательного решения по поводу меню.

— Я буду то же самое, но еще луковые кольца и макароны с сыром, — официантка записывала заказ. — О, и еще с помидорами?

— Мне придется везти тебя домой? — поинтересовался я. — Твой муж ненавидит это место, я правильно понимаю, что ты заказала все это для себя, а не для него? После такого количества еды, ты даже не сможешь ходить.

— Я проголодалась. — Она пожала плечами. — Хватит игнорировать мой вопрос и скажи, что у тебя на уме.

— Я купил несколько картин, — ответил я, пытаюсь переключить ее внимание.

— Картин, которые тебе посоветовал купить твой консультант?

— Типа того. — Я отодвинул меню в сторону и провел ногтем по металлической кромке стола. И не мог вспомнить, когда в последний раз лгал Энджи. Я всегда был абсолютно честен с ней. Но мы никогда не обсуждали моих женщин, потому что женщины редко занимали мои мысли. В отличие от Грейс.

— И ты собираешься купить мебель? Я знаю, что ты сентиментально относишься к своему дивану, но может ты отвезешь его в офис. — Энджи постучала пальцами по столешнице.

— Я совершенно не испытываю каких-либо чувств к своему дивану, о чем ты говоришь? — Я вообще не сентиментален по поводу вещей. Именно из-за этого у меня их и не было.

— Тогда почему ты на нем спишь до сих пор? Он же разваливается прямо на глазах.

— Нет, он в порядке, — ответил я. — Если правильно положить подушки, то пружин почти не видно. У меня нет причин его выбрасывать.

— Есть и не одна.

Нам принесли заказ, Энджи набросилась на макароны с сыром, как будто не ела неделями. Она всегда отличалась отличным аппетитом, но по количеству блюд, которые она заказала, даже для нее это было сверх.

— Покупка мебели, все равно что выбросить деньги в огонь. Диван у меня есть, и он нормальный. — Я не хотел жить по-другому только потому, что сменил адрес проживания. Хотя было бы неплохо позвать Грейс выпить. Может стоит купить стаканы для виски. На данный момент у меня даже не было столовых приборов. Я взял с работы пару кружек, потому что мне не нужны были излишества. Мне не нужно много.

— Тебе не хочется устроить новоселье? — поинтересовалась Энджи. — Стыдно иметь такую шикарную квартиру и никому ее не показывать.

— Новоселье? — Усмехнулся я. — И кого мне пригласить? Я знаю только тебя и Чэса. — Энджи и ее муж были моими единственными друзьями. У меня не было собутыльников. Я не ходил в колледж, поэтому

друзей по колледжу у меня тоже не было. Кроме Энджи из моей прошлой жизни в детдоме у меня никого не было.

— А как насчет вечеринки для сослуживцев? — поинтересовалась она.

Я откусил чизбургер, медленно стал жевать, чтобы подумать над ее предложением. Мне не хотелось бы, чтобы сослуживцы, с которыми меня связывали чисто деловые отношения оказались у меня дома. И все это было не важно, моя квартира была всего лишь хорошим вложением денег, и мне не хотелось, чтобы совершенно посторонние для меня люди бродили бы по моему дому.

— Нет. Я не сторонник вечеринок.

— А что насчет телевизора? Это не слишком экстравагантно?

Хотя телевизор нельзя назвать инвестицией, но, наверное, его стоит купить.

— Тогда ты отстанешь от меня, если я куплю телевизор?

Я даже согласен купить новый диван. Наверное, это бы доказало Энджи, что я совсем не привязываюсь к вещам. Не к диванам, не к чему-либо еще.

— Господи, Сэм, я хочу, чтобы ты наслаждался жизнью. Разве ты не видишь? Ты создал свой бизнес, тебе не нужно так сильно экономить каждый пени. По крайней мере, переспи с кем-нибудь.

Я стер горчицу салфеткой со рта.

— Думаешь, я расстроен, потому что у меня давно не было секса? — Я бросил салфетку на стол. Энджи знала, что я не монах.

— Я имела ввиду, что тебе следует повеселиться. Потратить немного денег, найди девушку.

— С таким лицом, как мое, ты думаешь, мне нужно тратить деньги, чтобы заполучить девушку? — Усмехнулся я, Энджи начала смеяться.

— Ты придурок.

— Но красивый придурок, да?

— С твоими деньгами, тебе нет необходимости беспокоиться о том, как ты выглядишь.

Я взял салфетку и швырнул в нее. Она ухмыльнулась.

— Могу сделать вывод, что ты следишь за своей последней жертвой, а? — спросила она.

— Ради всего святого, я не серийный убийца.

— Ты серийный сердцеед, вот кто ты! — Она откусила огромный кусок от бургера, как будто боялась, что он может исчезнуть, если она немедленно его не откусит. Я думаю эта привычка осталась у нее из детского дома, когда есть нужно было быстро, иначе твой сосед мог

украсть у тебя еду. Энджи избавилась от многих привычек прошлого, помогла встреча с Чэсом. Но шрамы все равно остались, и лежали они на поверхности.

— Девушки, с которыми я развлекаюсь, прекрасно понимают, что это всего лишь развлечение. Никто из них не задерживается достаточно долго, поэтому я никому не разбиваю сердце.

— Потому, что ты не звонишь им. — Энджи сегодня доставала меня немного больше, чем обычно. Но сегодня у меня не было настроения.

Я пожал плечами. Жениться я не собирался. Поэтому какой был смысл пару месяцев морочить голову девушке, чтобы как только она задумается о серьезности наших отношений, сказать ей, что все кончено?

Энджи опустила взгляд, и я мог точно сказать, что она была готова сочувствующе улыбнуться.

— Даже не вздумай, — произнес я. Чтобы она не думала, я не хотел этого слышать. — Пойдем купим телевизор, отвлечемся от меня.

— Хорошо, — мягко ответила Энджи. — Мне хочется, чтобы ты встретил свое счастье.

— Я сомневаюсь, что после такого количества еды, ты сможешь войти в дверь магазина, — произнес я, игнорируя ее комментарий.

— Хорошо. Я подожду снаружи. Эти макароны с сыром здесь слишком хороши, я не могла от них отказаться.

*

Я вытащил телефон из кармана и положил его на стол из темного красного дерева в своем кабинете. Здесь в кабинете у меня было больше мебели, чем во всей моей квартире, несмотря на то, что у меня теперь был телевизор. Пока я с Энджи ходил за покупками также приобрел некоторые кухонные предметы первой необходимости, в том числе хрустальные стаканы для виски, в ближайшем будущем я предполагал увидеть прижатые губы Грейс Астор.

Поскольку она до сих пор не позвонила, не изменив своего мнения по арт-консультанту, я решил, что мне придется немного изменить тактику.

Откинувшись на спинку кожаного офисного кресла, я нажал на ее номер.

— Грейс Астор «Файн Арт», — ответила она на втором звонке.

— Грейс, это Сэм.

— О, мистер Шоу.

Мистер Шоу?! Я фактически обменялся с этой женщиной своей слюной. А она решила обращаться со мной официально?

— Что я могу для вас сделать?

И разве именно на этот вопрос она хотела получить от меня честный ответ? Встать на колени и обхватить мой член своими прекрасными губами. Водить своей рукой по моему члену до основания, сильно его сжав. Раздеться, наклониться и почувствовать мой твердый член, вбивающийся в ее киску, пока мы оба не начнем задыхаться и кончать.

Без сомнений я хотел трахнуть эту женщину. Энджи правильно сказала, мне нужно переспать.

— Мне нужно, чтобы ты пришла ко мне домой. Твой мастер проделал не совсем хорошую работу, развешивая картины. — Я крутанул на кресле, чтобы видеть вид на город. Интересно, могу я отсюда увидеть ее галерею?

— Это совсем не похоже на мистера Грэмса, — ответила она. Шелест ткани на другом конце провода заставил меня напрячься.

Интересно, что на ней надето сейчас?

— Что конкретно он не выполнил?

— Я покажу тебе. Я буду дома после семи вечера.

Молчание, несколько секунд, даже больше.

— Мне кажется, это не совсем хорошая идея, — наконец, произнесла она. — Я могу повторно отправить мистера Грэмса к вам, и вы можете ему сказать, что хотели бы изменить.

— Боюсь, это не решит проблемы. — Мне не нравилось играть в клиента, ведь я хотел получить от нее некоторые вещи совершенно личного характера, но я не собирался так легко ее отпускать. Я видел, что она находила меня привлекательным, и поскольку она не огласила мне вескую причину, из-за которой мне следовало держаться от нее на расстоянии, я не собирался так легко сдаваться. Если бы я всегда так легко отступал, то сейчас бы не владел недвижимостью на три миллиарда долларов и это только в центре Манхэттена.

— Исправь это, Грейс, и тогда мы сможем обсудить, что ты сделаешь для меня как мой арт-консультант.

— Но мистер Шоу...

— Грейс, мой язык находился у тебя во рту, и я обхватывал руками твою задницу, поэтому, пожалуйста, называй меня Сэм.

Она выдохнула. И выдох был не возбужденным, а скорее раздраженным.

— Сэм, — сказала она, преднамеренно отчетливо произнося слова, словно мой родной язык был не английский, — я уже говорила, что не могу быть твоим консультантом по искусству.

— Это было больше похоже, что не хочешь, чем не могу, я не принимаю твоего отказа.

— В любом случае, я не соглашусь. Я с удовольствием дам тебе пару имен. У меня имеется несколько контактов, которые будут более чем рады тебе помочь.

— Меня не интересуют другие. — Мне понравилось в ней то, что свои личные картины, которые вызывали у нее определенные чувства, Грейс не стала выставлять на общее обозрение, потому что она точно знала, что может принести ей деньги в самом начале экспозиции. Но я все же обнаружил ее спрятанные картины. И пришел к выводу, что она сама была именно такой, скрывая все самое интересное о себе под глянцевою версией, которую являла миру. Мне хотелось узнать все ее секреты.

Я хотел узнать больше, что она скрывала от всех в физическом, эмоциональном и логическом планах.

— Простите, мистер... Сэм, думаю будет лучше, если...

— У тебя имеются планы на вечер? — Спросил я, не собираясь отступать.

— Дело не в этом. Я хочу сказать, не думаю, что...

— Значит, у тебя нет планов на вечер. Я заеду в галерею и заберу тебя в шесть тридцать.

И повесил трубку. Я готов был приехать и раньше. Она же не закроется раньше, только чтобы сбежать от меня, и если она не примет положительного решения по поводу арт-консультанта до того, как я заеду за ней, я был полностью уверен, что самолично смогу ее убедить изменить свое решение.

Поцелуй обеспечит ее капитуляцию.

6.

Грейс

Сэм Шоу повесил трубку. Типичный испорченный, капризный миллиардер, ждущий, что все будут танцевать под его дудку и будут делать все, что он скажет. У меня не было не времени, не желания становиться его консультантом по искусству. Мне необходимо было сосредоточиться на своей галерее. Выставка Стива привлекла к нам повышенное внимание, и мне следовало извлекать из этого выгоду. У меня все еще находились четыре его большие полотна, которые необходимо было продать, и также рос интерес к его последующим работам, мы договорились, что за них я возьму уже более высокие комиссионные.

Играть в няньку для мужчины, который ничего не хотел и не понимал в искусстве, но которому кто-то сказал, что на картинах можно заработать хорошие деньги, и не важно, что я открыла галерею, чтобы продавать картины, даже несмотря на то, что он купил у меня не глядя несколько произведений, не имея представления вырастут ли они в цене в дальнейшем. Я хотела открывать новые таланты и открывать душу людей к старым мастерам, а не делать богатых ребят еще богаче. И несмотря на то, что Стив оказался ужасным парнем, оглядываясь назад даже не очень порядочным человеком, никто не мог отрицать, что он не талантлив. И я гордилась, что он начал свою карьеру в Грейс Астор «Файн Арт», также как и моя галерея. Именно на этом я хотела полностью сосредоточить свое внимание.

А уж точно не на том, чтобы оказаться рядом с женщиной, которого хотела поцеловать. Это мне как раз совсем не нужно, ни за что. Я не доверяла своим губам, телу, сердцу в данный момент. Особенно с таким избалованным человеком, как Сэм Шоу.

На столе зазвонил мой телефон. Это был новый агент Стива, с которым он подписал контракт через пару дней после открытия выставки. Я никогда не встречалась с ней раньше, и это не предвещало ничего хорошего (плохой агент может быть хуже, чем никакого агента), но по крайней мере Стив теперь не имел со мной никаких дел.

— Привет, Виктория, — ответила я на звонок.

— Грейс, я рада, что застала тебя на месте. Я хотела сказать, что теперь тебе нет необходимости выставлять оставшиеся полотна Стива, — произнесла она, голос звучал бодро, как будто она звонила сообщить мне, что можно забрать вещи из химчистке.

У меня тут же закружились разные мысли.

— Что значит «выставлять»?

— Мы решили пойти в другом направлении, не нужно ничего продавать.

Я напряглась.

— Мы не об этом договаривались, когда я обговаривала со Стивом условия. Он сказал, что я могу продать его старые работы за стандартную комиссию.

— У тебя имеется копия контракта, где обговорены эти условия, и ты можешь переслать его мне? — Она прекрасно знала, что у меня нет контракта. Он был моим парнем. Я доверяла ему.

— Стив дал мне слово. Он там рядом? Могу я поговорить с ним?

— Его здесь нет, и мне очень жаль, но он совсем не помнит такого.

Грейс, я не пытаюсь выглядеть засранкой, но я обязана действовать в интересах своего клиента. Он должен выставляться в более известных галереях.

Боже, он бы даже не встретил этого агента, если бы не моя галерея. Это было несправедливо.

— Я не собираюсь забирать у тебя комиссионные за уже проданные произведения, — продолжила она. — Но есть еще четыре картины, которые находятся у тебя, и я договорилась, чтобы их забрали сегодня. Ты согласна, не так ли?

Я поняла, что меня открыто поимели. Комиссионные от четырех работ дали бы мне возможность немного расслабиться, мне не нужно было бы беспокоиться об оплате в следующем квартале. Мне казалось, что я шла правильным путем, хотя теперь выставка Стива оказалась ложным началом. Мой бывший оказался аморальным пустозвоном. Но в следующий раз я буду умнее и подготовлю контракт.

Мне очень хотелось послать ее на х*й, но у меня не было сил.

— Тебе лучше побыстрее прислать сюда своих парней.

Виктория засмеялась, как будто я сморозила какую-то шутку.

— Они должны быть уже у тебя. — Как по волшебству зазвенел колокольчик над дверью, и двое мужчин с бумагой и пузырчатой пленкой вошли в галерею.

Я повесила трубку.

— У вас должны быть четыре картины, которые мы должны забрать? — проревел более высокий парень через всю комнату. — Если вы покажете их, мы упакуем и не будем вас отвлекать.

Я громко выдохнула, пытаясь успокоиться, прислонившись к столу, комната покачнулась, словно я сидела в лодке. Я закрыла глаза. Мне нужно взять себя в руки, я должна избавиться от этих картин, а затем вечером расслаблюсь, выпив одна бутылку вина.

Я открыла глаза, провела по щекам и подошла к первой картине Стива, которую не успела продать. Я спустила ее со стены и передала парню.

— Это первая.

Он успел ее поймать, обхватив потными ладонями холст с краской. Вторая картина была больше, но я вытащила ее из-под светильников и поставила на пол.

— Эта.

Мое раздражение усиливалось с каждой картиной. Я хотела, чтобы Стив навсегда исчез из моей галереи, из моей жизни, и я больше никогда не хотела иметь какие-либо отношения с таким самовлюбленным и

эгоистичным ублюдком.

— Вы можете их забрать, — сказала я, передавая последние две картины.

Я глубоко вздохнула смирившись.

— Уходите. Можете упаковать их в грузовике.

Мужчины посмотрели на меня, а потом друг на друга, явно не понимая почему я злюсь, но к счастью, они не стали спорить. Я довела их до дверей, заперла дверь, повесив табличку «Закрето».

Я повернулась и привалилась к двери, пытаясь указательными пальцами разгладить брови и хмурую складку на переносице, которые появилась. Что я буду делать? Я рассчитывала продать работы Стива, что дало бы мне возможность купить немного дополнительных материалов. Я не могу найти другого художника за такой короткий период, чтобы заполнить пустые стены галереи. Теперь у меня не было полотен Стива, которые бы просто занимали место. Мне давно нужно было их убрать и освободить место для картин, на которых я собиралась зарабатывать деньги.

Я была так взволнована, открывая свою собственную галерею, так горда устроив первую выставку. Теперь все, к чему я прикасалась, обернулось разочарованием.

Кто-то постучал по стеклу двери, прерывая мои жалостливые переживания. Стив уж точно не мог больше хотеть от меня, потому что грузчики увезли все его работы, которые представляли хоть какую-то ценность.

Я открыла дверь... Сэм Шоу смотрел на меня сверху-вниз.

Я уловила запах его цитрусового одеколона. Запах был не тяжелым, которым многие пользовались на Уолл-Стрит. Он был легче, тоньше, больше похожий на свежесть. Мне понравился его запах даже больше, чем хотелось бы, и, несмотря на плохое настроение, мои соски под блузкой налились. Я закатила глаза.

— О, это ты.

— Я тоже рад тебя видеть. — Уголок с левой стороны его рта приподнялся, он ухмыльнулся мне. — Подумал прийти немного пораньше, на случай, если ты закроешься и решишь сбежать от меня. Похоже, твой план провалился.

— Я не собиралась от тебя сбежать. — Я направилась обратно к своему столу, мне хотелось снять туфли и напиться, а не идти к мистеру Шоу разглядывать как повесили картины.

— Правда? — спросил он, следуя за мной.

Я засунула телефон и ключи в сумочку и выключила компьютер. Мне необходимо было выбраться из этой галереи, как можно скорее, и если для этого мне придется пойти домой к Сэму Шоу, то так тому и быть.

— Да, правда, Мистер Я Могу Все Купить, Что Захочу, Даже Людей. — Я взяла свою сумочку и заскочила в кладовку за своим рабочим столом, чтобы включить сигнализацию. — Давай по-быстрому разберемся с твоими картинами, чтобы я могла потом напиться.

— Похоже на вечер, о котором я мечтал, — ответил он.

*

— Добрый вечер, мисс Астор, — произнес Гордон, швейцар на Парк Авеню 740, приподнимая свою форменную фуражку, как только я вошла в фойе дома. Я думала, что Сэм подхватит меня на своей машине, но вместо этого, когда мы вышли на улицу, он остановил такси. Должно быть его водитель болен.

— Добрый вечер, Гордон, как твои девочки? — поинтересовалась я. Его внучки-близнецы были очень симпатичными.

— Очень хорошо, с каждым днем становятся все более красивыми.

— Будь добр с ними, — сказала я, следуя за Сэмом через фойе.

— Всегда, — ответил он.

В лифте, стоя перед зеркалом, Сэм сказал:

— Ты быстро заводишь друзей.

Прежде чем я успела ответить, лифт остановился на двадцатом этаже.

— Черт, им следует починить эту штуковину, — всокликнула я. Как будто западный лифт постоянно преследовал кого-то на двадцатом этаже.

— Что починить?

— Он почему-то всегда останавливается на двадцатом этаже, — сказал я, яростно нажимая на кнопку тридцать четвертого.

— Ну, возможно, кто-то вызвал его, а потом вспомнил, что что-то забыл в квартире, — сказал Сэм. — Ты легко раздражаешься. Сколько раз ты уже ездила на нем? Раз, два? Успокойся.

— Семь или восемь лет, умник.

— Семь или восемь лет?! Что ты делаешь, катаясь на лифте в Верхнем Ист-Сайде, проверяешь хорошо ли он работает?

Несмотря на мое угрюмое настроение, я не могла не рассмеяться.

— Да, вообще-то, да. Какое тебе дело, как я провожу свое свободное время?! — Я ухмыльнулась, а он улыбнулся в ответ, и я вспомнила, как он прижимал меня к себе, бережно, словно я была ценностью, с которой нужно очень осторожно обращаться. Я отвернулась от него.

— Итак, днем ты владелица галереи, а по ночам едешь на лифтах. В

тебе столько загадочного, Грейс Астор.

— Ты даже понятия не имеешь, Сэм Шоу, сколько.

Мы вошли к нему в квартиру, отсутствие мебели снова застало меня врасплох, хотя со вчерашнего дня ничего не изменилось.

— Хорошо, скажи мне, какие из картин повесили неправильно. — Я повернулась, не получив ответа, и оказалась одна в гостиной. — Сэм Шоу? — позвала я.

— Я на кухне, Грейс Астор.

Я пошла на голос. Он был на кухне, наливая виски в два хрустальных стакана, которая, что меня совершенно не удивило, тоже была почти пустой.

— Выпьешь? — спросил он, вручая мне стакан.

Черт побери, да. Я выпила одним глотком, позволяя жидкому счастьем стекать по моему горлу и делая мой вечер намного лучше.

— Спасибо.

Он, не сказав ни слова, схватил меня за запястье, чтобы я ровно держала стакан, и налил еще больше виски.

Когда он убрал руку, провел подушечками пальцев по моей коже. Я моргнула и взглянула на него из-под ресниц. Он меня соблазняет. Прекрати флиртовать с ним и воздержись от поцелуев.

У меня было разбито сердце, я отстранилась от всего, но даже если бы этого не было, мое сердце никогда не было бы открыто для такого человека, как Сэм Шоу. Слишком богатый, слишком избалованный, слишком желающий делать все по-своему, в том числе настойчиво являться ко мне в галерею и тащить меня в свою квартиру.

По крайней мере, сейчас он угостил меня виски.

Если бы он только перестал так на меня смотреть. Я чувствовала его взгляд на себе всем телом.

— Спасибо, — прошептала я.

Он смотрел на меня поверх ободка своего хрустального стакана, прежде чем сделать глоток. Его адамово яблоко задвигалось, и я представила, как пройду своим языком по его горлу.

— Неудачный день? — поинтересовался он.

— Мммм. — Я развернулась и вышла из кухни в гостиную, направившись к Ла Тушу.

— Хочешь поговорить об этом? — спросил он позади меня.

Это было последнее, чего я хотела. Наоборот, я хотела забыть, как можно скорее об этом дне. Забыть, как я просчиталась со Стивом. Он всегда казался таким скромным и стеснительным, когда я говорила ему,

насколько он талантлив. Он так меня благодарил, что я согласилась устроить выставку его работ, так переживал и беспокоился, что может опорочить своими картинами репутацию галереи. В большинстве случаев он вел себя так, как будто меня любил.

И как только он впервые ощутил успех, тут же превратился в ужасного человека, скорее всего он все это время был именно таким. Получается я обманывала саму себя, представляя его совсем другим человеком. Он открыто использовал меня, чтобы добиться славы, а затем ушел, потому что моя картинная галерея не была столь известной.

Я сделала еще один глоток, желая усилить свое расслабление.

— Картина висит так, как мы и хотели ее повесить. — Картина висела именно на том месте, где я карандашом поставила черточки на стене.

— Тебе нравится? — спросил Сэм мягко, находясь всего в нескольких футах позади меня.

Виски расслабило мои напряженные мышцы и слегка размыло стресс за день, превратив в что-то отдаленное.

— Его работы будут хорошо выглядеть где угодно. — Я не повернулась к нему, а опять выпила виски, желая, чтобы окончательно стерлась большая часть дня. Сегодня я могла себе позволить расслабиться, только на этот вечер, только сейчас, чтобы все беспокойство о выплатах и покупке необходимых вещей для галереи стали менее важными. Хотя бы на час или два. — Виски тоже хорош.

Сэм усмехнулся, а я продолжала смотреть на картину, услышав его шаги в сторону кухни за бутылкой.

Сердце стало колотится в более быстром темпе, стоило ему приблизиться ко мне, и особенно, когда его рука опустилась мне на низ спины, пока он наполнял мой стакан.

— Ты пытаешься меня напоить? — задала я вопрос.

— Мне кажется, сегодня тебе хочется немного быть пьяной, — ответил он. — Но у меня такое впечатление, что ты не любительница выпить.

— Всего лишь глядя на меня, ты можешь сказать люблю я выпить или нет? — поинтересовалась я, взглянув на него.

— Не только глядя на тебя.

Что это значит? Тогда на основании чего он сделал такие выводы?

— Но ты все время наблюдаешь за мной. — Я повернулась к картинке, не желая отодвигаться от него, мне нравилось, что его рука лежала у меня на нижней части спины. Нравилось, что мы были как-то соединены.

— Конечно, смотрю. Я же говорил, что ты прекрасна.

— И как все богатые, ты коллекционируешь красивые вещи. Картины,

недвижимость, женщин.

Сэм убрал руки и усмехнулся.

— Пойдем я покажу тебе, где ошибся твой рабочий, — произнес он, направляясь в свой кабинет.

Я последовала за ним.

Я остановилась в дверях, он кивнул в сторону стены.

— Вот, — сказал он. — Не думаю, что ты хотела повесить их так, потому что здесь они не смотрятся. — Он сложил руки и уставился на три обнаженные фигуры, висевшие рядом.

Он был прав. Они не смотрелись на этом месте. Левая картина казалась немного больше, и ее фон был намного темнее, чем у двух других. Вероятно, ее стоит повесить в середину. Я решила проверить стену на свои карандашные отметки, именно на этом месте они и были, где повесили картины.

— Согласна. Эту, — я показала на изображение в середине, — мне кажется нужно поменять местами с левой. — Я сняла две картины с кронштейнов и прислонила их к стене на полу. — Сейчас увидим, стоит ли нам их перевешивать на другое место или будет достаточно просто поменять местами.

— Мне кажется, просто поменять, — произнесла я, перевешивая картины. Я сложила руки на груди и посмотрела на картины. — Что ты думаешь? — Взглянула на него, в своем дизайнерском костюме с длинными густыми ресницами и пятичасовой щетиной, он выглядел сногшибательно. Может это виски усиливало сексуальное напряжение между нами.

— Я не собираюсь тебя коллекционировать, — произнес он.

Мне казалось, что эту тему мы закончили в гостиной.

— Ты видишь же отсутствие... Я не большой коллекционер вещей.

Итак, значит мебель не будет доставлена сюда? Да?

— Но ты же купил эти картины, — вставила я. — И ты просишь меня быть твоим консультантом, значит ты хочешь купить еще.

— В покупке картин кроется финансовый смысл. В перспективе.

Я вздохнула. Типичный ответ миллиардера.

— Мне казалось тебе они нравятся, — сказала я, махнув рукой в сторону своей коллекции.

— Ты права. Но я надеюсь, что их стоимость будет только увеличиваться в цене. Я слышал о Дега. Полагаю, он хорош. И ты сама сказала, что я не потеряю деньги, купив эти произведения. Я доверяю тебе.

Он доверял мне? Почему?

— Это все равно что рискнуть в рулетку, поставив фигову кучу денег.

Он не ответил, но мне показалось, что он задумался о моих словах, совершенно другими глазами оценивая свою покупку.

— Не переживай. Ты сделал хорошие вложения. — Мне не хотелось, чтобы он сожалел, и неважно, что его сподвигло на это. Конечно, мне хотелось, чтобы покупатели что-то приобретая в моей галереи, любили и ценили эти работы. — И ты получил ко всему прочему еще и бонус, — сказала я, не удержавшись от сарказма, — они, на самом деле, красивые.

Его мысли по поводу капиталовложений улетучились, выражение лица изменилось.

— Не такие красивые, как ты.

Я закатила глаза, несмотря на то, что мне очень хотелось верить, что он думает так на самом деле.

— Но ты не хочешь меня добавить в коллекцию.

— Нет, — ответил он. — Я хочу тебя трахнуть, заставив быть дикой, чтобы ты кричала в этих стенах, которые так сильно заставляют тебя злиться.

Это был слишком честный ответ, чем я ожидала. Я предполагала, что мы продолжим наш танец флирта еще на несколько песен. Он шагнул вперед, я отошла на шаг назад. Но он только что поднял ставки — остановив нашу музыку. Я была не совсем готова к этому.

— Какие стены? — Спросила, оглядывая его пустую квартиру, не совсем понимая его последний комментарий.

— Ты знаешь Гордона, знаешь, что западный лифт останавливается на двадцатом этаже. — Он засунул руки в карманы. — Возможно, ты жила здесь. Может твои родственники имеют здесь квартиру, в этом здании. Ты — Принцесса Парк-Авеню.

Так меня всегда называла Харпер, она придумала это прозвище, от нее оно звучала ласково и глупо. От него мое прозвище было похоже на власяницу огромного размера, словно наказание, которое становилось только хуже, я чувствовала себя сейчас некомфортно и не к месту.

— Я выросла в этом здании. Мои родители до сих пор здесь живут. — Я опрокинула стакан с виски и взяла бутылку с подоконника, налила сама себе, не предлагая ему.

— Ты не слишком откровенна, Принцесса, мне нужно больше ясности.

— Чтобы потрахаться? — Спросила я, алкоголь придал мне смелости. Я не собиралась давать ему удовлетворения, что он считал меня, как открытую книгу, если честно, немного шокировав и провоцируя.

Его губы свернулись в едва заметную улыбку. Я раньше его не видела таким, его выражение стало немного застенчивое с примесью раздражения.

Он кивнул.

— Да, для траха. — Не отводя от меня глаз, боясь что-то пропустить.

— Когда ты так открыто заявляешь о своих желаниях, тебе это помогает? С женщинами? — Я не пыталась его провоцировать. Мне по-настоящему было любопытно. Я не могла вспомнить мужчину, который бы меня так хотел. Как правило, я принимала решения кого хочу. Интересно, сколько прошло времени с тех пор, когда мужчина приглашали меня на свидание? Сейчас большинство моих парней не могли заплатить даже за ужин.

Раньше я не задумывалась об этом, но агрессивное преследование Сэма заставили меня по-другому оценить свои действия. Я всегда отдавала мужчинам всю власть над собой.

— Итак, просто чтобы я поняла, что будет после траха?

Улыбка Сэма превратилась из раздраженной в веселую.

— После?

Я опустила глаза в свой стакан, желая набраться от виски храбрости, удерживая себя от еще одного глотка, чтобы сохранить трезвую голову.

После траха.

Мне хотелось узнать, что несут за собой его преследования. Хотелось оказаться под таким мужчиной, как Сэм Шоу, большим, уверенным в себе, привыкший всем и всеми руководить.

— Ничего. Я ничего не предлагаю, кроме секса.

О. Итак, мне предлагали только секс. В институте я занималась такими вещами — парень на одну ночь. Даже не могла вспомнить сейчас, хороший был секс тогда или нет, но поскольку я не могла сейчас вспомнить, скорее всего, что нет. В любом случае, ничего особенного, иначе бы я запомнила. Но мне подсказывало шестое чувство, что с Сэмом Шоу секс никогда не забудется.

— Знаешь, я не так уж сильно раздражаюсь на эти стены, — произнесла я. — Я живу в Бруклине.

Он дьявольски рассмеялся.

Отчего жар опалил мне щеки. Наверное, мое оправдание прозвучало глупо, как будто я пыталась дать ему понять, что живя в Бруклине, я не Принцесса Парк Авеню, которой он меня считал.

— Я точно знаю, что ты никогда не сможешь избавиться от уклада того места, где выросла, — мягко ответил он, поглаживая мою поясницу, как будто извиняясь.

Я положила руку ему на грудь, до конца не уверенная, следует ли мне оттолкнуть его или придвинуться ближе.

7.

Сэм

— Итак, Грейс Астор, — сказал я, забрав стакан с виски и поставив его на подоконник рядом с бутылкой. Мне хотелось ее поцеловать. Прикоснуться к ней. Трахнуть ее.

— Итак, Сэм Шоу, — ответила она, глядя на меня из-под ресниц. По мере того, как наш разговор продолжался, ее тело становилось более восприимчивым, более податливым. Но я видел, что она в уме просчитывала все плюсы и минусы своего решения, стоит ли спать со мной.

Она была Принцессой Парк Авеню (я встречался с такими, как только заработал свой капитал), но она мне нравилась. Грейс не подходила под обычный стереотип. Большинство людей слишком сильно заботились о материальных вещах, которые, на самом деле, не имели значения, и совершенно не заботились о своих поступках. Грейс же все время подкалывала меня с покупкой картин, в которых я совершенно не разбирался, и мне показался интересным и любопытным этот факт, потому что ее работала заключалась именно в том, чтобы продавать картины. И именно это влекло меня к ней. Как и фотографии, которые она вывесила рядом с Дега, совершенно другие, но ее тайная коллекция сработала на меня.

Я обхватил ее за талию и притянул к себе. Она не сопротивлялась, напряженно удерживая руки на моих предплечьях. Она хотела меня...она просто не знала, как все будет происходить.

— Я не хочу трахаться на матрасе на полу, — произнесла она, мерцая взглядом.

— Мы, на самом деле, можем вообще этого не делать.

— Я хочу. — Она отвернулась, кивнув. — Только не там.

— Ты хочешь, чтобы мы поехали к тебе? — Спросил я. — Или в отель?

Она прикусила нижнюю губу, а затем медленно отпустила. Я не мог не дотронуться подушечкой пальца до ее красноватой плоти.

— У тебя, нормально. Только не на матрасе.

Я не совсем понимал, чего она хочет. Не заниматься сексом на матрасе, потому что думала, что я занимался сексом с женщинами на этом матрасе? Я не понимал в чем загвоздка, но она же не знает, что мой стиль — я всегда занимался сексом у женщин, а не у себя. Поэтому молчал. Мне просто

хотелось раздеть ее. Остальное меня мало волновало сейчас.

Она заскользила своими пальчиками вверх по моим рукам и плечам, как будто пыталась запомнить ощущения. Я убрал руку с ее талии, и заправил волосы ей за уши, обхватив ее сзади за шею.

Все ее тело, казалось, расслаблялось только от моего прикосновения, как будто у меня была магическая сила в кончиках пальцев. Она была мягкой — ее кожа, ее волосы. Ей нравилось, я это видел, но я чувствовал, что подо мной ей будет намного лучше.

Я развернул ее и повел назад, к стене с Ла Тушем. Эта картина задавала столько же вопросов, сколько у меня было вопросов к женщине передо мной. Я обвил ее руками ниже пояса, чувствуя ее желание, как она двинула вперед бедрами, отчего я еще больше возбуждился. Я наклонил голову, наши губы встретились.

Она крепко обхватила меня руками за шею, удерживая на месте, будто боялась, что я уйду. Я отцепил ее руки и поднял вверх над ее головой. Я хотел поцеловать ее, найти наш ритм, смешать дыхание, прежде чем пойти дальше.

Ее язык оказался таким же мягким, как и вся она, но не таким уверенным, как я ожидал. Мне понравилось. Я хотел вести и руководить ею.

На вкус она была, как сладкая терпкая вишня, ее границы исчезали под моими пальцами и языком. Я отстранился, чтобы взглянуть на нее, желая увидеть ее реакцию. Медленно, она открыла отяжелевшие веки, словно выходя из транса. Ее губы были красными, а ее обычно гладкие светлые волосы растрепались.

Превосходная.

— Эй, — тихо сказал я.

Она опустила руки, пытаясь освободиться.

— Разреши мне полюбоваться твоей красотой.

Она опять прикусила нижнюю губу зубами. И мне захотелось пососать ее вместо нее. Я хотел сосать ее губы, ее язык, ее поцелуй.

Ее пульс под ладонями совпадал с пульсацией моего члена. Она еще немного двинула бедрами, почти незаметный стон сорвался с ее губ, заставляя меня двигаться вперед.

— Руки над головой, — прошептал я ей в губы. Она снова застонала, мой член напрягся, упираясь в молнию брюк, подстегивая меня поторопиться. Несмотря на сигналы моего тела, я хотел все делать медленно, понимая, что мне стоило насладиться каждым мгновением. Потом ничего не будет, ничего не будет после секса, поэтому мне лучше

растянуть удовольствие подольше.

— Хорошо, — прошептала она, горячим дыханием обдав мне кожу. Я провел руками по ее рукам, мое сердцебиение ускорялось от каждого прикосновения.

Пальцем я подцепил вырез на ее блузке и поднял на нее глаза. Она приоткрыла губы, а глаза смотрели умоляюще. Я слегка потянул, пуговица расстегнулась, показав набухшую грудь. Я глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Идеально. Я откинул голову назад, пытаюсь взять под контроль свой член и утихомирить свои инстинкты, напоминая, что у меня вся ночь впереди.

Эта мысль заставила мой нетерпеливый член пульсировать еще сильнее.

Я рванул ее блузку, пуговицы рассыпались по полу, дернув ее кружевной лифчик вниз, чтобы освободить грудь. Мне хотелось, чтобы ее соски были у меня во рту, и я сжимал бы их зубами. Я погрузил язык в ложбинку между ее молочно-белыми грудями, затем застонал, опустился на колени перед ней.

Я был в идеальной позиции, чтобы увидеть ее во всей красе — взъерошенную, ошеломленную, и такое состояние для нее было совершенно необычным.

Она отодвинула бедра от стены. Я оказался не единственным, чье тело хотело получить развязку.

Я приподнял ее сиськи, пока они не стали вываливаться из моих ладоней. Они были настолько роскошными, что ими хотелось полакомиться. Я взглянул вверх, проверяя держит ли она руки над головой. Мой член запульсировал, увидев, что она по-прежнему держала их вверху. Она понимала, что в спальне нужно делать так, как ей сказали. Мать твою. Она явно заслужила награду.

Я взял сосок в рот и начал сосать, прикусив и щелкнул по нему языком, она всхлипнула. Ее движения стали более резкими. Я готов был в таком положении остаться на несколько дней, изнывая со своим жестким членом... но мне не хотелось мучить ее. Я хотел внести свою лепту. Поэтому я облизал до верха груди, покусывал, посасывая, запуская зубы в щедрую плоть.

— Господи, — вскрикнула она.

Господи ей явно не поможет. Не сейчас. Не со мной.

Я отодвинулся, пытаюсь сохранить спокойствие, дергая молнию на ее юбке и одновременно вытягивая рубашку из своих брюк. Мне хотелось почувствовать ее кожу, прижатую к своей, ее влагу на своих пальцах,

раздвинуть ее бедра.

— Опустит руки, Принцесса. Я хочу, чтобы ты легла. — Я подвел ее к коврику, стягивая с нее рубашку вместе с бюстгалтером, она держалась за мои плечи, опускаясь на ковер.

Мать твою, я хотел бы поиметь ее в своей кровати. На хорошем диване или обеденном столе. Везде, где я мог бы ее трахнуть. Я застонал, мое воображение, трахая ее в разных местах, только усиливало мое удовольствие, она выгнулась на полу.

— Ты нетерпелива, — произнес я.

Она кивнула.

— Будь нежен, — сказала она, умоляя меня своим взглядом. Нежен? Она же не имела ввиду не ковер, не мои зубы у нее на коже. Она говорила о своей душе, сердце, об этом она умоляла.

Мне хотелось ее успокоить, сказать, что я буду нежен, никогда не причиню ей боль, но я не мог этого обещать. Я даже не знал, как такое может быть. У меня кровь застыла. Когда я рос, был вынужден отстраниться от всех. Мне было плевать на дыры, оставленные в моей душе, которые никогда нельзя будет заполнить. Я научился настраиваться на людей — считывать их, но не утешать и защищать.

Несмотря на то, что она тянулась ко мне, я отстранился от Грейс и перекатился на спину.

— Мы не обязаны этого делать. Если для тебя это слишком...

Она закрыло лицо руками.

— Ты не хочешь меня? — прошептала она.

Может, это слишком даже чересчур. Я не мог вспомнить, чтобы так сильно хотел женщину, как хотел Грейс.

— Я хочу тебя. — Зажав в кулак вокруг своего гранитного члена. — Но я не хочу, чтобы ты потом... было не по себе.

Дело касалось только физики, и только химии между нами двумя. Но она тянулась ко мне, пытаясь проникнуть глубже.

Я взглянул на ее упругий живот и не смог удержаться, чтобы не провести пальцами ниже. Я хотел большего. Ее молния была расстегнута, поэтому я стащил с нее юбку.

— Убери руки от лица. Ты слишком красива, чтобы прятаться от меня.

О последствиях подумаем позже. Сейчас же я хотел ее только трахнуть.

Я разделся, не отрывая от нее взгляда, боясь, что она исчезнет, если я хоть на секунду отведу от нее глаза. Подцепив пальцами ее трусики, я стал стаскивать мягкое кружево вниз по ногам, обнажая ее киску.

Завораживающе. Маленький, аккуратный светлый треугольник волос, как я и ожидал. Слава Богу, Грейс не относилась к тем девушкам, которые предпочитали полностью сбривать волосы на интимном месте. Я склонился над ней, раздвигая ее ноги, чтобы устроиться между ее бедер.

— Что ты делаешь? — спросила она, отвернувшись от меня. Она не получала удовольствия от этого?

Я по-прежнему удерживал ее ноги раскрытыми.

— Нет, Сэм. Пожалуйста, нет. — Она схватила меня за плечи, пиподнимаясь ко мне всем телом.

— Я хочу тебя попробовать, — произнес я. — Но я остановлюсь, если ты скажешь, почему тебе не нравится оральный секс.

Она опять закрыла лицо руками.

Я шире раздвинул ее бедра.

— Ответь мне.

— Мне неловко. Пожалуйста.

Господи. Она была католической или...

Я прополз вперед по ее телу, возвышаясь над ней.

— Убери руки и поговори со мной. — Если бы я мог, я бы влез в ее мозг и вытащил бы все эти мысли.

Она долго и медленно выдохнула, отчего ее грудь опустилась.

— Просто...

Сначала она посмотрела мне в глаза, а потом перевела взгляд на горло.

— Я очень сильно... мокрая там.

Что? Она типа даже описалась от возбуждения? Это я смогу пережить.

— И?

Она пожала плечами.

— Обычно я не такая. Пожалуйста, не спускайся ниже.

Боже, с таким же успехом она могла бы сказать мне, что у меня огромный член, и я был лучшим любовником, который у нее когда-либо был. Она-то думала, что сообщила мне о своей неловкости, хотя на самом деле завела меня еще больше, только ускоряя мое желание.

После этого откровения я задался вопросом, наступит ли такое время, когда я не буду таким жестким.

— Я не хочу ничего делать, что заставило бы тебя чувствовать себя некомфортно. — Я потерся своим носом о ее нос. — Я хочу, чтобы ты поняла, что больше всего желаю вылизать твою киску, даже узнав, что ты никогда не была так мокрой. — Я нежно поцеловал ее в губы и отодвинулся, с высоты смотря на нее. — Я хочу вылизать тебя и здесь абсолютно нечего стесняться.

Она пыталась побороть маленькую улыбку, приподнимающую уголки ее губ. Кто вообще ей сказал нечто подобное, заставив стесняться того, что она готова была мне отдать? Тот, кто был настолько не достоин ее, что чувствовал это. Кто хотел ее, однозначно, унижить.

Я ненавижу этого мужика.

Ее пальцы порхали по моей спине, с таким же успехом она могла сосать мой член, потому что эффект был одинаковым. Мне необходим был презерватив прежде, чем я кончу на ее прекрасный упругий живот. Я потянулся к своим брюкам и вытащил из кармана квадратный пакетик фольги.

Я прямо посмотрел ей в глаза.

— Ты мне нужна. И твое тело сообщает, что оно более чем готово для меня, поэтому я собираюсь тебя трахнуть.

Она легонько кивнула, и я немного отодвинулся, надев резину на свой напряженный член до основания. В считанные секунды я был похоронен у нее внутри... и на этой планете не было ничего, где бы я хотел больше всего оказаться в этот момент.

Я замер и посмотрел на ее, она не отводила от меня глаз, мы смотрели друг на друга, как будто она пыталась разгадать меня изнутри.

Не переживай, Принцесса.

— Готова? — Спросил я.

Она кивнула и соединила вместе губы. Если бы она нервничала, через несколько секунд обязательно бы прикусила нижнюю губу. Я наклонился, чтобы еще раз поцеловать ее, успокоить, и понял, что не могу отлипнуть от нее. Поэтому прислонился лбом к ее лбу. Мы стали так близко, что наше дыхание перемешивалось каждый раз, когда она выдыхала.

Я провел головкой члена по ее клитору к ее входу. Ее тело казалось напряженным, но скоро она расслабится. Я хочу вытряхнуть все ее беспокойство.

— Ты хочешь меня? — спросил я в ее губы.

Она вскрикнула.

— Пожалуйста.

Ее выдох завибрировал по моим губам. Всего лишь одно слово и такое простое.

Я медленно толкнулся в нее, контролируя свои движения, не останавливаясь, пока не оказался глубоко. Боже, она была чертовски тугой. Я выдохнул, громко выпуская воздух.

Мне хотелось ускориться, чтобы достигнуть за следующие тридцать секунд кульминации, но мне нравилось, как соединялись наши тела, как

каждая часть моего тела касалась ее. Я застонал от этой мысли.

Она стала двигаться подо мной.

— Тебе нравится, Принцесса? — прошептал я. — Тебе нравится, как я прижимаю тебя своим телом, а мой член находится у тебя внутри?

Конечно, ей нравилось, как ей могло это не нравится?

Она обернула руки вокруг моей шеи и притянула меня ближе к себе, обхватив ногами за талию. Она чувствовала ту же самую связь, что и я.

Я начал двигаться небольшими толчками, плотно прижимаясь друг к другу, двигая членом вверх и вниз, не слишком (мне не хотелось до конца выходить из ее теплой киски) далеко. Трахать. Было. Просто. Идеально.

Напряжение увеличивалось, удовольствие разливалось по телам. Я стал лизать ее внутреннюю сторону верхней губы. Вишня. И этот вкус прямоком рванул к моему паху, угрожая подтолкнуть меня к разрядке, потому что она запрокинула голову назад.

— Черт, — застонал я, и мои слова попали прямоком в ее открытый рот.

Она впилась ногтями мне в плечи.

— Не останавливайся.

— Ни за что, — ответил я. Наши тела настолько плотно прижимались друг к другу, словно мы разделяли каждый вдох, сливаясь в единое целое. Я приподнял ее ягодицы, желая прижать ее еще ближе к себе.

— Не выходи, — прохрипела она, затаив дыхание. — Ты нравишься надо мной. На мне. Такой тяжелый. — Она застонала и выгнулась на ковре. Мать твою, для меня это был явно перебор. Я чуть не потерял над собой контроль, но отказался кончить раньше нее. Я вдалбливался все сильнее и глубже, продвигаясь в небольшом темпе.

Мой язык скользнул в ее рот в отчаянной попытке получить как можно больше, отдавая как можно больше себя. На этот раз наши языки сплелись вместе, она ахнула. Ее пальцы на моих руках замерзли, и я почувствовал, как она напряглась и начала затягивать меня в себя, ее оргазм был фитилем для меня.

Меня не нужно было подстегивать к своему освобождению. Мне удалось отодвинуться от нее всего на несколько дюймов, чтобы увидеть ее неповторимое выражение лица. Ее глаза затуманились, но она продолжала смотреть прямо на меня, как будто все про меня поняла.

— Черт, — вскрикнул я, изливаясь, прислонив голову к ее щеке.

Это был всего лишь секс, всего лишь обычное траханье, но казалось, что он был намного больше, потому что подобного я никогда раньше не чувствовал. Как будто она вошла под кожу своим взглядом, и я развернулся

перед ней в своей сути.

Дыхание до сих пор было неравномерным, урывками.

— Господи, Грейс. — Я не ожидал такого.

Она не ответила, но стала двигаться подо мной.

Я перевернулся на бок, отбросил презерватив, а потом перекатился на спину, все еще не в состоянии отдышаться.

Через несколько минут Грейс села, я залюбовался ее спиной. Она посмотрела на меня через плечо.

— Почему у тебя нет мебели? — спросила она, ее голос звучал хрипло. И от тембра ее голоса мое эго стало еще больше. Я сделал это. — Она что на хранении?

— Сколько же ты выжидала, чтобы спросить меня об этом? — Я потянулся к ней и уложил на спину, прижав к себе и обхватив руками, я не готов был отпустить ее теплое, мягкое тело, и мне нравилось, как оно ощущалось рядом со мной. Я еще был не готов. Я хотел снова почувствовать, как она сжимает мой член своими внутренними мышцами. И мне хотелось заставить ее кончить от своего языка. Господи, я столько еще хотел с ней сделать.

Она приподняла брови.

— Ты не заметил, что на мой вопрос как правило отвечаешь своим вопросом?

— Ты тоже так делаешь, — ответил я.

Она положила голову мне на плечо, уважая тот факт, что я не хотел отвечать на ее вопрос. Но это как раз и заставило меня ей открыться.

— В хранилище ничего нет. Пока я не купил эту квартиру, я снимал жилье.

— И ты ничего не накопил за всю свою жизнь?

— Я говорил же тебе, что я не привязываюсь к вещам. И людям. Я не привязываюсь к вещам, я не такой сентиментальный.

Она не ответила, мы просто лежали, обдумывая то, что только что прошло между нами — слова, прикосновения, как хорошо она вписывалась в мое тело.

Может, я и не сентиментален, но первый раз в жизни я вдруг поймал себя на мысли, что после этого секса будет что-то еще.

8.

Грейс

— Ты совсем ни к чему не привязываешься? — спросила я через

несколько минут. Тогда почему я все еще лежала, прижавшись к его твердому, такому сладкому телу? Мне нужно было убираться отсюда, а не лежать в его объятиях. Если бы только мои мышцы могли двигаться. Было такое чувство, будто Сэм забрал у меня всю энергию.

Раньше мне всегда нужно было время, чтобы открыться новому парню, довериться, если можно так сказать, и я никогда не испытывала такого оргазма, когда в первый раз спала с мужчиной. Я никогда не чувствовала ничего подобного, настолько интенсивного. Мой оргазм бы сильным и глубоким, волны накатывали одна за одной. Этот мужчина, который мог иметь любую женщину, которую хотел, с его уверенной улыбкой и манерой руководить, дожидался меня, чтобы я кончила первой. Только потом он дал себе разрядку, как будто ему, наконец, позволили сделать то, что он хотел больше всего.

Я вздрогнула.

— Эй, тебе холодно? — поинтересовался он.

Мне не было холодно, но я не могла сказать, что мысли о нем, о том, чем мы только что занимались, вызывали у меня дрожь по всему телу.

— Возможно немного.

Он натянул на меня свою рубашку из плотного хлопка.

— Я еще не готов, чтобы ты начала одеваться. У нас есть чем заняться.

Он не увидел мою ухмылку, расплывшуюся на опухших губах, но я не могла больше здесь задерживаться. Как только я вспоминала о Стиве, тут же были готовы пролиться слезы. Моментально. И, как бы комфортно мне не было лежать на плече Сэма, мне не стоило тут разлеживаться.

— Я не могу поверить, что трахнула своего первого клиента, — произнесла я, а затем пожалела, что сказала эти слова.

Он притянул меня поближе к себе и поцеловал в макушку.

— Думаю, правильнее было бы сказать, что *это я трахнул тебя*.

Я не собиралась спорить. Он был прав. Практически он сделал всю работу, и мне она понравилась. Я сжала вместе бедра, вспомнив его горячее дыхание на своей киске. Я редко позволяю мужчине опускаться туда, и хотя я ненавидела признаваться в этом, но была уверена, что если Сэм Шоу попробует осуществить свои пожелания снова, и тогда я точно соглашусь.

Его член пульсировал у меня на животе, как будто снова становился твердым. Господи. Мне нужно идти. Я должна была уже давно уйти. Он же сказал только секс, больше ничего, так что я здесь развалилась и лежу, наслаждаясь посткоитальным забытием?

— Мне нужно идти, — произнесла я.

— Еще нет. Скоро. Я хочу снова кончить. И сделать так, чтобы ты тоже кончила.

Я тоже этого хотела, чтобы окончательно убедиться, что это не было какой-то случайностью, я даже не могла себе вообразить, что он может заставить так петь мое тело. Даже сейчас, всего через несколько минут, я была уверена, что такого не могло произойти, что мне привиделось... ошеломляюще... по-другому... так хорошо, я даже не могла себе представить, что так бывает.

— И ты еще не согласилась стать моим консультантом по искусству.

Я застонала. Почему-то я предполагала, что тема с арт-консультантом была закрыта. Но теперь я не могла заработать деньги от оставшихся работ Стива, а деньги мне были нужны.

Я не могла отказаться.

Хотя я не квалифицированный арт-консультант.

Хотя у меня не было нужное количество контактов.

Хотя работать с ним было невозможно, я все время бы на него отвлекалась.

«Ничего» после секса было бы намного легче, если бы я больше никогда его не видела. Но он заставил мое тело чувствовать себя... Конечно, я не смогу находиться рядом с ним и не вспоминать об этом.

— В офисе у меня готов контракт, который был у меня с Ниной, только с твоими данными, я готов тебе его отправить.

Я молчала столько сколько могла. Мне необходимо было отказаться, но я не могла.

— Мы можем начать прямо сейчас.

Что за спешка? Явно коллекционирование не было его началом спринтерской дистанции. Коллекционирование — этим занимаются всю жизнь. Я села и потянулась к своей одежде.

— В следующем месяце на Sotheby's состоится аукцион старых европейских мастеров. — Я надела лифчик и застегнула. — Я посмотрю программу есть ли что-то, на что ты мог бы сделать ставку.

— Ты говоришь «да»? — спросил он. Он сел и стал стаскивать с меня лифчик.

Я отмахнулась от него, словно от грусти, от которой пока не могла отмахнуться также.

— Да. — Поднялась на ноги, он схватил меня за руку, пытаясь повалить меня обратно к себе. Я выдернула руку, он отступил.

— Эй, я сказал, что мы не закончили.

— Ну, я закончила. — Ответила я продолжая одеваться, он был уверен,

что после этого ничего не будет, и я не собиралась засиживаться и дожидаться, когда он укажет мне на дверь.

— Я думал, ты останешься? — произнес он.

— Мне нужно быть в другом месте, — ответила я.

Причем в месте, где есть алкоголь.

*

Несмотря на то, что Харпер кормила грудью малыша и проводила большую часть времени в Коннектикуте, она все равно обещала прибыть на девичник во вторник. Я была более чем благодарна ей за это. Одной из самых трудных частей в расставании с кем-то — переходный период, когда у тебя появляется гораздо больше свободного времени. Я знала, что долго это не продлится, но в данный момент я была одна.

Большую часть своего времени я проводила в галерее с момента ее открытия. А когда я возвращалась домой, продолжала заполнять электронные таблицы и выискивать новых художников. Периодически образ Сэма Шоу в моем тайном, отделенном уголке галереи возникал передо мной, как его большие руки скользили по моей заднице и притягивали к своему жесткому телу, мешая моей концентрации на таблицах, но я старалась гнать его от себя.

— Ты выглядишь как-то иначе, — сказала Скарлетт, после моих объятий, проскальзывая в кабинку рядом со мной.

Я закатила глаза.

— Нет, не думаю. — Хотя может и так. Прошло несколько дней, а я все равно всем своим телом ощущала последствия прикосновений Сэма. Синяки на груди исчезли также, как и засосы. Но я наслаждалась каждым из них, даже грустила, когда они стали уменьшаться и белеть. Ни один мужчина никогда в моей жизни не оставлял на моем теле таких следов. И если честно мне понравилось.

Он оставил свой след и в моих мыслях.

— Умоляю, скажи мне, что ты не трахалась со своим мудаком.

Меня даже передернуло от одной только мысли о мягкотелом Стиве с телом, напоминающем веретено.

— Нет. Ни за что. — Тело Сэма Шоу было совсем не мягким. А его прикосновения! — Но ты права. На днях я занималась сексом с клиентом. Довольно глупо, наверное.

Но я не жалела. Тело Сэма давало мне пищу для фантазий во время мастурбации. Он, на самом деле, был таким большим? Он заставлял меня так сильно кончить? Словно одними своими прикосновениями, он смог

вытащить из меня оргазм первобытной силы.

— Почему было глупо?

— Потому что я хочу, чтобы он был моим клиентом. — Я не сказала Скарлетт, что помощник Сэма прислал мне контракт, как он и обещал. И я подписала и вернула ему. Я не сказала, что Сэм звонил мне три раза, а я проигнорировала его звонки. Я не хотела никому рассказывать, что но все больше и больше занимал мои мысли.

— Секс был плохим? — спросила она. — Ты не можешь с ним встречаться, потому что у него был двухдюймовый пенис?

Маленький член, как раз не проблема Сэма Шоу. Я пожалала плечами и позвала официанта. Появилась Харпер одновременно с подошедшим официантом.

— Можно мне безалкогольный мохито и корзину с хлебом, пожалуйста, — попросила она, мы еще не успели заказать.

— Еще две Маргариты, пожалуйста, — сказал я и повернулась к своим подругам.

— Подвинься, — попросила Харпер, проскальзывая в нашу кабинку. — О чем вы говорили? Господи, неужели здесь больше нечего съесть? Я думала, это ресторан.

— Успокойся. Ты только что заказала корзину с хлебом, — сказала Скарлетт. — И мы говорили о парнях с двухдюймовыми членами.

Харпер шарахнулась от нас, будто Скарлетт объявила, что у нас обоих герпес.

— У кого двухдюймовый член? — тут же спросила она.

— Ни у кого, — ответила я.

Скарлетт зыркнула на Харпер.

— Какой-то парень, с которым Грейс переспала.

— Ты переспала с парнем с двухдюймовым членом? — Спросила Харпер.

— Нет, его член был большим, спасибо. — Господи, почему мы вдруг стали это обсуждать? Я не хотела не думать, не вспоминать размер пениса Сэма Шоу, и о том, как он скользил в меня все глубже и глубже. Как закручивались от него мои пальцы на ногах и руках, как я вибрировала каждой клеточкой своего тела, чувствуя его, и как мне было очень хорошо.

Харпер со Скарлетт смотрели на меня, ожидая продолжения.

— Итак, кто этот парень? — Спросила Харпер.

Я покачала головой, взглянув на официанта, надеясь, что он хотя бы прервет нас, чтобы мы смогли сменить тему.

— Никто.

— Клиент, — пояснила Скарлетт.

Я закатила глаза.

— Когда это произошло? Может что-то получится? — Спросила Харпер. До того, как Харпер познакомилась со своим нынешним мужем, заставить ее пойти на свидание с каким-нибудь парнем было просто невозможно, не говоря уже о завести серьезные отношения. Сейчас же она хотела, чтобы у всех было так, как у нее. Со стороны казалось мило, но также раздражало.

— Нет, не получится и ничего не будет. Просто одна ночь, но больше это не повторится. — Потому что после секса «ничего» не будет.

И это меня вполне устраивало.

— Мне нужно сосредоточиться на галереи в данный момент. Я собираюсь заняться арт-консалтингом, если кто-то захочет получить такую услугу. — Я стала вертеть ножку своего пустого бокала с Маргаритой.

— О, мне казалось, что тебе это не нравится, — сказала Скарлетт.

Я пожала плечами.

— Поскольку больше у меня нет картин Стива, я вынуждена сделать все возможное, чтобы как-то зарабатывать деньги.

К счастью, появился официант с нашими коктейлями и принял очередной заказ, переведя на себя все внимание Харпер и Скарлетт, дав мне возможность выдохнуть и подумать. Я полностью пропустила мимо ушей заказ Скарлетт и Харпер, думая о том, что он сейчас делал в своей квартире? На своем старом потертом диване, смотрел ли телевизор или скользил своей рукой под ремень брюк, чтобы сжать член в кулак?

Я подпрыгнула от звонка своего телефона, лежащего рядом на столе. Сэм мелькнуло на экране. Три игнорируемых звонка от него и уже две Маргариты означали, что пришло время с ним поговорить.

— Мне нужно ответить, — произнесла я, выскользнув из кабинки.

— Сэм Шоу, — ответила я, зажав пальцем ухо, двигаясь через ресторан к выходу.

— Я звонил тебе три раза, Грейс Астор, — ответил он, явно раздраженный.

— Ты стоишь в моем списке вызовов на ближайшее время, но ты меня опередил.

— В твоём списке вызовов? — спросил он, предоставляя мне секунду, чтобы ответить. Я промолчала. — Ты подписала бумаги и должна быть моим консультантом по искусству. Но ты меня ни о чем не консультировала.

— Я подписала бумаги, но это не значит, что я стала твоей

собственностью.

Молчание, но из тех нескольких часов, которые я провела в его компании, я поняла, что он не сердился даже в своем молчании, просто раздумывал. Он считывал людей, узнавая их, делал свои выводы и все. А что еще?

— Я ходила на предварительный просмотр для аукциона, о котором говорила тебе.

— Ты не думаешь, что мне следовало пойти с тобой? Мне казалось, что мне должно понравится то, что я собираюсь купить?

Я прикусила палец специально, чтобы не улыбнуться, потому что моя улыбка вот-вот готова была расплыться по всему лицу.

— Мне казалось, что ты хочешь всего лишь заработать деньги? Я завтра отправлю тебе каталог, и мы сможем решить, что тебе интересно до аукциона, который состоится в четверг.

— Нет. Принеси каталог. Завтра во время ланча. А во сколько аукцион в четверг?

— О, нет, тебе совсем не обязательно на нем присутствовать. Мы можем установить твои верхние границы цены, и я могу вести торги с тобой по телефону.

— Я так не думаю, но мы обсудим это завтра за ланчем. В двенадцать тридцать. Приходи ко мне в офис.

И он повесил трубку.

Я опустила глаза на экран телефона. Он не только повесил трубку, но и приказал мне прийти к нему в офис, даже не сказав, где он находится. Он почему-то был уверен, что я знаю. Конечно же я знала, потому что после того, когда он заставил меня кончить, словно это была его основная деятельность, я решила его прогуглить. Но сейчас он вел себя высокомерно. Избаловано.

Хотя проблема заключалась в том, что он не был таким испорченным, как все миллиардеры с кем мне довелось быть знакомой. Хотя некоторые вещи были постоянными — он требовал, будучи уверенным, что получит то, что хотел. Но с другой стороны, он был тем миллиардером, наверное, единственным в своем роде, который не считал нужным загромождать свою квартиру мебелью, поэтому ее вообще не было. И он умел слушать, при этом говоря слишком мало. И может из-за всего этого, меня влекло к нему.

Это было совсем не типично для меня.

Я вернулась к своим подругам, и порыв воздуха от кондиционера вернул меня к разговору.

— Я встретила кое-кого, и мне кажется, что он тебе очень подойдет, — сказала Харпер, когда я села.

— Скарлетт отказалась от него?

Я посмотрела на них двоих. Скарлетт всегда встречалась с двумя или тремя мужчинами одновременно. Я не могла такими темпами поспевать за ней. Но я восхищалась тем, как она воспряла после развода и начала все сначала.

— Дункан и я перешли к более эксклюзивным отношениям, — произнесла Скарлетт.

У меня глаза расширились. Дункан был одним из ее трио.

— Правда? Вау. Когда это произошло? — спросила я, Скарлетт ухмыльнулась от уха до уха.

Откинувшись на спинку дивана, она ответила:

— Прошлым вечером. Он пригласил меня на ужин и сказал, что приостановил свой аккаунт на сайте знакомств.

И никаких скрипок и роз. Приостановка аккаунта в онлайн-знакомствах теперь считается грандиозным романтическим жестом в Нью-Йорке?!

— Ну, это интересно, — произнесла я.

— Мне кажется, что свой профиль ты не должна закрывать. Я не доверяю ему, — сказала Харпер, все остальные, имея ввиду меня, об этом только подумали.

— Ты должна быть в восторге от этого, — сказала я, пиная Харпер по ноге под столом.

— Эй, не пинай кормящую даму. Я говорю только то, о чем ты думаешь.

Я покачала головой.

— Кто вообще тот парень, с которым ты решила меня познакомить? — Не то, чтобы мне было интересно. В данный момент я не доверяла своим суждениям. Сэм не подпадал под мои четко определенные стандарты, я всегда предполагала, что богатые люди используют других людей, но Стив доказал мне обратное. Сейчас для меня стало все слегка размытым. Мне необходим был тайм-аут от мужчин.

— Он мой клиент, — сказала Харпер. — Я встретила его на прошлой неделе, и он только что развелся с женой. Он богат, я знаю, что ты ненавидишь богатых, но клянусь, я не выдумываю, два раза в месяц он работает в приюте для бездомных.

Я усмехнулась.

— Он либо не так богат, как ты говоришь, либо врет.

— Не будь такой циничной. — Харпер, обвиняя меня в циничности, была похожа на королеву Англии, которая говорила, что я шикарна. — Ты должна дать ему шанс.

— Я не готова... — Что угодно. Я не хотела ни с кем встречаться, по крайней мере, некоторое время.

— Ты же готова была к случайному сексу с новым клиентом, — сказала она. Мы с Харпер всегда бросали друг другу вызов. Это была одна из причин, почему мы столько времени дружили. Разница была только в том, что я всегда подначивала ее.

— Это было совсем другое. — Я не собиралась сдаваться.

— Другое? — переспросила Скарлетт.

— Да, типа как тренировка в спортзале. — Я ничего не вкладывала в Сэма, и от свободы чувствовала себя хорошо. Так хорошо, что с нетерпением ждала встречи с ним во время ланча завтра.

*

Осень на Манхэттене была теплой, и во время ланча было даже жарко. Поэтому я выбрала свой любимый черно-белый костюм от Шанель в паре с ярко-красной матовой помадой и алыми шпильками. Юбка была немного короче, чем я обычно предпочитала. Но мне хотелось посмотреть, как Сэм отреагирует на мои ноги.

Я с нетерпением ждала встречи с ним. Хотелось проверить на самом ли деле он такой привлекательный, как остался в моих воспоминаниях. Мне хотелось увидеть его выточенный подбородок, такой ли он, как я представляла или что-то напутала. Была ли его мимолетная улыбка такой же соблазнительной, как она запечатлелась в моих воспоминаниях.

Очевидно, что опоздание на десять минут для встречи с клиентом, не соответствовало официальному этикету, но в наших отношениях все было немного сложнее. Деловая встреча с мужчиной, которого в последний раз я видела голым, требовала немного другого этикета. Если бы у нас была непринужденная интрижка и он пригласил меня выпить, я бы опоздала на двадцать минут. Десять — это был компромисс.

— Грейс Астор назначена встреча с Сэмом Шоу, — сказала я администратору за высоким, блестящим письменным столом из древесины клена. Такие девушки, как она нравились мужчинам (более молодая, горячая версия Дженнифер Лопес), если такое вообще возможно себе представить.

— Пожалуйста, следуйте за мной, мисс Астор, — сказала она и ее сказочная задница повела меня по мягкому ковровому покрытию коридора

в корпоративную столовую. — Устраивайтесь поудобнее, — произнесла она, прежде чем закрыть дверь за собой. Ну, похоже этот ланч будет полностью соответствовать мужчине, который с головой ушел в работу, а как же иначе? Я предполагала, что мы пойдем в один из многочисленных ресторанов, которых полно в деловой части города и которые специализируются на еде для костюмов. Но оказалось, что мы не собираемся выходить из этого здания.

Большой, полированный стол из дерева клена был сервирован на двоих, похоже хрусталем и фарфоровой посудой. Если бы я до этого не побывала в квартире Сэма, я бы предположила, что сервировка стола была такой же дорогой, как и сама мебель.

Но я знала его с другой стороны.

Я рассматривала сине-зеленую абстрактную картину на стене над баром, когда дверь распахнулась.

— Грейс Астор, ты опоздала, — сказал Сэм с порога.

— Глубочайшие извинения за мою медлительность. Ничего не могла поделать.

Он ждал, когда я объяснюсь, но я молчала, и он усмехнулся.

— Мы будем есть здесь, если ты не возражаешь. Это сэкономит нам время. — Он протянул руку, отодвигая для меня стул справа от головы стола.

Его тон был дружелюбным, но деловым, словно мы встречались ранее один или два раза, но не видели друг друга голыми, не царапали друг друга ногтями и зубами, не обменивались толчками, ведущими к душераздирающему оргазму.

Ладно, я смогу это пережить.

— Итак, вот каталог, — сказала я, вытаскивая гляцевую книгу из сумочки и опуская на стол перед нами. — Я отметила картины, которые, думаю, уйдут за меньшую, чем их реальная стоимость стикерами. — Мы не обсуждали бюджет, поэтому я сделала закладки абсолютно на все, что считала хорошей покупкой. Его выбор должен был дать мне некоторое представление о бюджете.

Он провел пальцем по разноцветным стикерам и улыбнулся прежде чем открыть каталог, чтобы увидеть, что я выбрала.

Нас прервали три официанта, внося большие белые тарелки. Сэм даже не посмотрел на них, когда перед ним поставили блюдо.

Молчание становилось некомфортным.

— Нашел что-нибудь? Если ты хочешь обсудить мой выбор любой из картин, которые я отметила, можешь задавать вопросы.

Он опустил каталог и поднял вилку, остановившись, заметив, что я не начала есть. Я взяла столовые приборы, и мы приступили к еде.

— Что обозначают разные цвета? — спросил он.

Он спрашивал меня, какие цвета представлены в картинах?

— Твоих стикеров, — пояснил он.

— О! Не обращай на них внимания, это не имеет значения для тебя.

— Но есть причина, почему они разного цвета. — Он опустил свои столовые приборы и откинулся на спинку стула, внимательно меня разглядывая.

— Она не касается бизнеса, — ответил я, сосредоточившись на своей тарелке.

— Думаю, те, которые ты отметила зеленым, нравятся тебе больше всего.

Он был прав, но как он об этом догадался?

— Почему ты всегда пытаешься выяснить, чем руководствуются люди? — Спросила я.

— Не всегда, — ответил он, взяв свои столовые приборы. — Только люди, от которых я чего-то хочу или которые хотят что-то от меня.

— И в какую категорию попадаю я?

Он поднял глаза и ухмыльнулся.

— Думаю, что у тебя есть своя собственная категория.

В комнате установилась тишина, и я была уверена, что услышала свое сердцебиение. Что это значит? Он опять ушел от ответа или хотел сделать мне комплимент?

Мне хотелось, чтобы он прикоснулся ко мне, потому что, когда он дотрагивался до меня, все приобретало смысл. Я была так сосредоточена на моменте и на том, чтобы наши тела работали вместе, что я не чувствовала себя на вторых ролях.

— Я согласен, между прочим. Мне тоже нравится зеленый. Но я хочу увидеть их своими глазами, — сказал он.

Я подняла взгляд, он наблюдал за мной, как будто проверял мою реакцию.

— Хочешь увидеть те, которые отмечены зелеными стикерами?

— Да, — ответил он.

— Тебе не стоит останавливаться только на них. Могут быть и другие хорошие покупки среди тех, которые я отметила другим цветом.

— Я хорошо отношусь к зеленому. Думаю, мы должны довериться твоему чутью.

— И ты расскажешь мне, как узнал, что зеленый мой любимый цвет?

— Это не секрет. Я узнаю тебя все больше. Тебе нравится не досказанность и оригинальность. — Он ухмыльнулся. — В искусстве. — Пожал плечами и стал есть. — И ты явно не отметила их по цене или важному периоду. Это мило. С этим ты не стесняешься.

— Нет, не стесняюсь. Если бы я думала по-другому, поставила бы стикеры другого цвета. — Мне не хотелось, чтобы он заглядывал мне прямо в душу. — В любом случае, уже слишком поздно посещать выставку картин перед аукционом, она закрывается сегодня.

— Тогда мы пойдем после ланча.

У этого человека разве нет основной работы?

— А что, если я занята сегодня днем?

Он тут же прищурился, глядя на меня.

— Делай то, что ты должна делать, Грейс Астор.

Почти то, что он сказал, можно было интерпретировать по-разному.

— Ты всегда хочешь получить от людей *больше*, да?

Он остановился и отвернулся от меня.

— Не всегда.

Что еще он хотел *от меня получить*?

— Хорошо, я могу отвести тебя туда сегодня днем... при одном условии. Если ты получишь от меня больше, то я тоже хочу получить. — Отсутствие мебели у него в квартире беспокоило меня с тех самых пор, как я туда вошла. И, возможно, еще больше после его объяснения, если это вообще можно назвать объяснением. Привычка не привязываться к вещам не являлась причиной, почему у богача не было в квартире кровати или приличного дивана.

Он закончил с едой и положил салфетку на стол.

— Говори.

— После выставки, мы пойдем покупать тебе диван.

Он усмехнулся.

— Этого ты хочешь больше всего?

А разве еще что-то предлагалось? Я хотела же у него бывать, да? Я кивнула.

— По рукам, — согласился он.

9.

Сэм

Я наблюдал за Грейс, как она бродит вокруг картин и других произведений искусства, выставленных на предварительный просмотр

перед аукционом, мне хотелось оттащить ее в сторону, расстегнуть ее блузку, заправленную в ее консервативную юбку Верхнего Ист-Сайда и провести руками по ее груди, пока она не станет умолять меня трахнуть прямо здесь и сейчас, в этой комнате на глазах у всех.

Трахаясь у меня в квартире, я увидел ее настоящую, сейчас же находясь здесь, она снова была совсем другой. Обычной официальной.

Меня не устраивало это, я хотел ту ее другую, совсем другую. Я видел ее широко распахнутые глаза, словно загипнотизированные картинами, которые она рассматривала, шепча мне на ухо все их секреты.

— Посмотри на его ботинок, он кажется черным, но, если ты присмотришься более внимательно, на самом деле, нарисован зеленой и белой краской, — говорила она, поворачивая голову, проверяя слушаю ли я ее, явно желая, чтобы я был также взволнован, рассматривая эту картину, как и она.

Я улыбался и кивал ей в ответ. И насколько бы не были впечатляющими картины и другие произведения искусства, находившиеся в этих залах, она превосходила их всех. Я чисто интуитивно убрал прядь волос ей за ухо. От того, как поднялась и опустилась ее грудь, я понял, что она затаила в этот момент дыхание, хотя бы на пару секунд.

— Ты красивее всех этих картин... такая страстная и возбужденная, — произнес я.

Я понимал, что мне пора остановиться в соблазнении этой женщины, да, именно пора остановиться. Раньше после секса я никогда не продолжал отношений. Но когда она вышла из моих апартаментов, у меня почему-то возникло ощущение, что я чего-то не завершил. Может потому что я не испытал с ней собственный оргазм? Дюжину раз я кончал благодаря своей руке после нее, но все равно не мог насытиться.

И так кто кого соблазнял сейчас?

Она улыбнулась и бросила взгляд на каталог, мы продолжили переходить от одной картины к другой, словно мне не хотелось трахнуть ее именно сейчас. Когда мы, наконец, добрались до конца предпоказа, она кивнула, давая понять, что нам стоит отойти в сторонку.

— Теперь ты можешь мне сказать, что тебе больше всего понравилось? — шепотом спросила она. — Мы должны сконцентрироваться на двух или трех картинах, установить верхний предел цены. — Она начала искать в сумочке карандаш, чтобы отметить понравившиеся картины в каталоге. — Ты должен быть готов, чтобы кто-то перебьет твою ставку, и ты ничего не получишь.

Я запомнил картины, которые она помечала зелеными стикерами и

обращал на них повышенное внимание, когда они появлялись в нашем поле зрения. Их было всего три, которые мне особенно понравились.

— Мне нравятся эти две, — сказал я, указывая на две репродукции Тулуз Лотрека, выполненные в ярких тонах. Они были более мужскими, чем те работы, которые я купил в ее галерее.

— Да! — взволнованно воскликнула она, а затем, словно задумавшись, добавила:

— Для твоей спальни, — прошептала она. Эти картины были оценены в пятизначные цифры, честно я был впечатлен, что она отметила их зелеными стикерами. Конечно, она получит комиссию и могла мне предлагать самые дорогие картины. — Мне кажется, если нам удастся их приобрести не по завышенной цене, это будет отличная покупка. Что еще?

Я указал на другую фотографию, отмеченную тем же зеленым. На черном фоне стояла яркая чаша с цветами. Немного старомодно, но в этом темном фоне и как цвет казалось прорывались из этой темноты, меня заставляло обратить внимание.

— Брейгель. Боже, да. Это настолько твое.

Я засунул руки в карманы. *Мое?*

— Это я? — Кроме Энджи никто никогда не говорил мне такого, потому что никто меня настолько хорошо не знал.

У нее покраснели щеки, она пожала плечами.

— Да, похоже на тебя. Темный и суровый. Но когда все больше узнаешь...

Мне захотелось закончить ее фразу — *что тогда?*

— Эта картина будет хорошо смотреться в твоей квартире, — произнесла она, просматривая брошюру.

В конце концов, мы решили остановиться на еще одной картине — обнаженной. Судя по всему, ей нравились обнаженные так же, как и мне. Интересно кто-нибудь когда-нибудь рисовал Грейс голой? Или фотографировал? И от этих мыслей по моему животу разлилась тупая боль. Мне не понравилась даже идея, что кто-то мог видеть ее без одежды. Больше скажу, я возненавидел саму мысль, что кто-то даже попытался увидеть ее голой.

— Пошли, теперь нас ждет «Сакс», — произнесла она, ведя меня на выход. — Почему у тебя нет водителя? — вдруг спросила она. — Ты мне кажешься богаче Папы Римского или что-то типа того. — Она взмахнула рукой, чтобы остановить такси, но я оттащил ее за себя, сам выйдя на обочину.

— А почему у меня должен быть водитель? На Манхэттене полно

такси. — И как бы в подтверждение моим словам, тут же подъехало желтое такси, окатывая мои брючины брызгами дождевой воды.

— Ты мог бы уволить своего водителя, если бы он совершил нечто подобное, — ответила она. — Но я рада, что он обрызгал не меня. Спасибо.

Грейс продиктовала адрес, а затем подробно описала весь путь, как он должен ехать. Я наблюдал за ней в этот момент полностью заинтригованный. Она скорее всего думала, что одержала надо мной победу — я согласился купить диван. Я же видел в этом необходимость или неизбежность, называйте, как хотите. Мне не хотелось трахать ее снова на полу.

Но мне хотелось ее трахнуть, однозначно.

Я бы с удовольствием ее оттрахал даже прямо сейчас.

Вот черт! Я перевел глаза на окно, на улицу, по которой мы ехали. И даже глядя на улицу, я все равно хотел ее трахнуть.

— Ты просто не хочешь тратить деньги на постоянного водителя? — поинтересовалась она.

— Да, я не вижу в этом необходимости.

— Ты говоришь так, словно не принял стиль жизни Нью-Йорка, хотя если посмотреть на твой офис или на костюмы, Господи, ради всего святого! — Она осмотрела меня сверху до низу, как будто оценивала мой костюм. Или может она оценивала меня без костюма?

— Это совсем другое дело. Это бизнес. Люди ожидают от меня, что я буду сидеть в соответствующем кабинете, и буду носить соответствующие костюмы. Это часть бизнеса.

Грейс рассмеялась.

— Ты поступаешь так, потому что от тебя этого все ждут?

Она намеренно пыталась найти во мне изъяны? Я так редко общался с женщинами вне работы, кроме Энджи, конечно, что до конца не понял ее вопроса. Она хотела сама себе что-то доказать или пыталась узнать меня получше?

— Я делаю так, как надо. Иногда стоит совершить определенные шаги, чтобы добраться до своей цели. — Меня совсем не интересовал модный диван или водитель, потому что мне и так было хорошо. Больше всего меня заботило убедить, наверное, самого себя, что я никогда не окажусь в том положении, как в юности. Поэтому я собирался сделать все, что требовалось, чтобы этого избежать.

— Так ты делаешь все, что угодно? — Спросила Грейс, когда мы подъехали к «Сакс».

— Нет. Это не совсем то, что я имел ввиду. Я предпринимаю

определенные шаги, которые могут мне помочь достичь своей цели. Но при этом сохраняя здравый смысл. Нет смысла усложнять себе жизнь, — ответил я, выходя за ней на тротуар.

Она была амбициозной женщиной и отлично знала, как работает вся эта машина.

— Ты встречалась с художником со своей первой выставки. Тебе бы не удалось с таким же успехом произвести свою первую экспозицию в галереи, если бы ты не имела личного интереса к нему, так ведь? Ты сделала то, что требовалось в тот момент.

— Что? — Она развернулась, взглянув мне в глаза. — *Он засранец, который использовал меня.* У Стива никогда бы не было ни одной выставки, если бы не я.

— Я пытался сказать совсем другое. Не передергивай.

— Ты знаешь, что я застучала его трахающим мою ассистентку на моем рабочем столе сразу, как только я открыла галерею? — Она повернулась и открыла дверь, тут же отпустив, даже не дожидаясь, когда я попрिдержу эту чертову дверь, которая буквально захлопнулась перед моим носом. Я молча толкнул ее и вошел следом.

— И откуда ты узнал, что я с ним встречалась?

— Это же очевидно. И несмотря на то, что он изменил тебе, совершенно не означает, что ты была с ним не ради достижения своих целей, — сказал я ей из-за спины.

— Ладно, это уже неважно, — ответила она.

Мы шли в отдел мебели в полной тишине. Время от времени Грейс открывала рот видно, чтобы ответить, но все-таки не решалась.

— Так ты считаешь, что я использую тебя? — наконец спросила она, усевшись на огромный L-образный диван, на который можно было уложить двадцать человек.

— Я не говорил, что ты использовала этого художника. — Я присел рядом с ней. Все отношения сводились к одному — компромиссу, когда все время приходилось выбирать. Кто-то хотел что-то получить от тебя, а ты хотел что-то получить от них, хотя это касалось личных отношений, но суть была именно в этом.

— Ты не ответил на мой вопрос, — произнесла она. — Когда мы занимались сексом, для чего именно я использовала тебя?

— Позволь спросить тебя кое о чем. — Она закатила глаза. — Я не уклоняюсь от ответа, мне просто хочется, как можно лучше ответить на твой вопрос, — объяснил я, проведя рукой по подушке. Конечно, она использовала меня. Я просто хотел выяснить зачем.

— Тогда продолжай, — согласилась она.

— Кто был твоим парнем до этого изменника?

Она прищурилась, и мне показалось, что она разозлилась. На самом деле, выглядело мило.

— Его звали Натан. Доволен?

— Чем он занимался? Что тебе в нем нравилось?

— Он был музыкантом, если ты хочешь знать. — Она поднялась и прошла к другому, более реалистичному дивану, который стоило бы выбрать. Я последовал за ней. — Он был очень талантлив. — Она осматривала диван, проводя руками по черному бархату.

— Мне он нравится, — сказал я, присаживаясь и надеясь, что на нем будет удобно. Он был довольно-таки длинным, поэтому я мог вытянуться на нем во весь рост, а Грейс прекрасно бы смотрелась на нем, лежа рядом со мной, и ее белокурые волосы восхитительно бы контрастировали с черным.

Грейс села рядом, смотря прямо перед собой.

— Использование — неподходящее слово, — произнесла я. — Но все равно ты что-то извлекаешь из этих отношений, в противном случае зачем так напрягаться? — Я не стал озвучивать свои мысли, мне показалось, что у нее имеется привычка встречаться с неудачниками, или скорее всего имеется целый ряд причин, почему она встречается с неудачниками и ведь зачем-то ей это нужно.

— Ты встречаешься с определенным типом парней. Ты получаешь что-то от этих встреч также, как они получают что-то от тебя. — Если ей нравились творческие натуры, я определенно был не таким человеком, с которыми она обычно предпочитала спать.

— Хорошо, — произнесла она, — но почему тогда у меня был секс с тобой?

— Из-за моего большого члена? — улыбаясь своей самой очаровательной улыбкой спросил я.

Она засмеялась, а я ухмыльнулся не над своей шуткой, а мне нравилось, как она заливалась, сидя передо мной.

— Тебе он нравится? — спросил я, похлопывая по дивану.

— Да. Он чисто мужской вариант и красивый.

— Хорошо, если это так, давай найдем продавца.

— Что, вот так просто?

Я пожал плечами, наклоняясь вперед и взглянув на нее через плечо. Я был прав, она прекрасно смотрелась на этом диване.

— Мы нашли то, что нам нравится. Какой смысл продолжать искать

что-то другое?

— Ты сопротивлялся покупке мебели, словно от этого зависела твоя жизнь, а теперь в один момент готов купить первый попавшийся?

Я встал и протянул руку, помогая ей подняться.

— Я же говорил, что найду диван. Мы нашли. Мне он нравится. Я хочу купить его. Все просто.

Она проигнорировала мою протянутую руку и поднялась сама.

— Хорошо. Ну, это было, действительно, легко. Что насчет журнального столика?

Я усмехнулся. Почему она так заинтересована в моем интерьере?

— О, конечно, — ответил я. Я совсем другой, нежели мужчины, с которыми она привыкла встречаться — художник, музыкант...

— Что? — спросила она, глядя на меня, стоя рядом со стеклянным столиком.

Я кивнул.

— Ты любишь решать чужие проблемы. — Я встречал таких людей, как она. Без сомнения, она вкладывала деньги в людей вокруг себя, чтобы они стали лучше, если у них был талант, они действительно чего-то добивались, но как только они добивались тут же поворачивались к ней спиной.

— А ты великий всезнайка, — парировала она. — Тебе нравится этот столик?

Ну, по крайней мере, она не притворялась, что она не такая.

— Я не собираюсь облегчать тебе жизнь, Грейс Астор. Если ты хочешь раздвинуть мои границы, я тоже буду отодвигать твои стены Принцессы Парк Авеню.

Она пожала плечами и махнула рукой, привлекая внимание продавца.

— Извините, мистер Шоу хотел бы купить этот диван, — произнесла она. — И этот журнальный столик.

Господи, у этой женщины имелись настоящие яйца. Но я воспринял это как игру. Как я могу вытащить ее из зоны комфорта? Прежде чем я слишком сильно задумался о последствиях, схватил ее за талию и притянул к себе.

— Что ты делаешь? — она уперлась руками мне в грудь.

— Отодвигаю твои стены, — ответил я. — Бьюсь об заклад, ты никогда не целовалась на публике. Если ты хочешь, чтобы я купил этот столик, прижми свои губы к моим на виду у всех в этом магазине.

Она оглянулась вокруг.

— Ты шантажируешь меня? — спросила она.

— Едва ли. Мы говорим о поцелуе и столике. — По правде говоря, я не относился к людям, которым нравилось проявление любви в общественных местах, обычно увидев какие-нибудь обнимающиеся пары, я чувствовал себя некомфортно. Но, держа Грейс в руках, когда ее теплое тело прижималось к моему, я почему не испытывал не комфорта. Мне казалось, что я нахожусь в каком-то закрытом клубе, где только она и я.

Мне было наплевать на всех.

— Хорошо, — прошептала она, положив руку мне на шею, и проведя пальцем по подбородку. Если бы я не знал, я бы поверил, что она с любовью поглаживает своим пальцем мою кожу. Я наклонился, она приподнялась на цыпочках и страстно прикоснулась своими губами к моим. Ее губы были такими мягкими, такими нежными.

— Еще, — пробормотал я ей в рот, опустив голову ниже. Она обняла меня за шею руками и улыбнулась мне в губы. Я не мог не усмехнуться, прежде чем засунул свой язык ей в рот и поцеловал так, как будто это был мой последний миг на земле.

Без виски все чувства стали намного обострены, и в считанные секунды я стал жестким. Положив руки ей на задницу, я притянул ее ближе к себе, желая, чтобы она почувствовала мой член. Господи. Находится на публике и целоваться с ней, зная, что большего не будет, сделало все ощущения настолько яркими. Я не помню, чтобы когда-нибудь целовался с женщиной, заранее зная, что продолжения не будет. Для меня это было новым. И мне это понравилось.

С губ Грейс соскользнул маленький стон, внезапно она отстранилась, как будто ей стало стыдно, что она так увлеклась. Я отпустил ее, но не мог оторвать от нее глаз, когда она украдкой стала оглядываться по сторонам. Она поправила волосы и отвернулась, прикрыв рот обеими руками.

— Твоя... — прошептала она, как будто боялась привлечь к себе внимание людей. Она махнула рукой перед моим лицом. обостренное Мое кожа покраснела от твоей...

Я провел руками по своему лицу. Она имела в виду мою щетину. Я брился каждое утро, но к обеду у меня всегда появлялась щетина. У нее немного покраснели подбородок и губы. Я ухмыльнулся, радуясь, что на ней все еще были видны последствия моего поцелуя. А хотела бы она, чтобы я проводил своей щетиной по ее внутренней стороне бедра, двигаясь целенаправленно к ее киске? Теперь наступила моя очередь проглотить стон.

Почему я позволил ей тогда уйти, даже не попробовав ее?

— Вы хотите обычную или срочную доставку? — спросила

продавщица, отвлекая мое внимание от Грейс и ее красных, распухших от поцелуя губ.

— Срочную, — ответил я, не задумываясь о том, что она меня спрашивает, не желая отвлекаться от белокурой красавицы перед собой.

— Хорошо, теперь посмотрим обеденный стол и кровать, — произнесла Грейс, как только продавщица вернула мне мою кредитную карту.

— Ты знаешь, как это работает, верно? — Спросил я.

— Как что работает? — переспросила она, подводя меня к гарнитурам для столовой.

— Ты подталкиваешь меня, я тебя. Если поцелуй был за журнальный столик, мне придется придумать что-нибудь подходящее, прежде чем ты выберешь что-то для столовой.

Она прикусила нижнюю губу.

— Тогда давай просто посмотрим мебель по пути к выходу, — произнесла она. Может, она предполагала, что сможет убедить меня по пути на выход. Или может она думала, что я поцелую ее снова. Возможно, она хотела этого.

Я последовал за ней, пока она бродила между столами со стульями. В конце концов, она повернулась ко мне лицом и пожала плечами.

— Нет. Здесь нет ничего подходящего для тебя. — Она ухмыльнулась, и я не мог не издать смешок в ответ.

— Трусишка, — произнес я.

Она прищурилась.

— Я не трусишка, мне просто не нравятся выставленные здесь обеденные столы. Они слишком обычные.

Я засунул руки в карманы брюк.

— Мне казалось, у тебя побольше храбрости, Грейс Астор. Ты сдулась на первом же препятствии.

Она уверенно направилась к выходу, и я последовал за ней.

— Такими методами ты снимаешь женщин? Ты шантажируешь их сексом с собой? — спросила она, соединив брови, очаровательно нахмурившись.

— Да. — Засмеялся я. — Постоянно. — Мы ожидали лифт, потом вошли в него и спускались в полной тишине.

Когда двери открылись, она спросила:

— А что бы ты заставил меня сделать?

— Я бы не заставлял тебя *делать ничего*.

— Тогда, что бы послужило расплатой? — поинтересовалась она,

вытянув руку, чтобы остановить такси.

Я положил руки ей на плечи и отодвинул к бордюру. Почти сразу же рядом с нами остановилось такси. Я открыл дверцу и взглянул на Грейс. Она проскользнула внутрь, вопросительно глядя на меня.

— Татуировку. — Насколько далеко я хотел ее толкнуть? Насколько я хотел ее подтолкнуть? И, если честно, я наслаждался ее мимикой, пока она взвешивала все плюсы и минусы в уме. И как бы мне ни хотелось иметь консультанта по искусству, я, однозначно, хотел больше времени проводить с Грейс, неважно останется она моим консультантом или нет.

— Господи, ни в жизнь. Она же на века.

— Куда ты направляешься? — поинтересовался я.

— В Бруклин, — ответила она.

— Ты едешь на такси? — усмехнулся я. — Нет, ты, однозначно, не Принцесса Парк Авеню. — Я протянул водителю три двадцатки и захлопнул дверь.

Пока такси отъезжало, я смотрел ему вслед и наслаждался проведенным днем с Грейс.

В следующий раз я получу гораздо больше, чем один поцелуй.

*

— Господи, прости меня, Энджи, я даже не знаю, что и сказать. — Я протянул руку через стол из ДСП в закусочной и накрыл ее руку своей. Энджи позвонила, когда я вернулся к себе в квартиру после покупок с Грейс и попросила встретиться с ней завтра во время ланча в закусочной.

— Черт возьми, Сэм, не волнуйся так обо мне, — произнесла она, выхватывая свою руку. — С каких пор ты хватаешь меня за руку? — Я никогда не прикасался к Энджи. Никаких объятий. Никаких воздушных поцелуев. Ничего. Никогда. В детском доме никогда не приветствовалась такая привязанность к кому-либо. Как бы я ни дразнил Грейс, что мне некомфортно публично проявлять свои чувства, честно говоря, я чувствовал себя так же не в своей тарелке, как и она.

— Иди ты в ж*пу, я не пытаюсь проявить сентиментальность. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. — Единственное, чего я хотел, чтобы она была, на самом деле, счастлива, имела семью, которой у нее никогда не было.

— Я же не говорю тебе, что у меня рак... просто у Чеса низкое количество сперматозоидов.

— Это можно как-то исправить? — Я бы хотел исправить. Я готов был

сделать все, что потребуется.

Энджи окунула ложку в мороженое.

— Врачи сказали, что нам нужно продолжать пытаться, но поскольку это все еще не случилось за шесть месяцев, возможно, нам стоит подумать об ЭКО.

— Это... серьезный шаг.

— Да. И я не уверена, что соглашусь. Я имею в виду, что ненавижу уколы и мне кажется, что это немного против природы, знаешь ли?

Ни одну Энджи беспокоил этот не совсем естественный процесс.

— А страховка Чеза покрывает ЭКО? — Спросил я. Поскольку слышал, что это дерьмо было дорогим и не включалось в медицинскую страховку.

Энджи пожала плечами, давая мне понять — она прекрасно знала, что подобная процедура не входит в страховку, что означало — ЭКО у нее не будет, потому что она и Чез не смогут себе этого позволить.

— Ты понимаешь, что мне придется с ним в ближайшем времени поговорить об этом, а не после трех месяцев споров, — сказал я.

— О чем ты говоришь, ты сошел с ума? — спросила она, не отрывая глаз от фундука, балансирующего на кончике ложки.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты не любишь обсуждать деньги, но я заплачу за твое ЭКО. — Это было старо, как мир, как-то я даже проиграл битву, чтобы заплатить за ее чизбургеры в закусочной. И единственная причина, по которой Энджи разрешила мне их ей купить, когда я сказал, что хотел бы купить их ей на Рождество, в качестве свадебного подарка, который они заслужили.

— Или ты в ж*пу. Чез никогда не пойдет на это. Ты не будешь платить за нашего ребенка.

— Конечно, я не буду платить за твоего ребенка. Ради всего святого, я не торговец детьми. Я всего лишь хочу оплатить медицинские расходы. — Я вздохнул, потому что Энджи полностью проигнорировала мой ответ, поглядывая на другие пары, сидящие в небольшом помещении.

— Может этому просто не суждено сбыться. Одному Богу известно, какой я буду матерью. Черт побери, у меня нет образца для подражания.

— Ты не будешь похожей на свою мать, Энджи. Ты это прекрасно знаешь.

Она пожала плечами.

— Кто бы говорил? Говорят, мы становимся с возрастом похожими на своих родителей. И если это правда, у моего ребенка просто нет шансов.

Я свернул салфетку и бросил ею в нее.

— Не позволяй своей матери красть у себя твою жизнь. Ты — не она.

Посмотри на себя с Чезом... была ли она такой же любящей женой, как ты? — Я хлопнул ладонями по столу. Разве она не понимала, что заслуживала счастье? — Ты не должна позволять ей лишать себя будущего... она и так достаточно тебе навредила.

Она улыбнулась и наклонила голову.

— Спасибо тебе, Сэм. Ты всегда знаешь, что нужно сказать.

Я кивнул.

— И я заплачу за ЭКО. Я не хочу больше об этом слышать. В обмен я куплю себе новый диван.

Она тут же подняла на меня глаза, прищурившись.

— Ты *уже купил* диван?

Чуть не сгорел со всеми потрохами. Но мне хотелось попробовать поставить свое условие.

— Я соглашусь купить диван, если ты позволишь мне оплатить расходы на медицину.

— Мне кажется, что ты уже купил диван, — произнесла она. — Почему ты вдруг решил его купить?

— Энджи, послушай, я хочу...

— Я поговорю с Чезом. Ничего не могу обещать. — Мне нравился Чез, он был гордым, готовый на все ради своей жены. И взять у меня деньги ему было трудно, и я уважал его за это.

— Хорошо, — ответил я.

— Вот и отлично. Расскажи мне о диване.

Я откинулся на спинку, вытянув руки на спинку красного дивана из кожзаменителя.

— Что тут можно сказать? Я купил диван.

— Вот так взял и купил?

— Конечно, — ответил я.

Ложка Энджи стукнулась о бокал с мороженым.

— Где?

— В «Сакс».

Она наклонила голову в сторону.

— Тааак. Ты просто решил отправиться в «Сакс» и купить диван.

Я ухмыльнулся.

— Ну, если ты хочешь знать, мой консультант по искусству повела меня туда.

— Женщина?

— Да, женщина. Мы сначала посмотрели некоторые картины... — Как мне объяснить, что произошло до покупки? — Я спросил ее, где можно

купить мебель, и она привела меня туда. — Да, мое объяснение даже близко не походило на то, что произошло между нами, но я не хотел, чтобы Энджи делала какие-то выводы. — Она предложила помочь.

— Предложила отсосать твой член, звучит именно так, — сказала Энджи, и я бросил в нее салфетку. И у меня перед глазами тут же возникла картина, как я сижу на своем большом черном диване, Грейс стоит передо мной на коленях на полу, я накрутил ее волосы на руку. Сиденье закрипело, когда я сдвинулся и подался вперед, пытаюсь скрыть растущую эрекцию.

— Ты можешь тут же не делать выводы, что каждая женщина, которая со мной вежлива и выполняет какую-то для меня работу, хочет залезть ко мне в штаны, а? — спросил я.

— А почему нет? — Она пожала плечами. — Именно так все и происходит. Кто эта цыпочка? Сексуальная?

— Она — мой консультант по искусству.

— И консультант по дивану, по-видимому. Похоже, она очень хорошо консультирует тебя.

Я усмехнулся и покачал головой.

— Хорошо, — беззаботно произнесла она. — Мне кажется, что это неплохо. Тебе просто необходимо немного «консультаций» в жизни. Мне нравится, что ты выбираешь себе мебель с женщиной.

Но ее слова звучали так, словно она собиралась меня на ней женить.

— Мы не собираемся вместе строить семейное гнездышко, ради всего святого.

— Конечно нет, ты же просто выбирал мебель с женщиной. Тебе нечего скрывать. — Она внимательно посмотрела мне в глаза. — Как я уже сказала — одобряю.

Энджи нравилось поддразнивать меня так же, как и я любил проделывать тоже самое, но она своими словами задевала за живое, поэтому мне захотелось изменить тему.

— Ты собираешься серьезно поговорить с Чезом об ЭКО? — Спросил я.

Она ухмыльнулась.

— Лучше говорить о моей утробе, чем о твоей личной жизни, да?

— Нет у меня никакой личной жизни, Энджи.

Ее ухмылка пропала.

— А может пора начать.

Грейс

После нашей поездки по магазинам на прошлой недели, сейчас я проигнорировала только два звонка от Сэма. На третий я взяла трубку, потому что мне необходимо было сообщить ему детали, где мы встретимся сегодня. Когда я вошла в подъезд дома, где предполагалось будет проходить аукцион, мой живот совершил кульбит. Я бы никогда не стала участвовать в торгах, покупая подобные вещи. Я видела, как это делается, но никогда сама не поднимала руку, чтобы потратить огромное количество денег за считанные секунды.

Я проверила время на телефоне. Пришла на десять минут раньше. Мы договорились встретиться в три тридцать, но пошел дождь, и я забеспокоилась, что не смогу поймать такси. Мне не хотелось опаздывать. По крайней мере, очередь была не очень большая, поэтому мне не придется долго стоять, чтобы зарегистрироваться и забрать карточку с нашим номером.

Я прислонилась спиной к темным деревянным панелям широкого коридора, уставясь на королевский синий ковер под ногами, поджидая Сэма. Может Сэму самому стоит сделать ставку? В конце концов, это его деньги, которые он решил потратить.

За пять дней после нашей последней встречи, я вспоминала о нем больше, чем следовало. У меня из головы не выходили его слова по поводу татуировки. Я никогда не понимала их привлекательности, как чего-то чужеродного, запечатленного у меня на коже. Что можно сделать с тату, которое у тебя появилось, если оно стало для тебя не привлекательным и не нравится?

Я не хотела, чтобы у меня на теле появилось что-либо настолько постоянное.

Но почему-то я все время думала какой бы выбрала рисунок и где бы разместила его на своем теле. И почему я все время представляю Сэма, который держит меня за руку, заставляя смеяться, чтобы отвлечь от боли? Почему?!

— Привет, — прошептал Сэм, жар его дыхания ощутился на коже.

Я подняла глаза, он возвышался надо мной.

— Ты в порядке? — спросил он, нахмурившись, внимательно разглядывая выражение моего лица.

Я оттолкнулась от стены, выпрямившись рядом с ним.

— Да, все хорошо. Просто задумалась, пока тебя ждала.

— Извини, что заставил тебя ждать, — сказал он, засунув руки в

карманы. Как ему удавалось иметь настолько внушительный вид, без особых усилий? Сейчас здесь соберутся самые влиятельные люди. Но Сэм не заявлял о себе во весь голос, куда бы он ни шел. И не относился с неуважением к другим людям, которые встречались на его пути. Он всегда был сдержанным, но когда он находился рядом со мной, единственное, что мне хотелось сделать это смотреть на него, лелея надежду, чтобы он посмотрел на меня. Он однозначно требовал моего внимания.

— Я люблю раздумывать, — ухмыльнувшись ответила я.

— И о чем ты только что раздумывала? — спросил он, отправляясь в зал аукциона.

— О разных вещах, — ответила я. — Ну, ты знаешь. — Как я могла ему сказать, что думала о нем?

— Не уверен, что знаю, Грейс Астор. Просвети меня.

— У тебя есть татуировка? — напрямую спросила я.

Его губы дернулись.

— Ты думала, есть ли у меня татуировка или нет?

Мы вошли в зал аукциона, к счастью, нас прервал гул голосов. Я и так слишком многое выболтала.

— Вот, — сказала я, указывая на два места в конце ряда, примерно посередине рядов стульев, обращенных лицом к сцене.

Мы сели, Сэм ближе к стене, потом я, а слева от меня села женщина.

— Итак, мы должны придерживаться нашей максимальной ставки на эти картины, — тихо произнесла я, придвинувшись к нему. Здесь всегда говорили тихо, потому что никогда нельзя было сказать подслушивают вас или нет. Поскольку здесь собралось достаточное количество коллекционеров, разрабатывающих определенную стратегию, чтобы приобрести ценные произведения не по баснословным ценам. — Мы же не хотим увлекаться.

— Да, мы не хотим. А *мы не хотим*? — прошептал он в ответ.

— Я серьезно, Сэм. При торгах повышается адреналин и такой человек, как ты, обязательно почувствует соблазн перекупить произведения у других.

— Такой человек, как я? — переспросил он. — Парень с татуировкой?

— Да. Я имею ввиду не это. — Он заставлял меня нервничать, поскольку все его замечания, мне показались носили несколько личный характер. — Ты не можешь быть таким успешным, каким являешься, не будучи конкурентоспособным.

Он кивнул, но промолчал, внимательно осматривая зал, не упуская ничего из виду. Многие перешептывались, словно мы находились в церкви.

Я проследила за его взглядом, пока он наблюдал за людьми.

— Так ты сказал, что у тебя есть татуировка? — Спросила я. Нам следовало сосредоточиться на предстоящих торгах. По крайней мере, мне так уж точно. Но мне хотелось знать ответ на этот вопрос. Я хотела знать, как она выглядит.

— Только одна, — ответил он. — Я бы не просил тебя сделать то, чего сам не сделал.

Я не помнила, что видела татуировку у него на теле. Я резко вздохнула, вспоминая, как он проводил щетиной по моей щеке, когда входил, шепча, как ему нравится быть внутри меня.

— Ты в порядке? — спросил он, потянувшись к моим ногам и притянув мои колени к себе.

— Как она выглядит? — поинтересовалась я, как только он отпустил руку. Лучше спросить — *где она находится?*

Несколько человек вышли на сцену, и в комнате воцарилась тишина. Сэм повернул к ним голову.

— Ты довольно-таки скоро ее увидишь.

Прости? Я увижу его тату достаточно скоро? Это значит, что он собирался мне ее показать? Где она находилась? И как она выглядит?

В следующий раз?

Мы же не будем снова раздеваться. Ну, может... Но мне тогда понравилось, как он ко мне прикасался. Мне понравилось, что он никогда не повышал голос, говорил тихо, но его всегда слышали. Мне нравилось, как он двигался. Даже, как он дышал, казалось настолько обдуманно... настолько взвешенно, словно каждый вздох имел для него определенный смысл. В следующий раз, когда мы окажемся голыми, я обещаю каждый дюйм его тела, пытаюсь найти татуировки.

Он толкнул меня, нарушив мои мечты.

— Смотри, — прошептал он, широко распахнув глаза. — У него правда в руках маленький молоток. — Он сжал мою коленку.

Я повернула голову к Сэму и не смогла удержать от улыбки. Он был взволнован. И мне нравилось, что я разделяла это событие с ним.

Лоты проходили быстро, и вскоре Лотрек был выставлен на продажу.

— Мне нравится цвет, — сказал Сэм, глядя на картину, выставленную на сцене.

Мне, на самом деле, она нравилась, и я была рада, что он выбрал ее. По своим цветам она напоминала яркие мультики, в которых присутствовали сильные мазки. Они казались веселыми.

— Ты хочешь сделать ставку? — спросила я.

Он качнул головой.

— За это я тебе и плачу.

Я не стала говорить ему, что никогда не делала этого раньше, поскольку он был прав. Это была исключительно часть моей работы.

В зале на несколько секунд до начала торгов установилась полная тишина. Организатор торгов представил картины, рассказав немного о происхождении и композиции картин, все это мы прочитали в каталоге, — и прежде, чем я успела перевести дыхание, начались торги. Один из участников торгов давал указания посреднику по телефону, не давая возможности никому подобраться к картине. Мой план состоял в том, чтобы выждать, пока один из первых участников торгов не выпадет, только потом поднять свою карточку с номером. Но я даже не успела ничего сказать, потому что буквально за несколько секунд была достигнута максимальная ставка, и картина ушла с молотка.

— Извини, — прошептала я, торги продолжились.

— Не стоит, — ответил он. — Оказывается, это очень весело. Напоминает старые добрые времена, когда я продавал вещи на улице, зарабатывая большие деньги. Там все разодевались в красивые одежды.

— Улица? — спросил я. — Когда ты это делал?

— И, *поверь мне*, люди там пахли намного приятнее.

Неужели родители заставляли его зарабатывать на колледж или типа того?

Наш следующий лот был ню литография Дега, которая шла с остальными, и он готов был купить ее. Торги начались с высокой отметки в сорок тысяч долларов. Мы могли согласиться на семьдесят пять. Я поощряла всячески Сэма не разбазаривать деньги, возможно, я сама была слишком консервативной. На шестьдесят торги застопорились, и я ухватила за карточку, готовая поднять вверх руку. Я чувствовала, что Сэм наблюдает за мной, но я не смотрела на него. Когда были провозглашены шестьдесят пять, я посчитала это нашим шансом и подняла наш номер. Организатор аукциона признал мое заявление, ткнув в мою сторону пальцем.

— Семьдесят пять? — спросил он претендента впереди, который поднимал ставку с самого начала. Он кивнул, словно мы не делали никакой ставки, перекупив, картина ушла к нему. Господи.

Я сидела в кресле, покачивая головой, совершенно не веря тому, что происходило.

— Не столь важно, — прошептал Сэм. — Правда. Это всего лишь очередной опыт. — И в том, как он произнес слово «опыт», мне захотелось

почувствовать его язык на своей коже и его руки на своих бедрах. Я сильнее сжала рукоятку клиентской карточки.

Следующим был натюрморт Брейгеля — самый дорогой из трех лотов, на которой мы договорились с ним сделать ставку. Я была удивлена, что Сэм выбрал его из моего короткого списка, на что следовало обратить внимание, поскольку в этой картине не было ничего привлекательного, особенно для тех, кто совершенно не разбирался в искусстве, этот натюрморт казался настолько традиционным на первый взгляд. Но если бы вы внимательнее неторопливо посмотрели на него, эта картина стала бы оживать перед вашими глазами и раскрывать свои тайны при каждом взгляде. Тем не менее, это было отличное вложение денег и у нас имелся хороший шанс заполучить его при нашей самой верхней ставки — в один и два миллиона.

У меня вспотели ладони, пока я перекладывала карточку из одной руки в другую. Мне не хотелось, чтобы Сэм ушел с торгов с пустыми руками, и также не хотелось, чтобы он решил, что я полностью некомпетентна, установив такую маленькую границу верхней цены. Сэм нежно взял меня за запястье.

— Все будет хорошо. Что бы ни случилось, этот день не будет лучшим или худшим днем в моей жизни.

Он был прав. Слава Богу, мы были живы и здоровы и не больны раком. Его слова замедлили стук моего сердца. Что бы ни случилось, в конце концов, это не конец света.

Как только начались торги, я была вынуждена перевести взгляд на сцену. Мне следовало полностью сосредоточиться на том, что происходило передо мной, но также мне хотелось узнать, какими были лучшие и худшие дни в жизни Сэма Шоу.

Цена поднялась благодаря ставкам по телефону до восьмисот тысяч, тут же выбыли все участники торгов, кроме одного в зале и одного по телефону, создавая друг другу конкуренцию. Когда цена стала миллион остался только претендент по телефону. Я подняла клиентскую карточку, глубоко вздохнув. *Вот черт.* Я готова была потратить огромное количество чужих денег. Я надеялась, что правильно выбрала момент и сейчас не провалюсь. Моя заявка была признана организатором, я повернулась к Сэму, который спокойно кивнул мне.

Мы продолжили торги, цена поднималась все выше и выше с каждым шагом на двадцать тысяч, пока не достигла одного миллиона восемьдесят тысяч, раздался стук молотка и картина стала нашей.

Дерьмо.

Мы сделали это! Меня бросило в жар и сжался желудок. Я надеялась, что Сэм был рад, что я сэкономила ему деньги. Я держала карточку вверх, ведущий аукциона записал мой номер, Сэм схватил меня за руку и пожал.

По залу прошелся гул голосов, люди стали поворачиваться, чтобы взглянуть на человека, который за считанные секунды потратил семизначную сумму. Мы с Сэмом сидели с таким видом, как будто каждый день тратили такие суммы. Я сжала губы, стараясь не показывать своего возбуждения, и пытаюсь успокоить свои нервы, потому что адреналин зашкаливал.

— Ты сделала это, — прошептал он мне на ухо, и мои соски тут же уперлись в лифчик, как только его дыхание прошло у меня по шее. — Давай уйдем. — Я поняла, что он хочет уйти с торгов. В наших действиях было столько интимного, начиная, как мы сидели слишком близко друг другу, перешептываясь, потом оба получили то, что очень хотели, и как он тихо стал подбадривать меня. Но вокруг нас было столько народу. И мне тоже захотелось, чтобы мы остались одни.

Он помог мне подняться и повел на выход, подальше от наблюдающих за нами людей.

Как только мы направились к двери, я попыталась его остановить.

— Сэм, нет. Мы должны заплатить. — Он нахмурился, но развернулся и пошел в другую сторону. Я передала ему свою клиентскую карточку и документы, которые мне вручили по дороге, и мы подошли к женщине за деревянной стойкой.

— Поздравляю, — произнесла она, не глядя на нас. — У вас есть двадцать четыре часа, чтобы забрать купленное произведение. Могу я воспользоваться вашей картой?

Сэм засунул руку в карман и вытащил свой коричневый кожаный бумажник. Я пыталась отойти, чтобы ему было легче расплачиваться, но он сжал мои пальцы. Он, как-то неловко пошутил, а затем достал свою карту Американ Экспресс.

Я подняла глаза и обнаружила, что он наблюдает за мной. Отпустив мою руку, я на секунду подумала, что он прочитал мои мысли — что я хочу его. Мое тело тут же расслабилось от облегчения, как только он обнял меня за талию и притянул к себе. Он тоже хотел меня?

— Пойдем со мной, — произнес он, поворачивая нас к выходу и быстро двигаясь в том направлении, мне пришлось бежать за ним, чтобы поспевать в ногу.

Такси остановилось на обочине.

— Семьсот сорок Парк Авеню, — сказал Сэм водителю.

— Это был прорыв, — сказал он, легко проведя пальцами по моему колену.

Я кивнула. Мы были на адреналине. Может нам стоит сфотографироваться, немного потанцевать, хотя я не уверена любит ли Сэм танцевать.

— Мы едем к тебе? — поинтересовалась я. — Чтобы решить, где лучше повесить картину? — Я надеялась, что это не единственное, что мы будем решать у него дома.

Он нахмурился.

— Если хочешь то, да, но потом я трахну тебя на своем новом диване.

Я старалась сохранять нейтральное выражение лица, несмотря на пульсацию между ног. Я не знала какие подобрать слова, чтобы ответить на такое грубое заявление.

— Диван уже прибыл?

— Я сказал тебе, что хочу трахнуть тебя, а ты почему-то сосредоточилась на диване?

Я сосредоточилась только лишь потому, чтобы не задумываться — не было ли ошибкой с моей стороны ехать к нему домой? Происходившее с ним, не соответствовало моему обычному стилю работы. Сэм Шоу не был моим обычным типом мужчины, которых я выбирала. Каждый раз, когда я была рядом с ним, я почему-то хотела его.

Я не могла поднять на него глаз, когда мы вышли из такси и вошли в его дом. Даже в лифте я как бы изучала пол, чтобы не смотреть на него, потому что он мог тут же увидеть насколько сильно я его хотела. Он периодически сжимал мою руку, проводя большим пальцем по костяшкам, посылая искры желания по всему моему телу.

В его квартире мы стояли, держась за руки и глядя на город, перед диваном.

— Ты почувствовала? — спросил он, удерживая взгляд на горизонте, как будто пытался не смотреть на меня. — Между нами, в аукционном зале?

Я понимала, о чем он спрашивал. Тянуло ли меня к нему, было ли у меня желание дотронуться до него, желание остаться одним, вдвоем?

Я кивнула, и он повернулся ко мне лицом.

— Мне хотелось там, чтобы были только ты и я. — Он отпустил мою руку и взял в ладони мое лицо, погладив большим пальцем по щеке. — Ты мне нравишься.

Он опустил взгляд на мои губы.

В комнате стояла полная тишина, только слышалось наше ускоренное дыхание.

— Ты мне тоже нравишься. — «Он не должен мне нравиться», именно так я обязана думать, потому что он должен быть избалован и привык, чтобы ему все потакали. Но он совсем не выглядел таким.

Он вздохнул, как будто был расстроен. И убрал руки с моих плеч, не отводя глаз от лица. Даже, когда стал расстегивать мою рубашку без рукавов, и она упала на пол. Даже, когда он стягивал с меня юбку. И даже, когда я стояла перед ним в одних трусиках. Он отступил на шаг и, наконец, позволил себе оглядеть меня целиком. Его взгляд опьянял меня, словно каждая клеточка моего тела начинала светиться, когда он осматривал.

— Сэм, — прошептала я, призывая его сжаться надо мной и прикоснуться.

Мои слова перевели его взгляд мне на лицо, и он шагнул вперед.

— Я здесь, — тут же произнес он. — Я здесь, Принцесса.

Я шарила по его рубашке, он отстранил мои руки и быстро расстегнул пуговицы сам. Я таяла, стоя перед ним. И почувствовала настоящее облегчение, как только ладонями дотронулась до его груди. Мне хотелось прикоснуться к нему и поцеловать. Он снял брюки и обнял меня за талию, одной рукой поглаживая спину, другую прижав к заднице, поближе к себе.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — прошептал он, прижимаясь лбом к моему.

— Тебя. Я хочу тебя всего, — ответила я.

Он застонал, словно произнесенные слова увеличивали его потребность во мне.

— Ты не знаешь меня, Принцесса. Еще не знаешь.

— Мне все равно, — ответила я. — Я хочу всего тебя.

Он прижался губами к моим, в жаждающем и необходимом поцелуи. Наша страсть, словно сорвавшаяся с поводка гончая, не давала мне возможности насытиться им. Я тянулась к нему, а он сильнее прижимал меня к себе. С его шеи мои руки соскочили к груди. Я не могла до конца решиться за что мне стоит ухватиться, чтобы насытиться им всем, до конца.

Он поднял меня вверх, и я обернула ноги вокруг его талии, обхватив руками его за шею, наши губы по-прежнему прижимались друг к другу, наши языки толкались и тянулись друг к другу, пока он шел через гостиную.

Он прошелся по бедрам, удерживая меня навесу, попросив разъединить ноги.

— Нагнись, Грейс, — произнес он, повернув меня таким образом, что

я оказалась лицом к дивану. Все тело била дрожь, поэтому я наклонилась к черной бархатной спинке, прижавшись к ткани грудью, по которой мягко скользили соски.

Сэм поглаживал ладонью мне позвоночник, затем опустил вниз к заднице.

— Прекрасная, — прошептал он и убрал руку. Я подняла руки и взглянула через плечо на него. — Оставайся здесь, — сказал он в нескольких шагах. Он присел и стал рыться в кармане брюк. Я воспользовался возможностью, чтобы полюбоваться его телом, твердыми бедрами, поднимающими бицепсами, с перекачивающимися мышцами. Он поднялся и подошел ко мне, его толстый член прижался к моему животу. Господи.

«Сильный» — это единственное слово, которым можно описать всего Сэма Шоу. И не только его тело заслуживало такого описания. Но когда он говорил, ходил — в нем сквозила настоящая сила. Как камень, который выдержал тысячу лет, Сэм был силен изнутри и снаружи.

— Ты готова? — спросил он, поглаживая мою поясницу.

Разве он не знает?

Я развела ноги и повернула голову, чтобы он не увидел мою улыбку, он застонал. Пока он надевал презерватив, прежде чем войти, я ждала. Я почувствовала настоящее облегчение, что он вот-вот окажется внутри меня, надеясь, что он излечит мою потребность в нем.

— Ты сильно хочешь меня? — спросил он.

Я кивнула.

— Скажи мне, Принцесса, — сказал он. — Я хочу это услышать.

— Да, — произнесла я, голос звучал тихо с таким отчаяньем.

— Громче, — громче попросил он.

— Прошу. Я хочу, чтобы ты глубоко вошел. Я хочу, чтобы ты вошел до конца.

Он вошел в меня, и я заскользила по бархатному дивану, схватив меня за плечо, глубоко загоняя свой член.

— Ты так хочешь, не так ли? — Он вышел. — Скажи, — мягко приказал он.

— Да, именно так. Пожалуйста, Сэм. — Что он со мной делал? Этот мужчина заставлял меня умолять его, чтобы заполучить его член. Но как только он снова вошел в меня, все вопросы растворились, я сосредоточилась исключительно на том, как он наполнял меня. Я была не в состоянии контролировать свое тело. Меня опалял жар, и волны удовольствия, которые с каждым толчком возрождались и усиливались.

Сэм отдавал мне все, что мог, а я полулежа на диване понимала, что ничего не могла отдать ему взамен.

Его бедра прижимались к моим, пока он продолжал меня трахать. Его руки тянули меня за талию, бедра, шею. Я была накрыта им.

Я не привыкла брать у мужчин. Я привыкла отдавать, концентрируясь на всем, чтобы сделать их счастливыми, чтобы они получили все, что им было необходимо. Но единственное, о чем я думала в этот момент, насколько мне было хорошо. Как прекрасно Сэм заставлял меня ощущать себя.

Он отвернулся, и я потянулась к нему, но его руки не оставляли меня. Я заскулила, уже собираясь поспорить, как только он вышел и усадил меня вглубь дивана.

— Так будет лучше. Я хочу видеть твои глаза, — сказал он, снова врываясь в меня. На этот раз его темп был не таким лихорадочным, более медленным, постоянным и обдуманым, как будто он смог восстановить хотя бы некоторый контроль, как только я призналась, что хочу его.

Он наклонился вперед и провел губами по моим, потом опустил голову и поцеловал меня в плечо. Его поцелуй превратился в укус, пока он увеличивал свои толчки. Мне казалось, что я могу упасть с дивана, но как только я стала соскальзывать, он подхватил меня, потянув нас к середине, хотя его зубы все глубже и глубже погружались мне в плечо. Боль усиливала мое удовольствие и при следующем толчке оргазм начал закручиваться в спираль, я вонзила ногти ему в плечо.

— О Боже, да, — воскликнула я.

Его движения стали хаотичными, я тянула его к себе, желая получить больше, не готовая к пику своей кульминации.

Он издал стон, смешанный с рычанием, резко входя, и его оргазм перемешался с моим. Он опустил свой лоб на мой, наше дыхание было коротким, урывками, но синхронизированным.

У меня было такое чувство, будто он просто вырвал из меня удовольствие, чтобы испытать его самому. Словно наши оргазмы были симбиозом, соединенным в единое целое.

Один не мог происходить без другого.

— Я знал, что ты на этом диване будешь выглядеть невероятно, — сказал он, когда мы лежали бок о бок на подушках.

Я хихикнула.

— Поэтому ты его купил?

— Да, думаю, именно поэтому.

Я задрожала.

— Тебе холодно? — поинтересовался он, прижимая меня к себе. Я отрицательно покачала головой. Мне не было холодно, на самом деле.

— Мне, наверное, стоит купить одеяло или что-то типа того. Ну, знаешь, как на обложках журналов, подушки и все такое.

Я ухмыльнулась.

— У тебя даже нет стульев в столовой и стола... аксессуары — это уже второй уровень. Сначала тебе нужно пройти первый.

— Ты решила, какую татуировку собираешься делать? — спросил он.

У меня тут же распахнулись глаза.

— Боже. — Я забыла посмотреть. — Где она? — Я дернула его за руку, повертевь туда-сюда, чтобы лучше рассмотреть.

Он погладил мой подбородок большим пальцем.

— Ты очень красивая.

— Где твоя татуировка? — спросила я.

Не отрывая от меня глаз, он поднял руку к потолку. Я переместилась на локте, внимательно осматривая ее.

— Нет, не здесь, — произнес он.

С боку на ребрах под рукой было написаны рукописным шрифтом слова. Я прошлась по ним пальцами, рассматривая ближе.

— Жди и надейся, — прочла я вслух и взглянула на него, когда он опустил руку, скрывая от меня тату. Смотрелось красиво. Слова были выведены с завитушками, красивым шрифтом и, они казалось украшали, а не оскверняли его. Возможно, я сделаю тату. Мне нравилось, что ее нельзя было сразу увидеть, она была спрятана под рукой, поэтому он мог показывать ее только тому, кому хотел. И от этого я почувствовала себя особенной. Я редко шла на такие опрометчивые поступки, но когда я все же на них решалась... потом, как правило, расплачивалась... взять хотя бы галерею, он...

— Что означают эти слова? — спросила я.

— Они из одной книги, — ответил он, наблюдая за выражением моего лица и своим вопросом отвлекая от тату. Он поцеловал меня в нос. — На этом диване я мечтал проделать с тобой кое-что еще. — Он приподнялся на локте, подтолкнув меня к краю дивана, я села. — Ложись на спину, — попросил он. — Я хочу увидеть, как твои белокурые волосы будет разбросаны на подушках. — Он развел мои бедра, удерживая их на месте, и зафиксировал свой взгляд у меня между ног.

Может мне следовало почувствовать стыд, но мне нравилось, как он смотрел на меня. Его взгляд был таким сосредоточенным и напряженным.

— Даже твоя киска прекрасна, — произнес он, подняв на меня глаза и

ухмыляясь, подняв мои ноги вверх. — Твои губы... — Он чмокнул меня в губы, легонько дотронувшись языком. — Прекрасные. И здесь, здесь... — Он провел языком по моей ключице, и я растаяла на подушках. — Очень красивая. Вся... — Он оставлял поцелуи у меня на груди, на ложбинке между грудями, на моем животе. — Прекрасная. — Он остановился и опустился вниз, и его пальцы раздвинули киску. Я лежала перед ним открытая, с распростертыми ногами и чувствовала себя вполне комфортно, мне даже казалось вполне нормально вот так лежать перед ним. Все казалось правильным.

Он прошелся языком сначала по складкам, потом по клитору. Я выгнулась от ожидания. Пожар страсти, возникший между нами во время аукциона, опять увеличивался, словно испытанный оргазм смог только временно потушить его. Сэм застонал, и вибрация от его стога, отозвалась по всему моему телу. Я схватила его за волосы, притягивая к себе. Я хотела большего, хотела все, что он готов был мне дать.

— Да. — Умоляя и всхлипывая, прерывающимся голосом, запричитала я, пока он лизал и прижимал свой язык к моему клитору. Из меня сочилась влага. Мы явно запачкаем ему только что купленный диван.

Мягкость его языка на клиторе, и колючая щетина у меня на бедрах, явно вызывали у меня переизбыток чувств. Я дернулась, и он положил свою большую ладонь мне на живот, удерживая на месте. Потом он стал кружить двумя пальца у моего входа. Я хотела, чтобы они оказались внутри, мне было это необходимо.

Он понимал, что своими действия подводит меня к очередному оргазму, который я не собиралась сдерживать. Но он хотел еще немного меня подразнить.

— Еще, — закричала я. И словно он ждал моей мольбы, потому что засунул пальцы, начав кружить языком вокруг клитора. Чувства зашкаливали. Я схватила его за волосы, вдруг захотев, чтобы он замедлился, но он был неумолим. Он перестал меня дразнить, желая, чтобы я кончила с удвоенной силой. Осознание этого еще больше будоражило мой оргазм. Я не могла уже себя контролировать. Мое тело не слушалось, оно с удовольствием слушалось его. Мурашки и иголочки побежали по бедрам, как только они начали вибрировать. Он щелкнул языком по клитору, и я кончила. Я отпустила его волосы, разбросав руки по сторонам, спина выгнулась, и я кончила от волны жестокого оргазма.

Задыхаясь, я видела его улыбку.

— Ты потрясающая на вкус.

Я едва могла дышать.

И не могла ему признаться, что никогда не кончала от орального секса, никогда, ни с одним мужчиной. И еще я не могла сказать, что с ним секс настолько отличался от секса с другими парнями, словно сравнивать лед и бриллианты. Он делал все, что по идеи я совсем не должна была хотеть... и представлял собой все то, что я отвергала и противилась всю свою жизнь, а сейчас я так хотела его, так сильно, что едва могла дышать.

11.

Сэм

У Грейс, казалось, вошло в привычку игнорировать первые мои три звонка. Вот почему я набирал ее номер в четвертый раз за последние сорок восемь часов. Я выглянул в окно своего офиса и посмотрел вниз на улицу. Пробка из желтых такси напомнила мне гравюры на аукционе, которую мы хотели купить. Я не особо переживал, что они нам не достались, хотя они мне понравились. Вернее, мне нравилось быть с Грейс.

После аукциона, секса, я сказал ей, что она пообещала мне сделать татуировку, и только потом она покинула мою квартиру. Я хотел попросить ее остаться, но не смог найти подходящей причины. Последние два дня я пытался найти какую-нибудь причину, чтобы ей позвонить. Она вскользь упомянула какую-то выставку, которая, по ее мнению, могла бы меня заинтересовать, я хотел бы узнать о ней больше. О выставке. *И о ней.*

— Сэм, — наконец-то ответила она на мой звонок.

— Приходи ко мне в офис в двенадцать, — тут же начал я, глядя поверх зданий в южном направлении. Интересно, где она сейчас, в галереи? Что на ней одето? Она подняла волосы или оставила распущенными? Мне нравилось, когда они поднимала волосы, оставляла несколько прядей свободно болтаться. Мне хотелось ее увидеть.

— Я занята, — произнесла она, но я услышал улыбку в ее голосе. Она не отметала мое предложение.

— Тогда освободи себя и приходи ко мне в кабинет в двенадцать. — Я хотел пригласить ее на ланч, но мог и отменить. — Я хочу, чтобы ты подумала об обеденном столе.

Мне хотелось ее трахнуть на чем-нибудь другом. Стол для столовой подойдет.

— Я не давала согласие на татуировку, — ответила она.

— Дашь, — парировал я. — Я жду тебя у себя ровно в двенадцать. — И повесил трубку.

У меня никогда не возникало проблем ухода от женщин, с которыми я

занимался сексом. Я понимал, что так будет лучше для них и для меня. Я не хотел создавать эмоциональные связи. Но с Грейс я не мог находиться долго вдали от нее. Если бы я сам не позвонил ей и не настоял, чтобы она стала моим консультантом, почему-то был уверен, что сама она звонить и связываться со мной не стала бы. Она бы сделала все, чтобы облегчить наше расставание.

Может, поэтому я гонялся за ней, как подросток-переросток.

Я погрузился в работу, пытаюсь сделать как можно больше, чтобы не возвращаться потом в офис, когда я отведу Грейс делать татуировку. А может я погрузился в работу, желая самому себе доказать, что могу провести хотя бы час, не думая о Грейс Астор.

В двенадцать пятнадцать мой палец завис над кнопками телефона. Может мне стоит позвонить и убедиться, что Грейс придет? Я поднял глаза на стук в дверь своего кабинета, появилась моя ассистентка, а за ней и Грейс. Я встал, приветствуя Грейс, но она даже не смотрела на меня. Она оглядывала мой офис, полностью мой офис, Розмари, все, кроме меня.

— Могу я предложить вам чашечку кофе или стакан воды? — спросила Розмари.

Грейс улыбнулась и отрицательно качнула головой, у нее выпала прядь волос, которую она тут же поправила.

— Нет, спасибо.

— Мне ничего не нужно, Розмари, — сказал я, давая понять, что она может покинуть мой кабинет.

Я обошел стол, подойдя к Грейс. Как мне лучше с ней поздороваться? Поцеловать в щеку? Может кивнуть? Но почему-то мои руки сами собой заскользили по ее спине, пока я подталкивал ее к большому столу, за которым обычно проводил совещания.

— Пожалуйста, присаживайся.

— Итак, я пришла, — произнесла она, подняв брови, опускаясь на стул и, наконец, посмотрев мне в глаза.

Я открыто встретился с ее взглядом.

— Спасибо, что пришла. — Неужели она не хотела прийти сюда, ко мне? Мне не хотелось, чтобы она думала, будто я на нее оказываю давление. Мне хотелось, чтобы она обрадовалась и была также рада видеть меня, как и я. Возможно, мне стоило больше сосредоточиться на деловых отношениях с ней. — Расскажи мне о выставке, о которой ты обмолвилась в последний раз.

Грейс выдержала паузу, прежде чем ответила:

— Это будущая звезда — известный художник.

Я уже знал, что у нее имеется склонность к восходящим художникам. Интересно, он тоже был ее бывшим парнем?

— Предполагаю, это будет его вторая выставка после выпуска из художественной школы. Первый раз, рассматривая его картины, он вызвал во мне чувства — обычные человеческие чувства, и мне показалось, что он может тебе понравиться. — Она пожала плечами, как будто говоря — что еще ты хочешь от меня услышать?

Я кивнул.

— Если ты думаешь, что он стоит моего потраченного времени.

— Тебе не обязательно идти со мной, — сказала она. — Я могла бы пойти одна, посмотреть, кое-что выяснить, сделать несколько фотографий на телефон и отправить тебе вместе со своим заключением. Честно говоря, я не слишком знакома с его работами. Мне нужно все как следует посмотреть, в конце концов, его работы могут оказаться полной катастрофой. Мне не хотелось бы тратить твое время. Я знаю, насколько ты занят.

Значит она не спала с ним? И выставка этого неизвестного художника для меня была просто поводом провести с ней время. Искусство здесь было вторичным.

— Я заеду за тобой.

Она нахмурилась.

— Тебе не стоит беспокоиться. Это не свидание или типа того. Я могу встретиться с тобой и там.

Да, не похоже, что это свидание или типа того. Последний раз я был на свидании, когда учился в школе, и не понимал тогда еще, что это свидание, пока не прибыл в кинотеатр, в котором был с Джессикой Уорнер. Я поцеловал ее, а почему бы и нет? До сих пор это было единственным свиданием, на котором я был.

Грейс сложила изящно руки на коленях, я видел в этом всю ее скрытую сексуальность. Если бы передо мной встал вопрос кого-то пригласить на свидание, это, однозначно, была бы Грейс.

— Я заеду за тобой, — повторно произнес я. — Мы можем вместе изучить его работы. Что ты думаешь насчет обеденного стола? — Спросил я, не готовый к тому, чтобы наша встреча так быстро закончилась.

— Возможно, — ответила она.

Я не понимал ход ее мыслей.

— Возможно?!

— Если она будет маленькой. И такая же красивая, как у тебя.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы я понял, о чем она говорила — о татуировке.

— Ты думаешь, что моя татуировка красивая?

— Ты не собирался делать красивую татушку, да? — Она ухмыльнулась мне.

— Если тебе она нравится, я согласен, — ответил я, и ее щеки зарделись.

— В Ист Вилладж есть одно место, отзывы о котором мне понравились, но ты должен пойти со мной. Я не буду делать тату в одиночестве.

Ее желание должно было меня напугать, что я обязан сопровождать ее в это место. Всю свою жизнь я старался быть решительно независимым, но почему-то мысль, что я ей нужен, чтобы поддержать, совершенно меня не пугала, как было ранее со всеми другими женщинами. Мне нравилась ее идея, но пришлось приложить усилия, чтобы мои губы не расплылись в победной улыбке.

— Она должна быть маленькой, — опять повторила она. — И мне нравятся слова. Главное, чтобы не было никакого Микки Мауса или чего-то подобного. — Быстро затараторила она, она всегда так делала, когда нервничала.

Честно, я не ожидал, что она согласится сделать тату. И сейчас, когда она высказывала свои условия я был совсем не уверен, что под моим давлением она приняла правильное решение. Я готов был купить ей все, что она захочет за татуировку и без татуировки. Потому что она мне нравилась такой, какая она была на самом деле. Ей не нужно было ничего добавлять к своему и без того прекрасному телу.

— Как насчет сегодня? Думаю, конечно, ты очень занят, я смогу подождать столько, сколько нужно. — Она убрала прядь волос за ухо. — А? — спросила она. — Ты занят?

— Всегда, — ответил я, отчего ее плечи сразу же поникли. От облегчения? Или разочарования? Я точно не мог сказать. — Но я босс, поэтому могу...

— Хорошо, — ответила она. — Тогда пойдем.

— Совсем не обязательно, — парировал я. — Я имею в виду, я просто предложил... немного перебрав. Я не мог предположить, что ты на самом деле...

— Тебе нужен обеденный стол, Сэм Шоу? — спросила она.

— Я куплю его, тебе из-за этого совсем не обязательно делать тату. Это была глупая идея. — Если она даже ни разу не задумалась об этом, тогда

кто я такой, чтобы поставить перед ней подобное условие, заставив пометить ее идеальную кожу?

— Сделка — есть сделка, — произнесла она, сжимая руки на коленях. — И мне кажется, что когда я начинаю рисковать — это окупается. — Она вздохнула, кивнув. — Так почему мы должны сейчас останавливаться?

Грейс провела пальцами по толстому синему каталогу дизайна тату, установленному у стены тату-салона.

— Есть идеи, что бы вы хотели? — спросил парень за стойкой. В салоне находилось только два человека. Один парень в четыреста фунтов весом с длинной седой бородой, похожий на пирата с серьгой в левом ухе. Он сидел в углу и что-то делал, в то время как молодой парень с хвостиком смотрел на Грейс такими глазами, словно впервые увидел богиню, случайно забредшую в его убогий салон.

Грейс повернулась и посмотрела на меня.

— Твой выбор, — сказала она.

Что? Она не могла предоставить мне право выбора — это большая ответственность.

— Не получится. Я не буду выбирать татуировку. Тебе придется с ней жить... — Я чуть не сказал «до конца жизни», но мне не хотелось так просто бросаться такими словами. Я знал, что все мы не вечны. Мои родители имели татуировки? Я не видел. Теперь я уже не узнаю. У меня сдавило грудь от воспоминаний. Мне не нравилось вспоминать о них, о том, что жизнь может оборваться совершенно неожиданно в любой момент. Господи, зачем я только вспомнил! — Она на долгое время, почти навсегда, Грейс. Лучше нам уйти отсюда.

Она взяла меня за запястье, оторвав мою руку от головы, когда я проводил по волосам.

— Я никогда не делаю то, что мне не хочется. Прошу тебя, Сэм. — И ее слова, а также ее прикосновение каким-то образом успокоили меня. — Выбери что-нибудь. — Неужели она не понимает, что просит от меня слишком многого? Я прекрасно мог представить, как Энджи могла меня просить об этом, но не она. Так скорее всего общаются друг с другом супруги, но я почти не знал Грейс, и у нас даже не было отношений. Настоящих отношений.

Она опустила в фиолетовое стоящее кресло, не отводя от меня глаз.

— Давай, решайся. Мы не можем потратить весь день. Мы должны еще купить мебель для столовой. Выбери то, что будет хорошо смотреться на тебе. — Она улыбнулась, и улыбка осветила ее лицо. И, если честно, ради

ее улыбки я бы сделал все, о чем бы она меня не попросила.

Я покачал головой, притворяясь, что раздражен. Я готов был выбрать, потому что она попросила меня, а не потому что я хотел. Возможно, я готов был пойти на это, потому что хотел быть кем-то для нее, кем-то более близким.

— Хорошо, давай, Принцесса, я что-нибудь придумаю.

Одна из папок на деревянном столе, лежащая дальше всех, была открыта, и я начал пролистывать ее. Что это может быть? Цитата об искусстве? Она сказала, что я должен выбрать то, что мне нравится. Она настолько мне доверяла?

Я оглянулся на нее через плечо, она посмотрела на меня, я на нее. Мне хотелось подойти и обнять ее, поцеловать, заключить в свои объятия.

Я вдохнул. Я понял, какой должна быть ее татуировка.

Понизив голос, чтобы она не слышала, я объяснил тату-мастеру, что я хочу. Всего два слова, написанные курсивом. На ее нанесение не уйдет много времени, и она не будет большой, поэтому не испортит ее потрясающую кожу.

— Ты хочешь, чтобы твоя татуировка была там же, где и моя? — Спросил я. Она кивнула и повернулась боком, подняв блузку, обнажая ребра. Ее алебастровая кожа была безупречной. Ее явно не стоило портить.

— Уверена, что хочешь ее сделать? — В который раз спросил я. — Я еще раз повторяю, что согласен купить все, чтобы ты скажешь.

— Хочу сделать.

Я уперся в подлокотники ее кресла.

— Могу я все же рискнуть и отговорить тебя? — Мне не хотелось, чтобы она делала тату ради меня. Или потому что я ее попросил, словно это была своего рода сделка.

— Нет, — ответила она. — Это мое решение.

— А что будет, если я попрошу наколоть гигантскую какашку тебе на ребра?

Я ждал, что она рассмеется, но она всего лишь посмотрела на меня и сказала:

— Я доверяю тебе.

И у меня ухнуло сердце. Она так легко доверилась мне... слишком легко.

Жужжание машинки для тату прервал мой внутренний конфликт.

— Ты готова? — поинтересовался я.

Она глубоко вздохнула и утвердительно кивнула. Под столь хрупкой внешностью скрывалась сильная женщина со стальным стержнем.

Татуировщик возвышался над ней, а я сидел справа от него у ее головы.

Я наклонился и взял ее руки в свои.

— Сожми их крепче.

Как только ручка коснулась ее кожи, она сморщила нос, закрыв глаза, но не издала ни звука. Чтобы сделать татуировку, которую я выбрал, не потребуется много времени.

— Грейс, — позвал я. — Посмотри на меня. — Я хотел, чтобы она видела мою уверенность.

Наши глаза соединились, и связь между нами только усиливалась с каждым мгновением. Я старался, чтобы она не заикливалась на боли, чтобы она доверилась мне.

— Вот и все, — сказал мастер, выключив машину через несколько минут. — Готово.

Грейс ухмыльнулась.

— Не могу поверить, что у меня теперь есть татуировка.

Я сам не мог в это поверить. Она не издала ни звука, даже не пискнула ни разу, хотя было больно. Сильная — как сталь.

— Как она выглядит? — спросила она.

Я встал и наклонился над ней, кожа слегка покраснела вокруг, но выглядело все очень красиво. Мне захотелось провести пальцами по тату. Она так ей подходила. Каждое написанное слово несло собой для меня определенное значение. Текст был маленьким, аккуратным и красивым, как я и просил.

— Хочешь посмотреть? — поинтересовался я. — Я могу заснять на телефон.

Я достал телефон, сделал снимок татуировки, а затем отступил на шаг и щелкнул ее лицо. Она выглядела так великолепно, что я не мог устоять.

— Эй, — позвала она. — Дай мне посмотреть.

Я вывел фото ее татуировки на экран и протянул свой телефон.

Она провела пальцами по словам на экране, прошептав:

— «Абсолютное блаженство». — Взглянув на меня, сказала:

— Прекрасно, Сэм. Откуда они?

— Я закончил, — сказал татуировщик, накрыв блузкой ее татуировку. Грейс села, и я протянул ему несколько купюр.

— Нет, Сэм. Я заплачу. — У нее был такой же взгляд, как у Энджи, когда я предложил заплатить за ЭКО.

— Нет, Ты не будешь ничего платить. Я уговорил тебя сделать татуировку, и мне пришлось выбирать дизайн, поэтому плачу я.

Я отдал деньги, и через пару минут мы вышли на улицу.

— Спасибо, — произнесла она.

— Мне было очень приятно. — Мне, действительно, понравилось, что я потратил на нее деньги.

— Абсолютное блаженство? — улыбаясь спросила она. — Что это значит? Ты не сказал мне. — Она посмотрела на меня, пока мы двинулись в северном направлении.

Я засунул руки в карманы. Эти слова настолько ей подходили, словно были предназначены специально для нее.

— Они из одной книги.

— Ты заядлый читатель, — добавила она. — Это та же книга, откуда ты взял и свою цитату? — спросила она.

Я кивнул.

— Да. Из того же абзаца, даже. Ты сказала, чтобы я выбрал и цитата была как у меня. — И произнеся эти слова, я вдруг понял, что наши две татуировки связали нас навсегда, хотя я потратил много усилий, чтобы ни с кем не иметь никакой связи. Но теперь у нее на теле всегда будет то, что *выбрал я*. Я провел рукой по волосам. Возможно, мне следовало выбрать что-то не такое важное для меня.

— Мне нравится, — ответила она. Она казалась искренне довольной. И ее реакция была реакцией совсем не Принцессы. И возможно быть связанным с ней, было не так уж плохо.

Мы шли молча, вокруг нас гремел и грохотал, жужжа город, пока мы шли вперед, я понятия не имел, куда именно.

— Ты не хочешь мне сказать, что это за книга? — наконец, спросила она.

— «Граф Монте-Кристо», — ответил я. Но мне не хотелось рассказывать ей, что эта книга, вернее ее история, помогала мне выжить у приемных родителей. И что она давала мне проблеск надежды, что, в конце концов, все станет лучше.

И словно поняв, что я не могу ей ничего рассказать, она не настаивала.

— Когда-нибудь ты расскажешь мне больше, — произнесла она.

Я не мог точно сказать, был ли это вопрос или просто констатация факта, но взглянул на нее и кивнул.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал я Грейс, пока она запирала входную дверь в галерею, а я поджидал рядом.

Сегодня утром я с особой тщательностью выбирал костюм. И я предпринял очередные шаги, чтобы успеть вовремя забрать Грейс. Я знал,

что поход сегодня вечером на выставку был для нее своего рода работой, но для меня сегодняшний вечер был хорошим времяпровождением с ней. Так вот значит, что означают свидания?

— Спасибо, Сэм Шоу. — Она бросила взгляд из-под ресниц, и ее щеки слегка покраснели, и мне захотелось протянуть руку, чтобы ощутить ее тепло. — Мы пойдем пешком. Это всего лишь в квартале отсюда.

Я засунул руки в карманы, чтобы не тянуться к ней, как только мы пошли вперед по улице.

— Как твоя татуировка? — спросил я.

— Хорошо, на самом деле, хорошо. Покраснение прошло. Ее вообще не видно, если только присмотреться, такое впечатление, будто слова открываются тебе. Сначала видна только вязь, а затем, прочитав, понимаешь смысл.

Боже, мне очень понравилось, как она рассматривала слова своего тату. И она сама мне нравилась все больше и больше.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? — спросила она, радостно улыбаясь. Каждый раз, когда она улыбалась, мне приходилось сопротивляться своему желанию, чтобы ее не поцеловать.

Я кивнул, но промолчал. Мне хотелось ее слушать, таким образом, я больше ее узнавал бы.

— Я читаю твою книгу. Надеюсь, ты не возражаешь? — спросила она, смотря прямо перед собой. Улица была заполнена людьми, идущими к метро, но мы, словно находились в своем вакууме, таком спокойном и мирном, весь шум был где-то в стороне.

— *Мою книгу?*

— «Граф Монте-Кристо».

— О. — Я сглотнул. Разве она не читала ее в детстве? — Это не моя книга, Принцесса. Я не имею на нее прав.

— Возможно, но на самом деле, это не так. А может и так.

Возможно? Я до конца не улавливал ход ее мыслей. Миллионы людей прочли эту книгу, я не был ее монополистом.

— Я никогда не читала ее раньше, — пояснила она. — Я знала сюжет — молодой человек, ложно обвиненный в преступлении, которого не совершал, пытается выжить и спастись. — Она сжала мою руку. — Теперь я понимаю, почему она тебе нравится.

Прежде чем я успел спросить ее, что конкретно она имела в виду, мы пришли.

— Вот мы и пришли. — Она кивнула на группу людей, стоящих у входа. — Если тебе не понравится, мы можем уйти. Просто дай мне знать.

Помещение было заполнено под завязку, и многие были разодеты в пух и прах. Возможно, я просто привык к строгим костюмам. Люди хватали предлагаемые коктейли в стеклянных бутылках, оживленно разговаривали и периодически посматривали на стены. Приглашенные по своему возрасту были намного моложе, чем на аукционе, хотя оправы очков и усы были такими же. Публика совсем не походила на публику аукциона, где пахло «старыми деньгами».

— Огромная толпа, а? — Грейс взглянула на меня, когда мы направились вглубь галереи. Я обнял ее за талию, чтобы она была поближе ко мне.

— Думаю, парень популярен, — ответил я.

— Да. Однако покупателей мало. Организатор не проконтролировал список гостей, но для нас это может быть и лучше. Значит на многих картинах не появятся красные постеры, что они проданы.

— Для продажи разве хорошо, когда мало людей?

— Да, если они, действительно, приходят, чтобы купить, а не воспользоваться бесплатным баром.

— Что ты думаешь? — Она развернулась на триста шестьдесят градусов и столкнулась со мной. — Что подсказывает тебе твое чутье.

Я оглядел комнату. Все картины были написаны в одной манере. В них сквозило что-то мужское, но они выглядели так будто их взяли из «Пришельцев» или «Матрицы», в них было много черного, темно-зеленых и темно-синих тонов. Я пытался выбрать одну, но все они казались довольно похожими. И ничем не напоминали вкус Грейс.

— Тебе они нравятся? — Мне не хотелось ей говорить, что они походили на случайно разодетого в новую одежду императора. Неужели, чтобы нарисовать нечто похожее, требуется много труда? Уверен, что я мог бы изобразить тоже самое если бы у меня оказался хост и краски под рукой, и думаю моя мазня не слишком бы отличалась от присутствующей.

— Давай посмотрим поближе, — предложила она вместо ответа. Мы направились к одной из маленьких картин, вокруг которой толпилось не так много народа. Она пристально разглядывала полотно, вытянув шею, затем отступала назад, поворачивая голову в одну, а потом в другую сторону. Может она представляет, как эта картина будет смотреться у меня на стене в квартире? Мне тоже, конечно, следовало смотреть на картину, но я не мог полностью сосредоточиться на ней, потому что не мог отвести глаз от Грейс, наблюдая за каждым ее движением, настолько изящным, настолько красивым, словно она позировала перед фотографом.

— Я ничего не чувствую, — сказала она, прижимая руку к животу. —

Наверное, я должна что-то чувствовать, но почему-то ничего. А ты?

Что я должен был чувствовать?

— Я не думаю, что ты должна, — честно ответил я.

— Послушай, когда ты увидел Лотрека? Что ты почувствовал? — спросила она.

Я пытался вспомнить.

— Мне показалось, что его картина яркая и чистая... простая. Картина не пыталась передать какую-то помпезность, потому что в ней ее не было.

Она рассмеялась, и я прочистил горло, желая скрыть свое смущение.

— Нет, — сказала она, хватая меня за руку двумя руками. — На самом деле, очень хорошо. Я смеюсь, потому что ты говоришь именно то, чего нет в этих картинах. И я согласна с тобой. — Она сжала мою руку и блеск в ее глазах успокоил меня. — Но даже если нашим мнения не совпадут, ты можешь все равно любить то, что тебе нравится. Никогда не позволяй себя осуждать в этом. Выбирай то, что тебе ближе.

Я взял ее за руку, желая поближе держать рядом с собой.

— Но раз уж мы пришли сюда, давай посмотрим те, — предложила она, махнув в сторону толпы с другой стороны комнаты.

Мы пробирались к тем картинам.

Я уже начал подумывать, что было бы неплохо, если бы сегодня вечером у нас состоялось свидание.

— Официально этот художник довольно талантлив, — прошептала она. — Но я не уверена, что этого достаточно, если мы с тобой ничего не чувствуем.

— Он талантлив? — Честно говоря, я был в этом совсем не уверен, откуда она узнала, что он талантлив. Я все еще был вполне уверен, что смогу сам нарисовать такие же картины, причем всего за пару часов.

— Как он кладет цвет и использует иллюзию тени и света. Видишь вот здесь? — Она указала на верхний правый угол холста, на котором было несколько всплесков желтой краски. — Это многообещающе, своего рода дань уважения Ротко и Тернеру. Но это слишком правильно — нет страсти. *(Джозефа Мэллорда Уильяма Тёрнера (Joseph Mallord William Turner) и Марка Ротко. Тёрнер — горячо любимый многими британцами пейзажист — родился в 1775 году в лондонском районе Ковент-Гарден и в возрасте всего 14 лет поступил в Королевскую академию искусств, а вскоре стал ее членом. Созданные им живописные пейзажи и акварели были по-настоящему новаторскими для того времени, и многие специалисты называют его предтечей французских импрессионистов.*

Марк Ротко (настоящее имя — Маркус Роткович) родился в 1903 году в Двинске, в России (ныне Даугавпилс, Латвия). В 1913 году вместе с семьей переехал в США и впоследствии стал одним из признанных американских послевоенных художников. Он известен своими абстрактными медитативными картинами больших форматов, состоящими из прямоугольных цветовых полей. — прим. пер.)

Мне понравилось, что она не любит художников, в которых не хватает страсти. В ней было столько страсти, что картины и художники, которых она предлагала купить должны были, по крайней мере, ей соответствовать.

— Может нам стоит уйти? — спросил я, отчаянно желая выбраться отсюда, остаться с ней наедине.

— Прости, — вздрогнув произнесла она.

Я сжал ей руку.

— Нет причин извиняться. — Я стал пробираться на выход.

— Мне следовало сначала посмотреть все самой, прежде чем приводить тебя.

На сердце стало тяжело. Я все время забывал, что для нее это была работа. Мы вышли на свежий осенний воздух, но я не стал отпускать ее руку, пока мы шли к Седьмой Авеню. Своим прикосновением, я хотел дать ей понять, что мы были не просто клиент и арт-консультант.

— Я с удовольствием побывал здесь, — произнес я. Мне хотелось от нее услышать, что ей тоже понравилось вместе со мной посетить эту выставку. Неужели для нее это всего лишь работа?

— Мы пробыли там двадцать минут. Тебе, вероятно, пришлось пораньше уйти из офиса...

— Грейс, я с радостью приехал сюда. На самом деле, я тут подумал, может мне еще нужна какая-то мебель в квартиру. — Я обнаружил, что сегодня наслаждаюсь ее компанией. И картины для меня были не важны. И мне захотелось найти причину, чтобы опять увидеть ее в среду, чтобы дать ей понять, что речь между нами идет не только о работе.

— Мне кажется, что большинство магазинов уже закрыты, — произнесла она.

Я провел пальцем по ее руке.

— Не сегодня, но, если я скажу тебе, что ты можешь купить все, что захочешь ко мне домой... — Я выдержал паузу, собираясь с духом, чтобы совершить последний шаг с обрыва. — Не хочешь пойти со мной на свидание?

— Свидание? — спросила она. Всегда отвечает вопросом на вопрос.

— Да, — ответил я. — На свидание.

— Мне казалось, что после секса будет «ничего»? — произнесла она. Мне хотелось, чтобы она подняла этот вопрос. Хотелось, чтобы она почувствовала мою тягу к ней. Каждое движение, которое она совершала для меня было совершенно завораживающим, то, как она с такой страстью рассказывала об искусстве, настолько убедительно, что мне хотелось ее слушать весь день. Несмотря на то, что всю свою взрослую жизнь я избегал отношений, каким-то образом Грейс оказалась на моем радаре, и теперь я чувствовал, как будто находился на улице с односторонним движением и у меня не было выбора, кроме как идти вперед, дальше и дальше, проводив с ней все больше времени.

— Что я могу сказать? Я нарушаю свои правила. — Я попытался изобразить улыбку и радость, но низкий гул у меня в животе сообщил, что ничего светлого и радостно в этой улице с односторонним движением не было.

— Ну, мне казалось, что я должна помогать тебе... дерьмо. — Что-то привлекло ее внимание в витрине магазина. Она остановилась и направилась к витрине. Выдернув свою руку из моей, положив обе ладони на стекло. — Я не могу поверить, что они выставили ее на продажу.

— Что это такое?

— Моя картина. Они выставили на продажу мою картину, — сказала она, глядя в потемневший магазин, упадническим голосом.

— Она была в твоей галерее? — Спросил я. Она отошла назад, подняв глаза на вывеску, чтобы прочитать название магазина.

— Это Ренуар. Разве это не самая красивая вещь, которую ты когда-либо видел? — спросила она, потрясенно стоя у витрины. Я подошел поближе. — Посмотри на ее лицо. — На картине была изображена молодая девчушка, выглядывающая из-за материнской юбки, с волосами, завязанными красной лентой. Она смотрела прямо на нас.

— Очень красиво, — ответил я, именно так я и думал. Эта картина немного напомнила мне женщину, писавшую письмо... Ла Туша, которую я купил у Грейс. В этой картине присутствовала та же загадка. Но Грейс была расстроена, увидев эту картину. Я не привык, чтобы люди вокруг меня проявляли своим эмоции. — Ты думаешь, что мне следует ее купить? — спросил я.

Она не ответила.

— Пошли отсюда. — Она отвернулась и направилась вперед по улице.

— Грейс, — позвал я, догнав ее. — Поговори со мной.

— Я не хочу говорить об этом. — Вздохнула она. — Это картина принадлежала мне... долгое время. Теперь она не моя. Я сделала то, что

было необходимо в тот момент, а теперь мне нужно уйти. — Она ускорилась, опустив голову, глядя под ноги.

— Эй, — окликнул я, схватив ее за локоть.

— Нет. С меня хватит всех этих разговоров. Я хочу вернуться домой.

Она словно двинула кулаком мне в живот. Мне хотелось продолжить с ней вечер. Я не был готов отпустить ее.

Она резко подняла руку, останавливая мимо проезжающее такси, которое тут же завизжав тормозами остановилось.

— Прости, но мне нужно уехать.

Я засунул руки в карманы, она закрыла за собой дверь, оставив меня стоять на тротуаре.

Впервые за очень долгое время я захотел отношений, чего-то большего от женщины, и вот я стоял одинокий на тротуаре, освещенный задними фарами такси, в котором сидела Грейс Астор. Она не только не дала согласие встречаться со мной, но и убежала через несколько минут, как я ей это предложил. Я оглянулся на картину, которая ее так расстроила. Мне захотелось что-то предпринять, чтобы она больше не расстраивалась.

12.

Грейс

Сэм был человеком слова и бизнесменом во всем. Поэтому я была здесь, рядом с ним в лимузине в субботний вечер, отправляясь на наше свидание. А было ли это, на самом деле, свидание? Или мы должны были купить ему мебель? Я уже запуталась, если честно.

— Я собираюсь обставить всю твою квартиру. Ты ведь понимаешь это, да? — Спросила я. — Кабинет, спальню, ванную, купить ковры, светильники, все.

— Все, что хочешь, чтобы ты почувствовала себя лучше, согласившись на это свидание, — ответил он и сжал мою руку.

— Это была сделка, — сказала я, ухмыляясь. — Ты не можешь забрать своим слова назад.

— Я не такой. Но ты сказала, что не делаешь того, чего не хочешь. Поэтому могу с уверенностью сказать, что тебе хочется находиться здесь со мной, так же, как ты захотела сделать татуировку.

Он был прав, но я не собиралась в этом ему признаваться.

— Думай, как хочешь, чтобы удовлетворить свое эго, мистер Шоу.

Сэм совершенно спокойно относился к моим поддразниваниям, как и обычно. Несмотря на то, что мой разум говорил мне не соглашаться

двинуться вперед, к чему-то большему с Сэмом Шоу... обычному свиданию, я моментально согласилась, как только он появился на пороге моего дома в Бруклине с водителем, я так обрадовалась. Он пытался произвести на меня впечатление, и это было мило с его стороны.

Машина замедлилась и остановилась в паре кварталов от его дома. Я надеялась, что он не поведет меня к себе перепихнуться, не то, чтобы я не стала бы заниматься с ним сексом, но, если честно, я была не прочь сначала поужинать.

— Ты собираешься прогуляться со мной пешком? — Спросила я, когда он открыл дверь и помог мне выйти из машины.

— Мы прибыли, — ответил он, указывая на здание перед нами. — Если ты устанешь ходить на своих каблуках, я могу понести тебя на закорках.

Здание перед нами ничем не напоминало ресторан. Там было темно, и я не видела внутри никого. Мы находились на довольно пустынной улице. Я огляделась вокруг. Где именно мы находились? Я еще раз посмотрела на огромный особняк перед собой. Разве это не одно из моих самых любимых мест в мире? Я не видела его в темное время суток. Здесь хранилась самая красивая коллекция произведений искусств. Я всегда мечтала, как буду ужинать здесь, готовая разделить время с Тедди Рузвельтом и Эдит Уортон, как будто я не обычный посетитель, а гость в этом огромном доме.

— Думаю, ты была здесь миллион раз, но я задался вопросом, не хочешь ли ты посетить этот особняк вместе со мной? — спросил Сэм, взяв меня за руку, и повел вперед.

Я думала, что мы отправимся ужинать в какой-нибудь модный ресторан. Экскурсия по этому особняку была намного лучше, но черные шпильки, которые я надела к синей кожаной юбке и шелковой блузе, на самом деле, не были предназначены для прогулок. Но Сэм в очередной раз удивил меня.

— Эти туфли — что-то с чем-то, — произнес он.

Я посмотрела на него, он смотрел на мои ноги.

— Что-то с чем-то? — улыбаясь, переспросила я.

Наши глаза встретились.

— Да, тебе следует держать перед собой знак, предупреждающий водителей об опасности, — прошептал он мне на ухо.

Мне хотелось, чтобы он поцеловал меня, но если он меня поцелует, мы уже не сможем остановиться и никуда не пойдем.

Мы вошли внутрь, нас встретил мужчина с поднос в руках, с двумя бокалами шампанского. Сэм взял оба и один передал мне.

— За прекрасный вечер.

— Сэм, — произнесла я, сделав глоток, — с твоей стороны — это очень мило привести меня сюда, спасибо. Но я немного не понимаю. Это официальный прием или что? — Спросила я, переступая с ноги на ногу.

— Можешь называть, как хочешь, — ответил он. — Я просто подумал, что ты могла бы сначала показать мне свои любимые картины, а потом мы поужинаем в столовой.

— В столовой? — Он же не имел ввиду *столовую Фрика*. Может, он имел в виду какой-нибудь ресторан поблизости? (*Беспощадный сталелитейный магнат Генри Клей Фрик (1849–1919) обладал прекрасным вкусом и собрал за свою жизнь небольшую, но безупречную коллекцию живописи, которая и выставлена в его пышном особняке на Пятой авеню. Здесь есть Тициан и Гольбейн, Вермеер и Ван Эйк, Тернер и Уистлер, Эль Греко и Гойя — и все это в дюжине комнат, которые можно обойти всего за один час. — прим. пер.*)

— Да, меня попросили выбрать комнату, но поскольку я понятия не имел, в какой бы ты хотела поужинать, то ограничился обычным выбором.

— Мы будем ужинать в столовой среди Гейнсборо и Хоппнера? — Я даже не могла в это поверить. Эта комната была моей самой любимой во всем особняке.

— Честно говоря, я не могу перечислить тебе художников в столовой. Могу лишь сказать, что там висит много картин. Я подумал, тебе понравится.

— Понравится? — переспросила я, глядя на него во все глаза, он нахмурился. — Я в восторге от этого, об этом я могла только мечтать. — И у него на щеках появился слабый румянец, я взяла его за руку. — С чего начнем?

Он привел меня в *Garden Court*. Здесь на удивление не было ни одного человека. Изогнутая стеклянная крыша, которая обычно впускала солнце, была темной, но фонтан посреди двора все еще посылал брызги на пальмы, росшие вокруг, несмотря на ночное время. Неужели мы здесь одни?

— Сэм Шоу, такое впечатление, что мы здесь одни, — прошептала я, наши шаги по каменной дорожке эхом разносились вокруг.

— Обычно это место закрыто для посещений в субботу вечером. Я подумал, что было бы неплохо походить здесь одним, только ты и я.

Никто никогда за всю мою жизнь ничего подобного для меня не делал. Ладно, честно говоря, никто, с кем я встречалась в художественной школе, просто не имел денег на такие сюрпризы, но главное не это делало сегодняшний вечер нечто особенным. Сэм все организовал, потому что

думал обо мне, и от этого я была счастлива. Он все продумал, пытаясь сделать наше свидание нечто особенным, заставляло меня чувствовать себя, на самом деле, особенной. Меня пробрала дрожь.

— Ты так поступаешь всегда? С такой роскошью поражаешь женщин, чтобы потом залезть им в трусики?

Он провел по волосам.

— Я тебя поразил?

Мне не хотелось признаваться, не хотелось, хотя это было настолько очевидно, я не привыкла к мужчинам, обращающимся со мной, как будто я для них особенная, потому что, если я признаюсь ему в этом, он может перестать меня поражать и относиться ко мне подобным образом, а мне бы этого не хотелось.

— Да. Немного.

Уголки его губ начали подниматься вверх, и он кивнул.

— На самом деле, очень сильно поразил, — призналась я.

— Хорошо.

— Я хочу снять туфли, если ты не возражаешь, — спросила я, когда мы вошли в небольшую Oval Room без окон в конце Garden Court.

— Делай все, чтобы чувствовать себя комфортно. Если ты захочешь снять юбку и пройти здесь голой, я тоже не буду возражать.

Я засмеялась.

— Обнаженная у Фрика? Нет, только не с этими картинами, которые словно смотрят на тебя со стороны, — произнесла я, махнув рукой на портреты, висевшие в комнате. — Мы можем проделать это, когда поедem в Гуггенхайм.

Сэм засмеялся. Почему я раньше не замечала морщинок в уголках его глаз, когда он смеялся? Возможно, потому что я не часто видела его смеющимся. Но улыбка ему шла. Я даже представляла Сэма ребенком, играющего и кувыркающегося со своими друзьями на заднем дворе, молодым и беззаботным. Когда же он стал таким серьезным и напряженным?

Мы переходили из комнаты в комнату, останавливаясь у картин. Иногда я говорила ему, что мне нравится в этой картине. Сэм, мне так казалось, с радостью меня слушал, беря за руку время от времени.

— Это Дега? — поинтересовался он, кивнув на картину с балеринами. — Ты сказала, что он любил рисовать танцовщиц.

Я испытала настоящую гордость. Оказывается, он внимательно слушал меня и ему было интересно, что я рассказывала.

— Да. Дега. Это очень типично для его работ.

Сэм наклонился вперед, чтобы прочитать название на табличке.

— «Репетиция».

— Дега любил рисовать реальную жизнь, а не позирующих моделей, он следовал этой теме во всем своем творчестве. — Сэм молчал, разглядывая картину. — Почти половина его работ изображает танцовщиц, они очень хорошо продавались.

Он выпрямился и повернулся ко мне.

— Аххх, он был своего рода бизнесменом в своем искусстве. Как ты к этому относишься, Грейс Астор? Тебе не нравятся ведь люди, которые хотели просто зарабатывать на своем искусстве.

Я засмеялась. Это был настоящий и честный вызов.

— Думаю в случае с Дега, это было сочетание разума и сердца. По крайней мере, мне нравится так думать.

Мы вошли в West Gallery.

— Это моя любимая, — произнесла я, стоя вместе с Сэмом перед картиной Тернера «Гавань в Дьеппе». — Как он нарисовал поверхность воды, словно похожей на стекло. — Я покачала головой. — Меня это каждый раз восхищает.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил он, у него на лбу появились морщины, пока он рассматривал холст.

— Посмотри, где солнце светится в воде. Ты не должен так скрупулезно разглядывать все детали картины. Просто смотри на всю картину в целом...

— О, вау, да, — ответил он. — Я вижу. Свет. Это прекрасно.

Его радость была настолько настоящей, и увидев, что она ему понравилась также, как и мне, я тоже испытала настоящую радость.

— Некоторые критиковали его за не реалистичность, потому что в его картинах очень красивый свет, — пояснила я.

— Люди всегда находят, что покритиковать.

Мужчина при входе, который предлагал нам шампанское, прервал нас:

— Сэр, ужин готов, когда вы хотите, чтобы он был подан?

— Ты проголодалась? — спросил Сэм.

— Конечно, — ответила я, хотя, честно говоря, я совсем не проголодалась. Я чувствовала себя настолько наполненной жизнью и счастьем. Сейчас. С Сэмом.

— Эти картины настолько романтические, — произнесла я, входя в столовую. — Можешь себе представить, каково было носить такие наряды в Великобритании восемнадцатого века?

Сэм оглянулся на портреты богатых британских землевладельцев и их

жен.

— Разве сейчас не одеваются похожим образом в Англии? — спросил он, помогая мне сесть и занимая свое место за обеденным столом в середине комнаты, накрытым на две персоны. — Мне кажется это у тебя в крови.

Я засмеялась.

— Всякий раз, когда я навещаю нашу семью в Англии обязательно беру с собой шелковую мантию и напoмаженные парики.

— Когда вы переехали в Штаты? — спросил он, два официанта наполнили бокал для воды и вина.

— Мы переехали в Нью-Йорк, когда мне было пять. Я мало что помню об Англии, но ругаюсь на британский манер, и то только лишь потому, что мой отец в этом очень хорош. А где вырос ты?

Улыбка Сэма исчезла, и его лицо помрачнело.

— В Джерси.

— Твои родители все еще живут там? — поинтересовалась я.

Возникла тишина, словно он раздумывал об ответе на такой обычный вопрос.

— Нет. Они погибли, когда мне было двенадцать. У меня никого нет.

Как будто меня ударили в живот. Миллион слов пронеслись у меня в голове, прежде чем я смогла подобрать хоть одно. Я так хотела сказать что-то правильное. В конце концов, я произнесла:

— Боже, прости, — и протянула руку через стол, чтобы пожать его, но он успел одернуть.

— Это было уже давно, — ответил он, положив салфетку на колени.

— Ты росла в моем доме? — спросил он, меняя тему разговора. Мне хотелось, чтобы он понял, что я сожалею о его потере, мне хотелось его как-то подбодрить. Несмотря на свое отстраненное и решительно выражение лица, Сэм был добрым и щедрым человеком, который заслуживал только хорошего в своей жизни.

— Сэм, твои родители...

Он прочистил горло.

— Я не хочу говорить об этом. Давай наслаждаться ужином. Я подумал, что если я буду смотреть на тебя весь вечер, то перед тобой тоже будет что-то красивое. — Его слова вернули меня к нашему свиданию.

— Ты очень симпатичный. На мой взгляд не так уж плох, даже без всех этих картин.

Сэм улыбнулся, мальчишеской улыбкой.

— Ты однозначно хочешь меня.

Я хихикнула.

— Ты однозначно хочешь *меня*.

Он пожал плечами.

— Конечно.

Принесли блюда, и мы замолчали, пока снова не оказались одни. Мы с удовольствием смотрели друг на друга, не отводя взгляд, как будто боялись, что если кто-то из нас отвернется, другой исчезнет.

Я не хотела портить сегодняшний вечер, заставляя его говорить о своем прошлом. Казалось, каждая встреча с ним открывала мне в нем что-то более глубокое, более человеческое, более... чувственное. Сейчас я ужинала не с каким-то богатым испорченным парнем, нет, Сэм Шоу, видно, много знал о потере и преодолел эту трагедию. Похоже, ему все далось не легко в этой жизни.

И мне захотелось узнать все, о чем он думает, все до последней мысли.

13.

Сэм

Мы подъехали к дому Грейс, и как только я отпустил ее руку, то почувствовал, что потерял ее тепло, когда мы вышли из машины.

— Позволь, я помогу тебе выйти, — сказал я, быстро выходя и обогнув позади машину, открыл дверь, снова встретившись с ней взглядом. Она улыбалась мне. Черт возьми, ее улыбка!

— Тебе не стоило беспокоиться, — произнесла она, но что-то в ее улыбке подсказывало мне, что ей понравилось, что я открыл дверь и помог ей выйти.

Мы направились к ее квартире, тем самым продлевая каждый момент нашего прекрасного вечера.

Я не мог поверить, что у меня не возникло такой мысли раньше — пригласить ее на свидание. Я почти пропустил свой лучший вечер в жизни.

Грейс левой рукой вставила ключ в замок, хотя я знал, что она правша, но, видно, ей не хотелось отпускать мою руку. И вот сейчас, наверное, наши дорожки разойдутся.

Она вошла внутрь и оглянулась, когда я не последовал за ней.

— Думаю, мне пора. — У меня было достаточно причин, из-за которых не стоило переступать порог ее квартиры. Во-первых, я не хотел, чтобы она подумала, что устроил сегодняшний вечер, чтобы потом заняться с ней сексом. Мне нравилась эта девушка, мне нравилось с ней разговаривать и проводить время, а не только спать. Но я желал от нее

большого. Мне захотелось ее чем-то поразить, впечатлить. Мне захотелось, чтобы я ей тоже понравился.

И это меня пугало.

Я, фактически, забрел на совершенно незнакомую территорию, не зная, как на ней действовать.

— О. — Улыбка в ее глазах померкла. — Я понимаю, — произнесла она без эмоционально. Она не поняла моего отказа. Я хотел остаться, и я не собирался отказываться от нее.

— Мне кажется, что так будет лучше. — Объяснил я, пытаюсь дать ей понять, что мне не хотелось бы испортить этот вечер, зайдя внутрь, потому что до конца я не знал, что будет *потом*? У меня не было опыта в этом вопросе, и я не мог точно сказать, что нас ждет.

Она опустила глаза в пол. Я заставил ее расстроиться, и возненавидел эту мысль.

— Ты хочешь, чтобы я вошел? — Спросил я. Она уверена? Может она знает то, чего не знаю я, того, как там все дальше?

— Нет, если ты не хочешь.

Господи. Конечно же я хотел.

— Я все понимаю и все нормально.

— Я, на самом деле, очень хочу войти, — ответил я, проведя пальцем по ее подбородку и приподняв, чтобы увидеть ее прекрасные голубые глаза. Она, сдвинув брови, смотрела на меня. — Но не знаю, как должен себя вести. — Разве я не знаю, что будет дальше, и разве я не хочу этого? Разве я не хочу получить от нее больше?

Я только знал, что желание может привести к полному разочарованию.

— Ты не знаешь, как себя вести в данной ситуации? — спросила она.

Я пожал плечами и убрал руку с ее лица. Невольно, я открыл ей часть себя, ту часть, которую никто никогда не видел. И был не уверен, что способен дать ей что-то еще. Я был на полпути марафона без тренировки. Мои мышцы ослабли от такой дистанции, а в легких не было воздуха.

Она могла сказать какую-то колкость на мое замечание, выдав мне очередное дерьмо. Но она этого не сделала. Мне показалось, что она поняла, о чем я говорил.

— Я тоже. Давай узнаем вместе, — только и сказала она.

Она повернулась и вошла внутрь, и словно она была моим кислородом, я последовал за ней. Я больше ничего не мог поделать.

— Грейс, — позвал я.

— Иди сюда. — Я последовал на ее голос, ботинки утонули в толстом ковре в ее коридоре. Квартира выглядела такой же утонченной, как и она

сама. Современные люстры свисали с потолков. Стены в серых и серебряных тонах, стиль полов и мебели сочетался таким образом, что создавал целостную картину, дорогую картину, к которой явно приложили руку со вкусом. Эта квартира совершенно не напоминала квартиру обычного двадцатилетнего жителя Бруклина. Можно Принцессу с Парк Авеню перевезти в другое место, но невозможно убрать стиль Парк Авеню из девушки, которая выросла там.

— На этот раз на постели. — Она стояла в углу своей спальни лицом ко мне и скидывала туфли.

— Ты нетерпелива, — ответил я. Она хотела меня, и это было хорошо. Возможно для меня, даже особо не имело значения, что будет дальше. До сих пор мы же как-то существовали.

— Я ждал весь вечер. — Она начала возиться с застежкой на юбке, поэтому я шагнул вперед и убрал ее руку.

— Если мы собираемся лечь в постель, я не хочу торопиться. — Одной рукой я обнял ее за талию, а другой приподнял ее лицо.

— *Если?!*

На самом деле никакого «если» не было. Явно не сейчас, когда мы находились в ее спальне. Я готов был поиметь ее сегодня, но дело было не только в том, чтобы кончить и отделаться от сексуального зуда, я хотел, чтобы она получила удовольствие.

— Поэтому никакой спешки, Грейс Астор. — Я провел по ее шеи, полностью загипнотизированный ее молочно-белой кожей.

Усевшись на край кровати, я потянул ее к себе между ног. Так я мог лучше ее разглядеть. Я не спеша стал расстегивать ее блузку, приподняв бровь, как только она попыталась помочь мне. Она смирившись опустила руки и дала мне возможность расстегивать маленькие синие пуговицы самому. Я расстегнул ее блузку, показался белый кружевной лифчик.

— Мне нравится. — Я провел указательным пальцем по краю чашечки, наслаждаясь ощущением кружев и ее гладкой кожи. Ее соски набухли, и я с трудом удержался, чтобы не ущипнуть, не прикусить, не начать сосать их. Мой член вжался в молнию на брюках.

Черт, она была такой сладкой, такой милой, такой неповторимой.

Я вытащил ее блузку и заскользил рукой под юбку.

— Твоя спальня выглядит настолько идеально. Ковер, подушки, одеяло. Мы устроим здесь настоящий беспорядок. Ты ведь знаешь это, правда?

Она втянула нижнюю губу в рот, покачиваясь, как только я заскользил по ее бедру.

— Мы будем трахаться везде. — Я погладил ее ногу большим пальцем. Палец легко скользил по ее коже, она была такой влажной, я чувствовал это по краю трусиков. — Твои соки будут повсюду, орошая все вокруг. Ты готова к этому?

Она кивнула, ее движения немного замедлились, а глаза затуманились.

— И я кончу с тобой. Я кончу на твою прекрасную кожу, пометив тебя, что ты принадлежишь мне. — Я сунул большой палец под трусики в ее складки. Она ахнула, ухватив меня за плечи, чтобы сохранить баланс.

— Да, — выдохнула она, не отрываясь от моих глаз.

Я начал совершать маленькие круги пальцем. Движения легкие, медленно продвигаясь к ее клитору. Она все сильнее сжимала мне плечи.

Я завораживал ее, и чем глубже она впадала под мое заклинание, тем более опьяняющей становилась. Фактически, она поклонялась моим пальцам, и тому, что они делали, это было потрясающе, словно я входил внутрь нее своим членом. Я никогда не испытывал такой эйфории за счет другой женщины.

Ее киска и клитор пульсировали под моим пальцем, а мой член пульсировал в штанах, вторя им в ответ. И чувствуя ее влажность, видя ее возбуждение, я полностью попался под ее чары.

— Мне нужно большего, — сказала она, вытаскивая рубашку из моих брюк.

— Большого? — Спросил я.

— От тебя. — Неужели она не понимала, что сама имела столько, сколько не могла дать ни одна женщина?

Я убрал руку, сдвинув ее трусики вниз, затем расстегнул юбку и лифчик. Обхватив ее за талию, усадил Грейс на кровать.

— Ложись, — сказал я, не в силах оторвать от нее взгляд даже на секунду, пока сам раздевался.

— Хорошо. — Ее взгляд передвигался между моим лицом и членом. Она протянула руку. — Мне он нравится.

— Он? — Спросил я, голый ползя на коленях по кровати.

— Мы, — заторможено произнесла она, проводя ногой по моей икре, а затем притягивая меня поближе. — Мне нравится, когда мы находимся так близко друг к другу.

Мое сердце сжалось. Она говорила о стереотипах, которые были у нас. Я не привык иметь дело несколько раз с одной женщиной. Головой я понимал, что должен бежать, но с Грейс мой разум отказывал. Так и должно было быть.

— И когда голые.

Я опустил губы на ее маленькую улыбку, захватив ее мягкие губы своим ртом. Она застонала или замурлыкала, и вибрация от ее звуков устремилась прямо к моему члену. Если бы она была другой девушкой, я бы уже кончил. Мой член напрягся до такой степени, с отчаяньем нуждаясь в ее тугой, мокрой киске.

Я проделал путь вниз по ее шее целуя и посасывая, желая ее съесть целиком, желая заставить ее сходить с ума от страсти также, как и я.

Я прочертил дорожку еле уловимых поцелуев от бедренной кости к другой, а затем начал все с самого начала.

Она ухватила за мои волосы.

— У меня ноги дрожат.

Я прошелся рукой по всей длине ее ног.

— Твое тело говорит, как сильно оно меня хочет, — пробормотал я в ложбинку между ее грудями.

Она застонала.

— Но я хочу, чтобы ты сама сказала мне. — Мне хотелось слышать ее слова. Мне необходимо было их услышать, она должна признаться самой себе, что хотела.

— Я хочу тебя, — прошептала она.

— Скажи еще раз.

— Я хочу тебя, — переведя дыхание, выдохнула она. — Я хочу тебя. Я хочу тебя. — Извиваясь твердила она подо мной. — Пожалуйста, Сэм.

У меня вырвался стон.

Моментально я разорвал презерватив, который вытащил из своего портмоне, и раскатал.

— Ты готова, Принцесса?

Она из-под ресниц взглянула на меня и молча кивнула.

— Перевернись. — Может, если бы мне не пришлось видеть ее красивые глаза наполовину закрытыми, когда я вхожу в нее, у меня остался бы еще боевой дух продержаться более пяти секунд.

Она приподняла голову и перекатилась на живот. Я приподнял ее бедра, открывая своему взгляду ее набухшую киску. Господи. Продержаться с ней пять секунд — это чудо. Я подвел член к ее входу и мне пришлось перевести дух. Почувствовать ее влажный вход своей головкой — ощущение просто головокружительным.

Но что-то было не так. Мне необходимо было видеть ее лицо, чувствовать ее тепло на своей коже. Она была для меня не просто женщиной, которую я хотел трахнуть — мы разделяли с ней что-то большее.

Я резко упал на бок и потянул ее к себе, теперь ее задница была на моих коленях, плечи лежали на кровати. Да. Мне нужна была эта близость с ней. Я втянул воздух, сладкий аромат ее волос.

— Посмотри на меня, — попросил я, и она посмотрела. Бл*дь. Я толкнулся внутрь нее по самые яйца, и чуть не кончил, она с трудом перевела дыхание от моего вторжения.

— Как ты? — Спросил я.

— Еще, — ответила она, потянувшись к моей заднице, как только я глубоко вошел в нее. Мы превратились в клубок, состоящий из одних конечностей, каждая наша часть была взаимосвязана.

Я медленно начал двигаться, небольшими движениями, удерживая ее на месте за плечо и талию.

— Господи, — задыхаясь произнесла она, закрыв глаза.

— Посмотри на меня, — снова произнес я. Мне необходимо было видеть ее глаза, и я хотел, чтобы она видела меня. Мне хотелось, чтобы у меня остались воспоминания о нашем сексе, что все это было реально.

Мои толчки стали резче. Она впилась мне в бедро ногтями. Я понадеялся, что там останется след от ее ногтей. Еще одно напоминание об абсолютном блаженстве, которое могло остаться у меня на коже.

Я понял из ее гортанного крика, что ее клитор и киска начинают сжиматься, она широко открыла рот, как только я стал кружить по ее сгустку нервных окончаний. Она сжималась вокруг моего члена.

Мы смотрели друг на друга ошеломленно, страстно и соединено, пока толчки наших тел все быстрее и сильнее подвели к бездне. Мы ни на секунду не отвели друг от друга взгляда, мы двигались как грохот грома, который слышался где-то вдалеке, но потом становился все громче и громче, пока с треском не сверкнула молния. Ее оргазм прошелся волной по ее телу, буквально накрыв меня через долю секунды.

Было такое чувство, как будто мы находились где-то в путешествии, и решили переждать бурю, таким был наш секс, сближая нас, связывая вместе.

— Сегодня было... — Грейс остановилась и посмотрела на меня, как будто я должен был добавить слово, которое она не могла подобрать. — Очень сильно, — наконец, сказала она.

И я не собирался отрицать, потому что она была права. «Очень сильно» было именно тем словом, которое больше всего подходило к сегодняшнему сексу. «Очень сильно» было намного больше, чем когда-либо у меня с любой из женщин. «Очень сильно» было именно тем, чего я

никогда не осмеливался хотеть. И «очень сильно» было именно тем, что мне когда-либо казалось возможным.

— Спасибо, — произнесла она. — Не за... ну, да, за оргазм, но...

— Оргазмы. Не упоминай его в единственном числе, как будто он был одним единственным.

Она хихикнула и ткнула кулаком меня в грудь.

— Ладно, спасибо за оргазмыыыыы, и за Фрика... и за ужин. Я не привыкла... чтобы обо мне так кто-то заботился. Это было за гранью...

— Ты же Принцесса. И именно этого ты заслуживаешь. — Я особо не заморачивался с Фриком, вернее, со свиданием у Фрика, и уж точно не думал, что какой-нибудь из ее мужчин мог устроить такое свидание у него в особняке. Просто тогда я подумал, что ей могло это понравится.

— Ты решил, что я какая-то заносчивая принцесса с Парк Авеню, но...

— Эй, — ответил я, обхватывая ее руки своими. — Я подтруниваю над тобой, поскольку думаю, что ты особенная, и если с тобой не обращались как с Принцессой, то позор тем мужчинам, которые были с тобой.

— Ты даже представить себе не можешь, — пробормотала она.

Я не привык выслушивать истории от женщин, зная их достаточно хорошо. Энджи знала обо мне все, но для меня она не была женщиной в определенном смысле. Грейс что-то бормотала мне в грудь, пытаясь меня заинтересовать, заставив задать тысячу вопросов. А что, если она не захочет отвечать на них? Я тут же закрывался, как только она спрашивала обо мне что-то личное. А вдруг я испытаю боль, почувствую себя не комфортно, если тоже самое она сделает со мной? Мне необходимо было научиться открываться ей, отдавать больше себя. По крайней мере, это было справедливо в том лишь случае, если она готова была открыться мне также.

И мне стоило рискнуть, чтобы узнать о ней намного побольше.

— Могу я задать тебе вопрос?

Она перестала перебирать своими пальцами, прочерчивая дорожку по поим жизненным линиям на ладонях.

— Какой вопрос? — Пока Грейс не спросила, я не понимал до конца, что ответ на вопрос был своего рода формой самообороны.

Я притянул ее поближе и поцеловал в макушку.

— Почему ты тратишь столько времени на мужчин, которые тебя не заслуживают?

Она пожала плечами, отмахнувшись от меня.

Хотя я понимал, что ей необходимо было раскрыть свои секреты первой, хотя я не был готов раскрыть ей свои.

Я глубоко вздохнул.

— Мои мать и отец умерли в результате аварии, пьяный водитель врезался в них, когда мне было двенадцать.

Я сглотнул, глядя прямо перед собой, а не на Грейс. Я не часто делал подобные признания, поскольку не испытывал в этом необходимости, но прилив боли, к которому я подготовился на этот раз, был не таким жестким, как в прошлый. Мне всегда было больно говорить об этом, но страх самой боли останавливал меня, как и сама боль. — У меня не было родственников, поэтому я очутился в детском доме.

Она приподнялась на локтях, обратившись ко мне лицом. Обхватив мое лицо своими изящными руками, она провела большим пальцем по моей щеке.

Ее прикосновение придало мне силы продолжить, высказываться:

— Было тяжело. К тому времени я уже был достаточно взрослым, чтобы осознавать, что потерял. Тяжело, когда тебя из лучшей, прекрасной жизни бросают в совершенно другую. — Удивительно, но мои слова для меня были почти освобождением, как будто я отпускал что-то, и, наконец, мне удалось взглянуть на нее, она пыталась сморгнуть слезы.

— Это было очень давно. Теперь все стало намного лучше. — Мне не хотелось, чтобы она жалела меня. Мне, наоборот, хотелось быть ближе к ней, совсем не чувствуя ее жалости. Я хотел открыться перед ней, потому что от нее хотел того же.

— Прости, — прошептала она.

Я выдохнул и сжал ее пальцы.

— Мне кажется, что ты очень особенный, Сэм Шоу, — произнесла она, опустив поцелуй на наши скрещенные руки.

— Мне кажется, что ты тоже особенная.

— Значит вот почему ты не покупаешь мебель?! У меня имеются какие-то ассоциации?

На что она намекала? У меня была Энджи и квартира на Парк Авеню. Я не придаю особого значения материальному имуществу, как большинство людей.

— Ты боишься что-либо потерять, да? — спросила она. — Ты боишься снова ощутить это.

Была ли она права сейчас, поскольку в моем сердце постоянно жила тупая ноющая боль, с которой я свикся? Я пытался уберечь свою жизнь от вещей и людей, чтобы снова не разочароваться, ведь так?

— Прости. Я не хотела на тебя давить. У меня случайно вырвалось, — произнесла она.

Я не готов был с ней спорить, но все, что она только что сказала, для меня имело определенный смысл. Просто раньше я никогда не видел этой связи.

— Возможно, — наконец, произнес я. — Не знаю.

Она наклонилась вперед, поцеловав меня в живот.

— Моя мать изменяет моему отцу. И так было всегда. Он знает об этом, но по какой-то причине не разводится с ней, — вдруг сказала она, слегка пожав плечами, как и я, когда начал ей рассказывать о себе. Она решила все же мне исповедоваться, впустить меня, открыться.

— А ты, действуешь как твой отец?! — Задавал я вопрос. — Выбираешь людей по жизни, которые совершенно не заслуживают твоей любви?

— Возможно. А может я не хочу быть похожей на свою мать.

Неужели мы так похожи? Оба относимся к жизни и отношениям, основываясь на полученном опыте? Да, скорее всего именно так. Но я все еще до конца не понимал, почему вдруг решил устроить на нее настоящую охоту, раньше такого я никогда себе не позволял, так почему сейчас? И каким образом она сделала так, что мне захотелось большего, когда всю свою жизнь я думал, что большего как раз мне и не нужно?

Она обвела пальцами то место, где поцеловала мой живот, и я заметил ее спрятанное тату, когда она приподняла руку.

Абсолютное Блаженство.

Когда я выбирал для нее татуировку по ее просьбе, у меня было не столь много времени, но эти два слова были первыми, которые пришли мне в голову.

Может мое подсознание знает что-то такое о ней, чего не знаю я? И вдруг я отчетливо вспомнил слова этого абзаца.

«В этом мире нет ни счастья, ни несчастья; есть только сравнение одного состояния с другим. Только человек, испытавший крайнее отчаяние, способен ощутить абсолютное блаженство. Нужно пережить смерть, чтобы понять насколько хороша жизнь... сумма всей человеческой мудрости заключена в этих двух словах — Жди и Надейся».

Неужели она была той, кого я так долго ждал? И на кого надеялся?

Была ли она моим Абсолютным Блаженством?

Глава 14

Грейс

Этот субботний вечер был для меня особенным, между нами что-то

изменилось. Поскольку у меня имелись планы провести воскресенье в Коннектикуте с Харпер и Максом, Сэм ушел рано. Когда он позвонил мне в понедельник, и я вдруг поймала себя на мысли, что он звонит просто так, не выискивая причин, я улыбалась, взяв трубку, как маньячка. Он звонил, потому что просто хотел услышать мой голос, поговорить со мной.

И от этого я почувствовала себя такой счастливой.

Я предложила ему присмотреть за доставкой мебели завтра. Он в свою очередь предложил поужинать после того, как доставят мебель. Конечно, я согласилась. Я не могла дождаться, когда увижу его снова, мне хотелось, чтобы он смотрел на меня своим открытым и честным взором, который пронизывал меня насквозь. Он был особенным, и я не могла им насытиться. И понедельник со вторником практически промелькнули, как один день, пока я была в галерее.

Я дожидалась лифта на 740 Парк-Авеню, слушая, как он останавливается на этажах, пока спускался. Я с таким нетерпением ждала встречи с Сэмом. Он сообщил, что уйдет с работы пораньше, чтобы пораньше прийти домой. Мне хотелось узнать, как наши отношения будут развиваться дальше, после субботы, когда мы открылись друг другу.

Двери лифта раскрылись, я увидела Сэма, мою маму и отца прямо перед собой.

— Привет, дорогая. Мы не знали, что ты придешь, — произнесла мама, поправляя норковую шубу. — Мы решили выйти.

Я переводила взгляд между Сэмом и своими родителями, пока они выходили из лифта. Сэм мимо, как будто собрался на выход. Он что собрался уходить?

— О, это прекрасно. На самом деле, я пришла, чтобы встретиться с Сэмом, — произнесла я. Он остановился и изобразил свою коронную в мегаватт улыбку Сэма Шоу, которую я наблюдала в самых редких случаях.

— Как поживаете? — Спросил Сэм, взяв маму за руку. О Боже. Моя мать обожала подобные манеры.

— Сэм купил у меня несколько работ в моей галерее, — объяснила я, пока они с отцом пожимали друг другу руки. — Я помогаю ему их развесить. Сэм, это мои родители, мистер и миссис Астор.

Взгляд моей матери порхал между мной и Сэмом.

— Как вы сказали, ваша фамилия? — Она смущенно смотрела на Сэма, тут же просчитывая в уме, что он явно богат, поскольку жил в их доме, но она на удивление была с ним не знакома.

— Он не говорил, — ответила я.

— Шоу, — произнес Сэм. — Меня зовут Сэм Шоу.

Мама кивнула, и я тут же поняла, что в уме она просматривает свой список контактов, пытаясь вспомнить был ли он там.

— А вы давно здесь живете, мистер Шоу? — поинтересовалась она.

— Сильвия, нам нужно поторапливаться. Мы оставим вас, если вы не возражаете, — произнес папа, желая перевести внимание моей матери на что-нибудь другое.

— У нас есть несколько минут, — тут же парировала она, явно желая побольше провести времени с нами, чтобы что-то разузнать о Сэме. Я чувствовала это.

— Нет, дорогая. Мы точно опаздываем. — Отец обхватил ее за талию, направляя на выход. — И мы встретимся с Грейс на следующей неделе в ее День рождения.

Внимание моей матери полностью переключилось с Сэма на меня.

— Да, кстати я оставила тебе несколько сообщений по поводу меню, но не получила ответа.

В девяноста процентов случаев я старалась избегать звонков матери. Особенно, когда она горела желанием обсудить мой день рождения, я хотела довести эту цифру до ста.

— Меня мало интересует меню. В «Фо Сизонс» уверена все будет хорошо. — В течение нескольких последних лет, я не праздновала свой день рождения в кругу семьи, но в этот раз пообещала отцу, что приложу определенные усилия, чтобы отпраздновать с мамой. Я взглянула на Сэма, который вежливо улыбался. Он столько пережил в своей жизни, а я веду себя перед ним, как настоящая Принцесса, беседуя со своей матерью, одетой в норку, о «Фо Сизонс». Мой ужин на день рождения показался мне таким несущественным, по сравнению с его трагедией.

— Я просто хочу быть уверена, что у тебя будет идеальный вечер в этот день. — Голос моей матери задрожал, как и всегда, когда она хотела, чтобы ее пожалели. Я уже давно не поддавалась на ее ухищрения.

— Я действительно не возражаю, — ответила я, пытаясь сохранить свой тон нейтральным.

— Давай же, Сильвия. Пошли, дадим Грейс поработать, — произнес отец. — Мы прекрасно проведем время. Сегодня для нас важный вечер. Увидимся позже, мистер Шоу?

Неужели отец что-то заметил? Я поцеловала его в щеку.

— Хорошо вам провести время. Я должна идти. — И повернулась к лифту, энергично нажав кнопку вверх.

К счастью, Сэм оказался достаточно вежлив, поэтому просто улыбнулся в ответ на вопрос моего отца. Двери открылись, и я вошла

внутри, краем глаза поглядывая на Сэма.

— Приятно было с вами познакомиться, мистер и миссис Астор, — произнес он, последовав за мной в лифт.

Как только двери закрылись, он вжал меня в угол.

— Ты не сказала мне, что на следующей недели у тебя день рождения, — сказал он, обхватив меня за талию, и я почувствовала его дыхание на щеке.

— Да, не сказала, — прошептала я, внезапно все мое тело обмякло, находясь с ним так близко.

Он отстранился, посмотрев на меня, покачал головой.

— На следующей неделе, а ты даже не сказала.

Именно сейчас мы будем говорить об этом? Мы не обсуждали раньше, что происходит между нами. Я хотела его увидеть сегодня, чтобы точно удостовериться, что между нами, действительно стало все по-другому.

— Придет несколько друзей и семья. Ты тоже можешь прийти, если хочешь.

— Хочу, — сказал он, целуя меня в шею.

— Наверное, будет скучновато.

— Мне все равно.

— Мы будем говорить сейчас об этом? — Спросила я. Неужели мы пара? Я хотела бы, чтобы он мне сказал об этом.

— А о чем мы говорим? — Он провел носом по моему подбородку, и я наклонила голову, подтолкнув свои бедра к нему.

— О приглашении друг друга на дни рождения. О знакомстве друг друга со своими друзьями. Мы будем это делать? — Мои слова перемежались паузами, пока я наслаждалась его пальцами, губами и его теплым телом.

— Да, именно будем, — ответил он, когда двери лифта открылись на его этаже. Он выпрямился, схватил меня за руку и вывел из лифта. — Мы будем делать все эти вещи.

Я сжала губы, стараясь скрыть радостную улыбку. Мы будем делать все те обычные вещи, которые делает пара.

Сэм

— На ее матери было надето манто, когда я столкнулся с ними. По всей видимости норковое, — сказал я Энджи, пока мы плелись по «Бергдорф Гудман», ища подарок на день рождения Грейс. Я понятия не имел, что бы хотела получить Грейс, поэтому я заручился помощью со

стороны Энджи.

— Откуда ты знаешь, что это была норка?

— Знаю. Она выросла в моем доме. Мы такие разные. — Мне нравилась Грейс. Я никому не собирался говорить насколько сильно мне нравилась Грейс, это было мое личное дело. Но я и сам никогда не задумывался раньше нравится мне кто-то или нет... сейчас для меня это было важно. И дело заключалось не только в том, что она была безумно хороша в постели и так красива, что у меня перехватывало дыхание, на самом деле, дело было именно в том, что мне, действительно, нравилось проводить с ней время. Но поскольку с моей стороны это была несколько необычная реакция на женщину, естественно у меня возникал вопрос — а почему она мне нравилась? Почувствую ли я тоже самое в предстоящий четверг?

— Почему тебя это так волнует? — спросила Энджи.

Я изучал людей, добившихся успеха, прежде чем самому стать успешным, изучал их манеры, как они говорили, именно поэтому, когда я встал с ними на одну ступеньку я особо не выделялся. Методом проб и ошибок, практикой я научился общаться с людьми, выработав в себе хорошие манеры. Я не родился одним из них, но Грейс была именно такой.

Мы были из разных миров, однозначно. Могут ли люди, с совершенно противоречивым прошлым, так понравиться друг другу?

Я наблюдал за Энджи, пока она просматривала полки, брала какие-то вещи, а потом клала их обратно.

— Как ты относишься к шарфу? Девушки из Верхнего Ист-Сайда любят носить шейный платок. — Энджи рассмеялась, держа шелковистый шарф с оранжевыми прожилками. Она точно не ошибалась. Я же был не уверен, что Грейс была типичной девушкой Верхнего Ист-Сайда.

— Не хмурься, словно этот шарф сделан из собачьего дерьма, он стоит семьсот долларов между прочим, — добавила Энджи, положив его обратно на полку.

— Шарф не может столько стоить, — ответил я.

— Разве она не относится к тем девушкам, которые любят носить шейные платки? — спросила она, когда мы двинулись к стеклянным шкафам, за которыми были кошельки.

Я никогда не видел Грейс, чтобы она носила шейный платок. Я особо не задумывался о том, что она носила, кроме того, как она выглядела в своей одежде.

— Я так не думаю.

Несмотря на наши различия, я обнаружил, что хочу больше проводить

времени и больше узнать о Грейс. Больше времени, а значит и больше ее саму, ее тела. Мне хотелось узнать, что она думает об обычных, повседневных вещах. Мне хотелось видеть, как она все медленнее и медленнее моргала, приближаясь к оргазму. Я хотел чувствовать, как она сдерживает свой смех внизу живота, но показывает свою вежливую, отрепетированную улыбку. Даже в данный момент я не мог не думать о ней, хотя должен был переключить свое внимание на Энджи. Я, словно зомби, следовал за Грейс все дальше и дальше по темному коридору, не зная, что было в конце. Но я не мог найти в себе силы остановиться, не мог повернуть назад.

— Кто-нибудь пользуется сейчас портмоне? — спросила Энджи, всматриваясь в стеклянный шкаф. — Так какая она, девушка, которой ты покупаешь подарки?

— Она не заставляет покупать ей подарки. — Я быстро оглядел ряд шкафов. Все эти вещи не принадлежали Грейс, они были не ее. — Она пригласила меня на свой день рождения. И с моей стороны будет вежливо принести подарок. — Грейс совершенно были не интересны мои деньги, как таковые. Если бы она захотела подцепить богатого парня, не встречалась бы с безденежными художниками и не устраивала бы у себя в галерее их выставки, которые сама и финансировала. — Она не такая.

— Хорошо, Мистер Чувствительный. Ты должен признать, что для тебя это своего рода переломный момент. Ты никогда не заикливался на подарке для женщины.

— Я не заикливаюсь, — ответил я. — Я просто хочу купить то, что подходило бы именно ей.

— Тогда расскажи мне, какая она. Может у меня возникнут некоторые идеи.

— Она милая. — Я пожал плечами, и улыбка сама собой растянула мои губы. — Смешная. Полностью увлечена тем, что делает.

— И когда ты говоришь, «что делает» ты имеешь ввиду, что она заставляет тебя сгорать от страсти. — Энджи пошевелила бровями.

С одной стороны, это должно было выглядеть забавным, но по какой-то причине меня это совсем не позабавило.

— Не говори так о ней.

— Господи. Успокойся. Я просто пошутила. Похоже, ты влип, мой друг. — Она отвернулась и направилась к стендам с левой стороны, заполненными каким-то бесполезным дерьмом.

Я догнал ее.

— Извините, я не хотел быть таким резким. Я всего лишь хочу купить

ей подарок и поскорее убраться отсюда. Ты же знаешь, я ненавижу подобные места. — Это была правда, я ненавижу шляться по магазинам и совершать покупки, и не хотел, чтобы Энджи делала какие-то собственные выводы и решила, что мое свидание с Грейс было чем-то большим, чем было на самом деле.

Она пожала плечами.

— Прекрасно. Но здесь много красивых вещей, Сэм. Тебе просто нужно выбрать.

Но я не мог ничего выбрать. Когда я повез Грейс в особняк Фрика, она выглядела такой счастливой от моего выбора, и мне захотелось, чтобы у нее опять появилось это счастливое выражение на лице.

— Я пригласил ее на ужин на наше первое свидание, и ей понравилось. Может я мог бы сделать нечто подобное снова? А не дарить определенный подарок.

Энджи приподняла брови.

— Звучит, словно ты отвел ее в кафе, где было полно посетителей?

— Нет. Я арендовал одно место в субботу вечером. Мы рассматривали картины и хорошо поужинали в одной из комнат.

Энджи не ответила, и я оглянулся, слушает ли она меня, но она пялилась на меня, широко открыв рот, как будто я сказал, что собираюсь купить Эмпайр-Стейт-Билдинг.

— Что?! — спросил я.

— Ты арендовал всю эту хрень?

— Да.

— На первое свидание?

Она что не слышала, что я сказал?

— Да, арендовал. И мне показалось, что ей это очень понравилось...

Энджи фыркнула.

— Бьюсь об заклад, конечно, понравилось. Это напоминает сказку. Тебе очень нравится эта девушка. — Она так широко ухмыльнулась, что ее лицо готово было треснуть пополам.

Я начал двигаться к двери, но Энджи догнала и толкнула меня в плечо.

— Сэм, — сказала она, все еще ухмыляясь. — Тебе очень нравится эта девушка. Особняк Фрика?! Это серьезно.

— Это не имело для меня большого значения. Я просто подумал, что ей понравится, и я не хотел, чтобы меня во время первого свидания беспокоила толпа.

— Это серьезно. Именно такое дерьмо начинает совершать парень, когда он серьезно относится к кому-то.

Я открыл дверь и вышел на улицу.

— Ну, я отношусь не так уж серьезно. Ты же меня знаешь.

— Да, — сказала Энджи позади меня. — Вот почему мне так любопытно. Я думаю, ты влюбился. — Она завизжала, что меня стало раздражать еще больше.

Я засунул руки в карманы.

— Не будь смешной. — Я повернул в сторону, совершенно не понимая, куда направляюсь. Энджи последовала за мной, застегивая куртку.

— Это не смешно. Это же замечательно, Сэм. Я думала, этого никогда не случится. Я так рада, потому что это, на самом деле, удивительное чувство — ты заслуживаешь счастья.

Я прищурился от солнца, которое светило, несмотря на холод.

— Ничего подобного. Не переживай так сильно. Мы просто вместе тусуемся.

— Не могу дождаться, чтобы сообщить об этом Чезу. И мы вчетвером сможем ходить на свидания.

— Энджи. Серьезно, прекрати. Мне нужно найти подарок, а ты мне совсем не помогаешь в этом. — Я не хотел покупать Грейс что-то, только чтобы что-то купить. Она знала, что я совсем не ценю материальные вещи. Поэтому, если я куплю ей что-то дорогое, но совершенно ей не подходящее, она поймет, что подарок будет не совсем от меня.

— Обещай мне, что я не потеряю тебя. — Энджи остановилась, ухватив меня за рукав. — Я люблю своего мужа. Он хороший человек, и я фактически обо всем могу с ним поговорить. — Радость в ее глазах потускнела. — Но через что мы прошли с тобой, не понимает никто и никогда не поймет, кто не пережил этого. — Я понял, что она имела в виду. Чез познакомился с Энджи, не с той девочкой, которая оказалась в детском доме, а которая уже повзрослела и выжила там. До конца я не мог понять, почему она решила, что может меня потерять.

— О чем, черт побери, ты говоришь? Я не собираюсь тебя бросать.

— Я серьезно, Сэм. А что, если мы с Грейс не поладим друг с другом? Тогда мы не сможем проводить столько времени вместе и постепенно нашей дружбе придет конец?

Я взял Энджи за плечи.

— Ты ведешь себя как ненормальная. Я не влюблен в Грейс, и мы с тобой будем друзьями до конца нашей жизни.

— Я не хочу тебя терять. — Она опустила взгляд на тротуар. — Я хочу, чтобы ты был счастлив, но я тоже хочу быть сопричастной к твоему

счастью.

Я обнял ее за плечи.

— Ты не потеряешь меня, обещаю.

— Ты обнимаешь меня?! — спросила Энджи. — Я знаю тебя пятнадцать лет, и ты никогда меня не обнимал.

— Просто давай пройдемся.

Она по-прежнему стояла на месте, я встал рядом с ней.

— Я никогда тебя не оставлю, — произнес я. — Ты никогда меня не потеряешь.

И я не был влюблен в Грэйс Астор.

Глава 15

Грейс

Я продолжала пристально смотреть на входную дверь «Фо Сизонс», надеясь увидеть Сэма. Я попросила его привезти с собой Энджи с мужем. Ее муж не смог прийти, но Сэм и Энджи собирались. Это был первый раз, когда мне предстояло познакомиться с Энджи, поэтому я нервничала. Я знала, что он очень ценил ее мнение. Она была единственным человеком, к которому он прислушивался. А если я ей не понравлюсь, что тогда? Ее решение повлияет на нас с Сэмом? Прошло чуть больше недели с тех пор, как он рассказал мне о смерти своих родителей, но я встречалась с ним почти каждый день, и у нас все шло хорошо, поэтому мне хотелось, чтобы Энджи, наконец, вынесла свой вердикт по поводу меня.

— Он еще не пришел? — спросила Харпер позади меня.

Я оторвала свой взгляд от входа.

— Нет. Ты узнаешь, когда увидишь его. Как поживает малышка?

— Малышка... это всего лишь малышка. Она ничего не делает. Я хочу услышать о Сэме. Он первый мужчина, который что-то из себя представляет, с которым ты встречаешься. Он в курсе, что можно делать своим языком?

— Ты же понимаешь, что мы находимся на публике, да? — Поинтересовалась я.

Она пожала плечами и к нам присоединился ее муж Макс и невестка Скарлетт.

— С Днем рождения, — сказал Макс, целуя меня в щеку.

— Спасибо.

— С Днем рождения, — произнес Сэм позади меня. Я задрожала всем телом. Неужели мое тело реагирует только на этого мужчину? Всего тремя

словами Сэм сделал мои соски твердыми, а колени слабыми. Я посмотрела через плечо, он обхватил меня за талию, ухмыльнулся и поцеловал в губы.

Мы долго целовались в губы.

И впервые я увидела, что мой парень не смотрит на других девушек и не раздражает до одури моих друзей.

Он прервал наш поцелуй, отступив.

— Ты выглядишь превосходно. — Он провел большим пальцем по моей скуле, даже не взглянув на мой наряд, просто притянув к себе, прижавшись своим бедром к моему. — Я Сэм, — представился он собравшимся, — а это Энджи Дженкинс. — Я сначала не обратила внимания на блондинку рядом с ним, когда рядом был Сэм я никого не видела вокруг.

— Энджи, привет, — произнесла я, пытаюсь оторваться от его жесткого тела, чтобы поприветствовать его давнего друга, но Сэм крепко удерживал меня рядом с собой.

После общих представлений, мы направились к длинному обеденному столу. Я пригласила сорок два человека. Семейные пары. Несколько друзей. Мне не хотелось устраивать грандиозной вечеринки, всего лишь тихий ужин. Я сидела посередине стола, который довольно легко самопроизвольно разделился на семью на одном конце, начиная с моего отца, сидевшего рядом со мной слева, и моей матери с другой стороны от него, и моих друзей справа от меня. Я не стала усаживать Сэма рядом с собой, но как только я опустилась на стул и тепло от его руки покинуло мое бедро, мне тут же захотелось поменять карточки, стоявшие на определенных местах для рассадки гостей.

Харпер ни коим образом не пыталась скрыть своего восторга, когда Сэм сел рядом с ней, и как только все заняли свои места, она стала атаковать его вопросами:

— Итак, твой муж сегодня не смог прийти, потому что работает? Чем он занимается? — Спросила я Энджи.

— Он владеет небольшой строительной компанией в Джерси. — Она пристально обвела взглядом ресторан, а потом остановилась на мне. — В данный момент он работает в офисном здании, в котором они не могут работать в течение рабочего дня.

— Должно быть это не просто, но я очень рада, что ты смогла прийти. Сожалею, что мы встретились среди всей этой шумной толпы, а не вдвоем. Очень хочу поближе с тобой познакомиться и узнать тебя получше. — Я задержала дыхание, надеясь, что ей хотелось бы того же.

— С твоей стороны было мило пригласить меня сюда. Сэм очень

хотел, чтобы я пришла. — Она немного отклонилась, чтобы официант наполнил ее стакан водой.

— Итак, вы живете в Нью-Джерси? — Поинтересовалась я.

Она засмеялась.

— Да, всю свою жизнь. Я надеялась, что когда выйду замуж, обязательно уеду, потому что это было последнее место, где я хотела бы жить, но Чез никогда не уедет, думаю, что я застряла там навечно.

Я знала, что они с Сэмом вместе учились в школе, и мне хотелось побольше ее расспросить о нем. Рассказывал ли он что-нибудь о своих родителях?

— Я слышала, что ты выросла в доме, в котором он купил апартаменты? — спросила Энджи.

Я кивнула.

— Да, я уверена, что он сообщил тебе, что называет меня Принцессой Парк Авеню.

Энджи улыбнулась, ответив:

— Я не слышала, чтобы он это говорил, но со временем ты поймешь, что он озвучивает лишь небольшую часть того, что происходит в его большом мозгу.

— Это точно. Я по одиннадцать раз в час спрашиваю, о чем он думает, хотя мне стоит перестать. — Официанты начали разносить блюда, за столом пронесся гул, пока ставились тарелки.

— Значит, вы много времени проводите вместе?

Большинство ночей с тех пор, как я вернулся из Коннектикута.

— Да, хотя я не так давно его знаю.

— Ты должна заботиться о нем, — сказала она, понизив голос и наклоняясь ко мне поближе. — Я никогда не видела его с женщиной. Ты ему очень нравишься.

Я потянулась за стаканом воды и сделала глоток. Мне очень хотелось прижать прохладный стакан к щеке, чтобы потушить румянец.

— Он мне тоже очень нравится.

Энджи улыбнулась и сжала мою руку.

— Я надеюсь на это.

— Ты мне не веришь?

— Дело не в этом. Просто он никогда никого не любил. Думаю, что у тебя были другие парни...

— Но для меня тоже все по-другому. Может не так, как для Сэма, но он не похож ни на одного из моих предыдущих парней. Он столько скрывает в себе, и при этом самый честный и открытый мужчина, которого

я когда-либо встречала. Я сделаю все, чтобы ни коем образом не ранить твоего друга, обещаю.

— Спасибо, — ответила она. — Прости, не хочу показаться слишком обеспокоенной...

— Я не виню тебя за это. Наоборот приятно, что вы присматриваете друг за другом.

Энджи засмеялась.

— Когда я начала встречаться с Чезом, однажды вечером он и Сэм подрались. Сэм заметил, как он разговаривал с женщиной в баре. Сэм не задал ни одного вопроса, просто подошел и двинул ему. Мы привыкли защищать друг друга.

Я понимала, что это безумие, но все равно почувствовала легкую ревность. Мне тоже захотелось дружить с Сэмом всю его жизнь. В нем еще было столько всего, чего я не знала. Я не могла себе даже представить, как крутой, спокойный, невозмутимый Сэм Шоу может кого-то избить.

— Он вспыльчивый? — Вдруг забеспокоившись спросила я.

Энджи проглотила воду.

— Нет, совсем нет. Я никогда больше его таким не видела, и раньше такого не было. Но в этом мире его мало что волнует... думаю, что он готов будет броситься под поездом, чтобы отстоять то, что для него важно.

И несмотря на то, что я не так давно знала Сэма, но Энджи описывала мужчину, которого я, однозначно, знала — честного, верного, готово встать на защиту, если потребуется. Какого черта я провожу свой день рождения среди всех этих людей, когда безумно хотела свернуться на диване рядом с Сэмом? Мне не хватало его, я чувствовала себя одинокой в данный момент, хотя он находился от меня всего лишь в трех футах.

Энджи извинившись встала из-за стола, Сэм тут же повернулся, встретившись со мной глазами.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

Я наклонилась к нему, положив руку на еще теплое кожаное сиденье Энджи.

— Прости, что я не посадила тебя рядом с собой.

Он наклонил голову в сторону.

— Не стоит извиняться. Я прекрасно общаюсь с Харпер.

— Нет, я имею в виду, что мне просто очень жаль. Я скучаю по тебе.

Он приподнял голову и прищурился.

— Тебе не нравится общаться с Энджи?

— О нет, конечно, нет. Она такая милая и явно тебя обожает. Я просто скучаю по тебе.

— Я здесь, Принцесса, — произнес он, заправляя мой локон за ухо. — С тобой.

И он был действительно со мной. Я чувствовала его в своем сердце.

Сэм

Грейс сказала, что скучала по мне, хотя я сидел в трех шагах от нее, и мне захотелось схватить ее за руку, вытащить из-за стола и увести куда-нибудь, чтобы мы могли побыть вдвоем. Но мне нравилось видеть ее, окруженной друзьями и семьей. Это было своеобразным подтверждением, кем она была на самом деле — доброй и щедрой. Смешной. Сексуальной. Великолепной. Такой же, со всеми, как и всегда. И тот факт, что от такого повышенного внимания к своей персоне, она немного смущалась, для меня имел огромное значение. Мне нравилось наблюдать за ней издалека.

Мне также нравилось общаться с ее друзьями — они как бы были ее отражением. Харпер, сидевшая рядом со мной, была немного колючей, но при этом обаятельной. Ее муж Макс явно ее боготворил.

— Так ты серьезно относишься к Грейс? — Спросила Харпер.

— Извини мою жену, — произнес Макс. — Она настоящая заноза в заднице. Харпер, не дави на беднягу. Они встречаются всего несколько недель.

Я усмехнулся.

— Все в порядке. Ты можешь спрашивать меня о чем угодно. Если я не захочу отвечать, то не буду.

Харпер повернулась к Макс, словно говоря: «Вот видишь!»

— Ты сказал мне, что как только я вошла в King & Associates, понял все, — сказала она своему мужу. — Я хочу знать, у Сэма было тоже самое, когда он увидел Грейс?

Макс закатил глаза, и Харпер перевела свое внимание на меня.

— Итак, у тебя было также? — Спросила она.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, но, конечно, я решил, что Грейс привлекательная, когда увидел ее.

— Значит, ты не серьезно к ней относишься? — Прищурившись, спросила она, словно полицейский, допрашивающий подозреваемого.

Я не совсем понимал ее вопрос, что значит серьезно. Она мне нравилась. Я не хотел прекращать с ней тусоваться, но я не был в нее влюблен, несмотря на то, что Энджи думала, как раз иначе.

— Как сказал Макс, мы встречаемся всего пару недель.

— Но, вы официально встречаетесь? Ты ее парень? — Продолжала

напирать Харпер.

Я что-то пропустил? Мы должны были поговорить о нашем статусе? В настоящий момент я был доволен тем, как все продвигалось. Мне не нужны никакие ярлыки.

Когда я не ответил, Харпер спросила:

— Ты спишь с другими женщинами?

— Конечно же нет. — Ее вопрос застал меня врасплох, и я ответил совершенно инстинктивно. Но это было правдой. Мы с Грейс проводили вместе почти каждую ночь, и даже если бы мы этого не делали, у меня не возникало желания трахаться с кем-то еще.

— И она больше ни с кем не спит, — заявила Харпер.

Ее слова не прозвучали как вопрос, но я был рад такому ответу. Я не задавался вопросом спит ли Грейс с другими парнями, я предполагал, что нет. Я взглянул на Грейс, которая болтала с другими людьми за столом. Интересно есть ли здесь кто-нибудь с кем она спала?

— Я беспокоюсь о ней, — вдруг выпалил я. И меня бы сильно обеспокоило, если у нее был другой парень. Мне необходимо было полное ее внимание, ее тело, ее разговоры.

— Ну, я надеюсь, — сказала Харпер. — Она очень особенная. Если ты обидишь ее, я надеру тебе задницу.

— Ты должна кое-что узнать обо мне, Харпер, — произнес я, наклоняясь к ней. — Я не о многих беспокоюсь в своей жизни, и мне это нравится. Грейс — исключение.

— О чем вы говорите? — Спросила Грейс, поглаживая мне спину. Предполагалась смена блюд, и присутствующие поднимались из-за стола, отправляясь в туалеты или покурить. Я отодвинул свой стул и усадил Грейс к себе на колени.

— О тебе, — честно ответил я.

— Харпер, ты достаешь его? — спросила она.

— Не больше, чем оно того стоит. Она переживает из-за тебя, и это очень хорошо, — сказал я.

Грейс обхватила меня за шею, и я выдохнул. Я должен был почувствовать себя некомфортно, на виду у всех до меня дотрагивалась женщина, но вместо этого мне было очень даже хорошо. Даже замечательно. Она бы не стала меня обнимать, если бы спала с кем-то другим.

— Ты такая милый.

— Нет, это не так. Но я забочусь о тебе, как и Харпер.

Грейс посмотрела на меня из-под своих ресниц.

— Ты мне тоже небезразличен, — произнесла она.

— Я думаю, ребята, вам стоит приехать в Коннектикут, — заявил Макс, обхватывая спинку стула жены и наклоняясь к нам.

— Однозначно! — Подтвердила Харпер. — Если вы сможете смириться с полным безумием, творящимся у нас в доме. Мы были бы рады вас видеть. В следующем месяце домик у бассейна будет закончен. Тогда вы сможете укрыться там от нашего безумия, когда мы вас совсем достанем.

— Ну, я не знаю, — сказала Грейс, взглянув на меня. — Может?

Я хотел с ней поговорить позднее, что значит официально встречаться. Но в то же время, провести выходные с ее лучшей подругой мне показалось не плохой идеей. Я опустил голову, чтобы поймать ее взгляд.

— Я думаю, что это было бы здорово.

Глаза Грейс расширились от удивления, и она кивнула.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

В улыбке, с которой она ответила, не было ничего фальшивого.

— Тогда решено, — произнесла Харпер.

Я не поощрял и не принимал приглашения, но если Грейс этого хотела, я согласился с ней.

— Ты понимаешь, что девочки будут пить, причем не мало, оставив на нас детей, — произнес Макс.

— Думаю, мы справимся. — Я слышал о Максе Кинге, но никогда не встречался с ним раньше. У него была репутация строго и беспощадного мужика, но с женой он был совсем другим, по крайней мере, сегодня вечером. Я никогда не общался с такими парнями, как он. Единственный парень, которого я мог назвать своим другом, был Чез, и только благодаря Энджи.

Девушки продолжали обсуждать предстоящие выходные в Коннектикуте, пока не подали десерт, и Грейс вынуждена была вернуться на свое место. И я тут же почувствовал, как ее тепло ушло с моих коленей. Почему она не осталась съесть десерт у меня на коленях?

Харпер взглянула на меня и понизила голос:

— Грейс сказала, что когда шла с тобой по улице увидела свою картину. — Ее рука метнулась к горлу. — Она была очень расстроена?

— Кто? — спросил я.

— Грейс, — объяснила Харпер, — когда увидела свою картину.

Я не мог понять, о чем она говорит, несмотря на то, что быстро прокручивал все события, связанные с Грейс.

— Картина?

— Ренуар в витрине одной галереи, несколько кварталов от ее галереи. Она имела в виду портрет, которым раньше владела Грейс.

— Она сказала, что ей нравится эта картина. Я не знал, что для нее это так важно.

— Эту картину дед подарил ей в детстве... и она ее очень любила. Она и положила начало ее одержимости искусством.

Грейс говорила мне об этом? Сколько я всего узнал о ней.

— Она продала эту картину, чтобы открыть галерею. Она самолично отбирала покупателей, потому что хотела, чтобы этот человек полюбил ее так же, как и она. А этот проныра продал ее, хотя не прошло и шести месяцев, ты можешь себе это представить? — Харпер повернулась к своему мужу. — Она была убита горем из-за этого. Почти была готова попросить денег у отца, чтобы выкупить свою картину, но, конечно, не будет... этого делать.

Почему Грейс ничего не сказала мне?

— Она так не хочет походить на свою мать, но эта картина в эмоциональном плане очень важна для Грейс... и здесь вопрос не о деньгах, с ними Грейс никогда не была связана. — объявила Харпер.

И эта была одной из причин, почему она мне так нравилась.

И эта была одной из причин, почему я согласился поехать с ней на выходные загород.

И эта была одной из причин, почему я был полностью уверен, что к следующему четвергу я буду по-прежнему ее хотеть.

Грейс придерживала открытой дверь в свою квартиру, пока я заносил два пакета с подарками, которые мы привезли из ресторана.

— Спасибо, — улыбаясь произнесла она.

— Всегда пожалуйста. — Я остановился у двери, чтобы поцеловать ее в губы. Было трудно пройти мимо и не дотронуться до нее хотя бы несколько секунд, когда она была так близко.

— У тебя много подарков, — сказал я, положив заполненные сумки.

— Уверена, что ты не одобряешь этого. — Она ткнула меня в живот, улыбаясь, прежде чем направится на кухню.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался я, следуя за ней.

— Я знаю, как ты относишься к материальным вещам. — Она поставила два стакана на столешницу и наполнила каждый из них сельтерской водой (минералкой). И в этом было что-то такое, что я не мог не оценить. Она купила воду, которая мне нравилась. И то, что она

проявляла обо мне заботу, наполняя стакан, не спрашивая, потому что уже знала, чего я хочу, еще до того, как я ей сообщил. Я потратил всю свою жизнь, избегая подобных вещей, но сейчас мне нравилось это.

— Я не думаю, что иметь материальные вещи — это легкомысленность. Просто они не имеют для меня большого значения. — Я не собирался осуждать Грейс за то, что у нее полностью меблированная квартира, дорогая одежда и аксессуары. Просто мне этого было не нужно.

Она протянула мне стакан и прижала руку к моему животу.

— Все в порядке.

— Я еще не подарил тебе подарок на день рождения, — произнес я. — Я ходил по магазинам... вместе с Энджи.

Она наклонила голову в сторону.

— Я ничего не жду.

— У меня есть для тебя кое-что очень маленькое. Я хочу купить тебе еще кое-что, и мне кажется я знаю, что именно, но у меня не было времени. — Я вытащил пакет из сумки с подарками, которую принес. — Я завернул сам.

— Ты? — Она привстала на цыпочках, и я быстро поцеловал ее.

— Ты еще не открыла его. — Я вручил ей подарок.

— Мне и не нужно. Мне очень приятно, что ты сам его завернул... это лучшее, что я хотела бы услышать.

Мы перешли на диван, и я снял пиджак, положив его на стул. Она присела, я опустился рядом с ней. Боже, как бы мне хотелось купить ей бриллианты или лошадь, или что-то типа этого. Она смотрела на меня так, как будто я только что подарил ей Луну.

— Открой, — попросил я.

Она разорвала бумагу, как пятилетняя девочка в рождественское утро, и подняла на меня глаза, когда увидела, что было внутри.

— Сэм, мне так нравится, — сказала она, листая на кофейном столике книгу, которую я купила у Фрика.

Она провела рукой по глянцевой обложке.

— Это так мило.

Мое сердце увеличившись в размерах, упиралось в грудную клетку, когда она в правом верхнем углу поддела обложку и открыла первую страницу, где я написал:

«С тобой в моей жизни мне не нужно больше ничего».

Она в тишине читала слова. Наверное, чересчур? Или я сказал слишком мало?

Она молча смотрела на страницу.

— Я чувствую то же самое, Сэм.

Я провел пальцами по ее руке, приподнимая, целуя ее ладонь.

— Я не знал, что купить.

— Это идеальный подарок, — прошептала она, я усадил ее к себе на колени.

— Харпер спросила меня, сплю ли я с другими женщинами. — Лицо Грейс застыло, и ее улыбка тут же увяла. — Я ответил ей, что, конечно, нет.

Я хотел спросить ее, может ли она сказать мне то же самое. Я знал, что она не встречается с другими парнями, но мне нужно было это услышать от нее. Мы оба смотрели друг на друга, прежде чем она ответила на мой молчаливый вопрос. Она произнесла на выдохе:

— Я тоже.

Я попытался скрыть улыбку, но она прижалась своими губами к моим, мягкими и уверенными. Я обхватил ее лицо в ладони.

Мне хотелось заорать от радости. И беспокойства о том, что я начинаю переживать за конкретного человека — женщину, которая заботиться обо мне, вызывало чувство, что ее забота тронула меня.

Ее губы на моем подбородке вернули меня к Грейс, к радости. Она пахла вишней — спелой и сладкой. Я передвинул ее ноги.

— Я знаю, что мы не долгое время вместе, но в тебе есть что-то такое, что мне очень подходит.

И я точно понял, что она имела в виду. Словно мы разошлись, а потом нашли дорогу друг к другу. Но это не избавило меня от страха в мили беспокойства, который я ощущал по данному вопросу. И насколько бы я не заботился о ней, эти же чувства и вызывали у меня страх.

— Я несказанно рад, что познакомился с тобой, Грейс Астор.

— Это чувство взаимно, Сэм Шоу.

Ее хихиканье завибрировало у меня на груди, и я придвинулся к ней поближе.

— Расскажи мне о картине, которую мы видели тогда в витрине галереи. Харпер сказала, что ты продала ее, чтобы открыть свою галерею, и что именно эта картина положила начало твоей любви к искусству. Это правда?

Она убрала руки с моего лица и пожала плечами. Расслабляясь у меня на груди, прижавшись.

— Ее продали. Я узнала об этом вчера. Я прошла мимо той галереи, она исчезла, естественно я не могла не поинтересоваться ее судьбой. Какой-то покупатель с Ближнего Востока.

Я обхватил ее руками.

— Мне жаль, Грейс.

— Насколько бы это мне не нравилось, благодаря ей, у меня теперь есть своя галерея. Мне не следует грустить по этому поводу.

Я погладил ее по спине, пока радость, струящаяся из меня, не сменилась разочарованием, что я никак не мог ей помочь.

— Мне хотелось бы все исправить.

Она дотронулась до моей щеки и чмокнула.

— Харпер не стоило рассказывать тебе об этом.

— Я рад, что она все рассказала. Мне хочется знать, что тебя беспокоит. — Да, всю свою жизнь я провел, как только погибли мои родители, пытаюсь больше ни к кому не привязываться, не беспокоиться и не переживать, но Грейс явно нарушила все мои правила. Я готов был сделать все, чтобы она была счастлива и чувствовала себя защищенной.

Она крутилась в моих объятиях, поэтому оказалась лицом к лицу ко мне.

— Помимо того, что ты очень заботишься о других, понравилась ли тебе Харпер?

— Мне понравилось, что она переживает за тебя.

— Она не угрожала тебе? Энджи тонко, но угрожала.

Я усмехнулся. Энджи не могла никого обидеть, но в ней срабатывал защитный рефлекс.

— Правда?

— Она рассказала мне, как ты ударил ее мужа, потому что решил, что он ей изменяет. — Она подняла мою руку, положив свою ладонь на мою.

— Это был единственный раз, когда я ударил мужчину.

— Ты со многими дрался? — спросила она, взмахнув головой.

— Я делал, что считал необходимым, пытаюсь защитить себя и Энджи. — Часто я сдерживался большую часть времени, но в нашем детдоме была группа из четырех парней, которые терроризировали не только нас, после того, как я сломал нос их лидеру, они оставили нас в покое. Уроки кунг-фу, которое я изучал еще до смерти моих родителей не прошли даром.

— Мне жаль, Сэм. Мне хотелось бы что-то тогда исправить для тебя, — ответила она.

Я зарыл свое лицо ей в шею, потому что не хотел, чтобы она видела выражение моего лица. Это было для меня совершенно ново, обо мне никогда никто, кроме Энджи, больше не заботился. Мне хотелось с верха Эмпайр-Стейт-Билдинг крикнуть, насколько это было все невероятно, но беспокойство и боязнь удерживали меня от спринта по Пятой авеню в это здание.

Всегда ли я буду переживать и волноваться, или Грейс каким-то образом удастся убрать мое волнение и страх за своих близких из моей жизни?

Глава 16

Грейс

Он гладил меня по ноге, когда мы довольные сидели на диване, я, уперев спину к его груди. Я не могла вспомнить, чтобы у меня был лучший день рождения за все мои годы. Сэм сделал этот день намного лучше. В отличие от предыдущих мужчин, с которыми я встречалась, он преодолевал трудности сам. Он не ждал поддержки со стороны других, которые могли разрешить его проблемы или создать для него лучшую жизнь. Наконец-то я встретилась со взрослым, возмужалым мужчиной. Но свидания мне казались слишком несущественным словом для того, что происходило между мной и Сэмом.

— Знаешь, что стало бы прекрасным завершением этого дня рождения? — Спросила я, улыбаясь ему.

— Что, Грейс Астор?

Я пожала плечами и ответила:

— Оргазм.

— О, я понимаю. — Кивнул он. — И ты думаешь, я не соглашусь?

Мой смех прервался, как только он скользнул под низ моего платья.

— Сегодня мой день рождения.

— Ты правда думала, что я проведу с тобой вечер, и ты не будешь головой подо мной? — Он приподнял ткань, его ладонь ощущалась шершавой у меня на бедрах, и каждая клеточка во мне напряглась от его прикосновения.

Атмосфера вокруг нас изменилась, и я изо всех сил старалась успокоить свое прерывистое дыхание. Всего лишь его мимолетно произнесенные слова и его пальцы на моих бедрах заставили меня умолять его о большем.

— Ты думаешь, что я не замечаю, как меняется твое дыхание, когда я прикасаюсь к тебе. Сегодня увидев тебя в ресторане, думаешь я не обратил внимание, как затвердели твои соски, когда я обнял тебя за талию?

От этого человека скрыть что-либо фактически невозможно. Да, я и не хотела ничего скрывать.

Его пальцы подобрались к моим трусикам.

— Я знаю насколько сильно ты меня хочешь. Я тоже очень сильно тебя

хочу. Каждую секунду. Ты даже не представляешь, что я чувствую. — Его палец вошел между моими складками киски, я ахнула отчасти от удовольствия, но в основном от облегчения, что он был здесь со мной, заставляя почувствовать себя так хорошо во всех отношениях. — Представляя, как ты обхватываешь мой член.

Я сжала ногами его бедра по обе стороны и подтолкнула себя немного вверх, желая, чтобы его палец вошел поглубже.

Я стала снимать с себя блузку, также желая почувствовать его руки на себе. Кнопки были жесткими, не разработанными, а я была такой нетерпеливой. Его пальцы входят туда-сюда, пока он свободной рукой помогал мне расстегивать кнопки. Я немного отодвинулась от него, как только он взял власть в свои руки.

— Почему ты думаешь, что если не можешь сама без этого обойтись, то смогу я? — спросил он.

Именно поэтому он настолько отличался от всех, с кем я встречалась, потому что каждый раз он показывал, что мы равны. Несмотря на то, что мы прошли совершенно разный путь по жизни до сегодняшнего дня, мы хотели друг друга по одинаковым причинам, причем очень сильно.

Он спустил мой лифчик, и я застонала, как только кружево задело мой сосок. Он застонал в ответ, вытащив руку из моих трусиков. И прежде, чем у меня возникла возможность запротестовать, он поднялся на ноги вместе со мной, и я оказалась спиной к нему.

— Постой, — произнес он, поставив меня на ноги и отодвигаясь. Он снял с меня все, начиная от моей блузки, пока я не оказалась полностью голой перед ним.

Я чувствовала, как его руки скользят по моим щиколоткам. Должно быть, он стоял на коленях у меня за спиной.

— Я хочу всю тебя. — Он соединил мои ноги вместе. Его движения не были трепетными, а скорее поддразнивающими, уверенные и собственнические. Он двинулся ладонями вверх по задней части моих бедер, сжал задницу, разминая. — И твою прекрасную задницу, Грейс Астор. Она тоже моя.

И как бы хорошо это ни было, когда он дотрагивался до меня, я чувствовала, что очень ему нравлюсь. И мне это очень понравилось.

— Да, — выдохнула я.

— И это. — Его руки опять заскользили по моим бедрам. Он поднялся, прижавшись щекой к моей. — И эту красивую киску, — сказал он, резко дотронувшись пальцем до клитора. — Это все тоже мое. Все. Каждая часть тебя.

У меня тут же ослабли колени. Это правда. Мое тело отвечало на его прикосновения так, будто я ждала их всю свою жизнь, и только теперь встретила. Впервые я пробудилась ото сна.

Другая его рука ухватила мою грудь, и мне захотелось раствориться в нем, стать его частью. — Скажите мне, что ты вся моя, — прошептал он.

Я запрокинула голову назад, запуская пальцы ему в волосы.

— Ты знаешь это.

Его рука оставила мой клитор, послышался звук раскрываемой молнии, от которого я почувствовала себя намного лучше.

— Презерватив, — с трудом удалось мне выдохнуть.

Он притянул меня к себе.

— Надел.

Его пальцы заскользили между моими ягодицами, кружа по сморщенному анусу, вызывая дрожь во всем теле.

— Такая мокрая, Принцесса. Это я делаю тебя такой мокрой? — Я смутилась от того, насколько сильно он меня возбуждал. И не было смысла пытаться скрыть это от него. Он же сказал, что видит меня насквозь.

— Ты.

А потом я почувствовала. Его головку. Горячую, жесткую головку.

Сэм дотронулся головкой своего члена до моего входа в задницу, заставляя меня выждать.

— Сэм. Хватит пытаться меня. Сегодня мой день рождения.

— Тебе так хочется, что аж больно, да? — Голос звучал низко и грубо. — Вот что ты делаешь со мной. Я так сильно хочу тебя, что мне аж больно.

Прежде чем я успела переварить его слова, одним быстрым движением он вошел в меня. Облегчение, удовольствие и желание смешалось все в одно. У меня подкосились колени.

— Эй, красавица, — произнес он, поддерживая меня за талию. Он насадил меня на себя. — Для тебя не слишком?

Да, это было слишком много, слишком всего, слишком ощущений...

— Сэм, — прошептала я. У меня все перепуталось в голове, и я не могла подобрать правильные слова. И не могла внятно сказать ему, насколько было хорошо.

Он вышел и подвел меня к дивану. Я опустилась на него сверху.

— Мы можем двигаться в твоём темпе. Сделать так, как тебе нравится.

Я закрыла глаза и потерялась в эйфории. Как только открыла, встретила с его взглядом. У него на лбу выступил пот, и я провела пальцами по его волосам.

— Мне нравится быть с тобой во всех отношениях.

Он приподнял мои бедра и снова притянул меня к себе. Хотя я чувствовала слабость, но диван и его руки поддерживали меня, и я уперлась ладонями ему в грудь.

Он лениво моргнул, полностью сосредоточившись на моем лице, слегка начиная приподнимать меня за бедра, а затем опуская вниз. Я разрешала ему передвигать меня, наблюдая за ним, как сжимается его челюсть всякий раз, когда он резко входил. Он двигался настолько глубоко, и я настолько прекрасно себя чувствовала от этого.

Я сосредоточилась на его пальцах, которые с силой сжимали мои бедра, и жестких напрягающихся мышцах его торса под ладонями. Я хотела сделать все, чтобы замедлить этот момент, мне хотелось, чтобы он длился вечно.

Под набухшими веками он переводил взгляд от моего лица к моей груди каждый раз, когда она подскакивала от его толчков.

— Ты выглядишь такой прекрасной, — прохрипел он.

Я вздрогнула, он застонал в ответ, потому что я невольно сжала внутренние мышцы вокруг его члена.

— Господи, Грейс. — Он замер на полпути, напрягаясь.

Я прикусила губу, чтобы не закричать, но это не помогло, я закричала с мольбой. За все. За Сэма. И чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Я начала двигать бедрами быстрее, увеличивая толчки, ускоряя наше удовольствие, закручивающее нас обоих.

Я так же сильно хотела его, как и он.

Я хотела этот момент.

Я впилась в его грудь, ногти погрузились в кожу, и он принял сидячее вертикальное положение, прижимая нас грудь к груди, найдя ртом мои губы.

Его поцелуи были порывистые и резкие, как будто он хотел влить в меня свою энергию, которая у него осталась. Дыхание тоже было резким, он застонал.

— Я чувствую тебя. Ты сжимаешься. Ты уже почти... — И прежде чем он успел закончить свое предложение, я упала в спираль оргазма, и он последовал за мной, оторвав свои бедра с дивана. Выражение его глаз было таким же — возбужденным и любящим, когда мы смотрели друг другу в глаза, испытывая сокрушающий оргазм.

И с Сэмом Шоу в этой жизни я больше не хотела ничего.

*

— Они оба великолепны — идеальное сочетание надежности и

мягкости, — сказала я, рассматривая потолок «Бергдорфа», пока Сэм устраивался лежа рядом со мной на кровати. Мы занимались покупкой мебели, покупкой кровати, если быть более конкретной,.. мы сузили выбор до двух. — Ты должен принять решение. Это твоя кровать.

— Ты будешь спать на ней также, как и я, — ответил Сэм.

Я повернулась к нему лицом, не пытаясь скрыть свою ухмылку. В течение нескольких недель после моего дня рождения, мы перестали обсуждать, где будем находиться по ночам каждый день. Каждую ночь мы проводили вместе, он приезжал в Бруклин, потому что я отказывалась спать на его матрасе. Я могла сопротивляться, когда он называл меня Принцессой, но матрас на полу был для меня шагом, который я не могла преодолеть.

— Почему бы не купить оба? У тебя ведь четыре спальни, которые, в конце концов, нужно как-то обставлять.

Но отсутствие кровати было всего лишь одной из причин, почему я не хотела возвращаться к нему в апартаменты. Парк Авеню для меня был символом всего того, чем я не хотела бы стать. Я не хотела быть Принцессой Парк Авеню, не хотела выходить замуж за человека, которого не любила, потому что он бы считался хорошей партией для меня. Я не хотела изменять своему мужу и оставаться с ним, потому что не могла заставить себя лишиться всей этой жизни. Вся эта жизнь с ее атрибутикой для меня не особо имела значения.

Я не хотела превращаться в свою мать.

В жизни было столько всего, что мне казалось, что Парк-Авеню, 740 — мое прошлое, но не мое будущее.

— Мои апартаменты удобны для нас обоих, быстрее добираться нам до работы, — сказал Сэм.

Он никогда не упоминал о том, что мы всегда ночевали у меня в Бруклине, поэтому я не знала, что для него это могло быть проблемой.

— Ты бы предпочел, чтобы мы оставались у тебя?

Он сел, спустил ноги с матраса и стал подпрыгивать вверх-вниз.

— В этом есть смысл. Это ближе.

— Согласна, — ответила я. — И мы не обязаны проводить каждую ночь вместе. — Наши отношения с Сэмом развивались очень быстро. Напряженные пару месяцев, и хотя все казалось правильным, даже идеальным, но вероятно, было бы неплохо время от времени иметь немного личного пространства. Он мне очень нравился, он напоминал мне вспышку молнии на совершенно голубом небе, но мне было немного грустно, что приходилось сдерживаться в своих чувствах. Я была уверена, что,

предложив ему передохнуть друг от друга, он с удовольствием воспользуется этой возможностью.

Сэм перестал подпрыгивать и нахмурился.

— Ты не хочешь оставаться у меня?

Я пожала плечами.

— Мне нравится Бруклин.

— Потому что это твой дом или по какой-то другой причине? — Он протянул руку, предлагая мне подняться.

— Парк-Авеню больше не мой дом, — ответила я, не подавая ему руки. — Я не та Принцесса, которой ты меня считаешь. — Разве он не счастлив, что я даю ему возможность не встречаться со мной почти каждую ночь?

Сэм встал и обошел кровать, возвышаясь надо мной.

— Мне кажется, что я что-то упускаю. — Он внимательно смотрел на меня, как будто пытался прочитать объяснение.

— Ты ничего не упускаешь, — ответила я. — Разве ты не хочешь провести немного времени друг без друга?

Он нахмурился.

— Мне нравятся то, что сейчас. — Я вжалась в матрас. Почему он такой милый? Каждый раз, когда я предоставляла ему возможность разочаровать меня, казалось он удваивал свои положительные качества, заставляя меня почувствовать себя более обожаемой. Этот парень, однозначно, может разбить мне сердце.

— Мне просто легче оставаться у себя дома. У меня вся одежда в Бруклине. Иногда у меня даже имеется еда в холодильнике и...

— И мы спим в кровати, где были другие мужчины до меня.

Я молча смотрела на него. Сэм был самым уверенным мужчиной, которого я когда-либо встречала, но он не хотел иметь ничего общего с моими предыдущими парнями.

— Хорошо. Я готова купить новую кровать. — Это же не ревность заставила Сэма потерять самообладание, а тот факт, что он думал, что из моих бывших никто не был достаточно хорош для меня.

— Ты не думаешь, что легче приехать ко мне домой?

На Парк Авеню все было проще, там никто не мог жить без тонны денег.

Я не собиралась быть втянутой во все это. Я хотела быть с Сэмом, потому что он был честен и искренен во всем, никогда ничего не скрывал от меня. Я не хотела быть с ним из-за его апартаментов или потому что это было ближе к работе.

— Хорошо, мы можем продолжать спать в Бруклине, если ты будешь счастлива.

Сэм изменил мое будущее. Он показал мне, что все может быть по-другому, что у него могут быть деньги, но они не влияли на него... и я не должна позволять себе, чтобы это каким-то образом влияло на меня.

— Мне кажется, ты и твоя квартира — просто идеальны. И мне кажется, что я предпочла бы эту кровать, — произнесла я, садясь.

Может возвращение на Парк Авеню, 740 будет скорее протестом, чем поддавкой жизни, которой я не хотела.

Глава 17

Сэм

— Ты же поладишь с Максом, да? — спросила Грейс, сворачивая с I-95 в сторону дома Макса и Харпер. Наша поездка оказалась долгой, сначала из-за пробок, а затем потому что дороги обледенели, когда мы выехали из города.

— Конечно, — ответил я, взглянув на нее. — Почему бы и нет?

Она никогда не спрашивала меня о моих друзьях, кроме Энджи и Чеза, но думаю, она поняла, поскольку я больше никогда никого не упоминал, что в моей жизни кроме них друзей нет. И кроме нее. Грейс неожиданно потихоньку изменила многое. У меня теперь имелась кровать и диван, и я увеличил количество людей, которые мне были не безразличны и о которых хотел заботиться, почти на пятьдесят процентов.

— Может мне стоит купить автомобиль? — Я арендовал Range Rover для поездки в Коннектикут. — У меня даже есть парковочное место в доме, где я живу.

— Мистер Не Признающий Вещи, хочет купить кое-что, что не сможет заработать ему денег? Ты становишься шопоголиком. У меня была машина, которой я никогда не пользовалась, поэтому я ее продала. Думаешь, ты будешь ею пользоваться?

Мне нравилось дорога и нравилось ехать за рулем, но я не особо был заинтересован в покупке автомобиля. Я хотел отвлечься, проведя выходные за городом. Когда я согласился, для меня это было не столь важным. Я был доволен, что Грейс была счастлива, но когда город остался позади, окружающие декорации стали тревожно знакомыми.

Я больше никогда не ездил в свой старый район в Нью-Джерси. «Хайтаймс» был в тридцати милях от дома, в котором я вырос, и хотя мы с Энджи часто бродили по городу, мы никогда не посещали дом, где я вырос.

Будучи уже взрослым, я не хотел, чтобы мне напоминали о смерти моих родителей. Хорошие воспоминания не стоили того, чтобы снова ворошить плохое.

Я положил руку на колено Грейс. Я решил поехать только ради нее, потому что она того стоила. Она сжала мои пальцы.

— В эти выходные для тебя многое впервые, — сказала она. — Первое совместное путешествие. Первый раз мне приходится видеть, как ты водишь машину. — Она рассмеялась, увидев мое вытянутое лицо. — Первый раз мы останемся у друзей. Первый вечер с Максом и Харпер в их доме. Я имею в виду, понятия не имею, кто мы — на публике. — Она казалась взволнованной, и ее беспокойство было для меня более тревожным, чем мое собственное.

— О чем ты говоришь? — Спросил я.

— Ну, мы одна из тех нежных парочек, которые не могут не дотрагиваться друг до друга постоянно? Мы пререкаемся? Смеемся ли мы над шутками друг друга, несмотря на то, что слышали их раньше? Кто мы такие?

— Ты сумасшедшая. Давай просто будем теми, кто мы есть. Ты все еще остаешься собой. Я остаюсь собой, даже среди других.

— Ты говоришь, будто все так просто. — Она вздохнула. — Надеюсь, ты прав. Того и гляди, я могу подумать при дорожном освещении, что ты слишком сексуальный.

Я начал хихикать.

— Ты такая забавная. Давай остановимся и разденемся, чтобы я смог тебя убедить, что ты не ошибаешься, считая меня сексуальным. — Я остановился, затем включил аварийные огни.

Она схватила меня за плечо.

— Нет, вон их дом на углу. Мы уже приехали.

— Мы можем развернуться. Я хочу убедиться, что ты все еще находишь меня привлекательным.

Она быстро покачала головой, поэтому я свернул назад на дорогу.

Девочка-подросток стояла у машины с ребенком, держа его на бедре. Она помахала нам.

— Это пятнадцатилетняя дочь Макса, Аманда, — сказала Грейс, и я тоже помахал. — Малыш — Эмбер. Лиззи, младшая, наверное, спит.

Было похоже, что здесь много детей.

Харпер вышла нас поприветствовать, когда мы выбрались из машины.

— Я так рада, что ты здесь. — Она обняла нас обоих.

— Харпер! Мне нужна твоя грудь, — крикнул Макс из дома.

— Если бы это было правдой?! — пробормотала она, ведя нас внутрь.
— О, как я скучаю по тем дням, когда Макс стоял первый в очереди на мою грудь.

— Она кормит грудью, — объяснила Грейс.

— Иногда я чувствую себя коровой, — добавила Харпер. — Я просто существую ради своего молока и задаюсь вопросом, убьют ли меня, когда молоко пропадет.

Грейс засмеялась над драматическим заявлением Харпер.

— Добро пожаловать в Коннектикут, Сэм.

Харпер повернулся и ухмыльнулась.

— Да, добро пожаловать. И ты, наверное, будешь рад узнать, что тебе не придется кормить грудью, пока ты будешь здесь.

— Я ценю это, — ответил я.

Как только мы вошли в дверь, Макс поцеловал Грейс в щеку, а затем передал ребенка Харпер, прежде чем пожать мне руку.

— Давайте выпьем пива. Мне нужно отпраздновать двойное увеличение мужского пола в этом доме, — сказал Макс, нырнув в холодильник и вытащив бутылку вина, и два пива.

— Я сцеживала молоко всю неделю, чтобы выпить сегодня вечером, — сказала Харпер. — Мы все счастливы, верно? — воркуя спросила она Эмбер. — Тебя кормят, а я пью. Идеально.

Я не знал уместно ли будет смеяться над грудным вскармливаем, поэтому постарался сохранить нейтральное выражение на лице.

— Можно мне выпить, пап? — спросила Аманда. — Во Франции дети моего возраста пьют вино за ужином.

— Ну, мы не во Франции, — ответил Макс.

Аманда закатила глаза и передала Эмбер Грейс, которая сморщила губки. Эмбер поцеловала ее. Им было явно комфортно друг с другом. Таковую Грейс я еще не видел.

— Вниз, — сказала Эмбер, извиваясь на руках Грейс. Грейс нагнулась и поставила ее на пол.

Она взглянула на меня.

— О чем задумался? — спросила Грейс, обхватив меня за талию.

— Он думает, что это место похоже на зоопарк, — ответила Харпер.

Не совсем, но было шумно и хаотично, расслабленная, семейная обстановка, которая всколыхнула что-то скрытое в глубине меня.

— Почему бы тебе не начать готовить ужин? — предложил Макс. — Аманда приготовит лазанью.

— Ты же поможешь мне, да? — поинтересовалась Аманда.

— Я буду наблюдать, но ты можешь приготовить все сама. Ты тысячу раз видела, как я ее готовлю. Ты поступишь через пару лет в университет. Тебе нужно научиться готовить. Я тебя балую.

Я вспоминаю, как мой отец готовил по выходным. Он несся к маме в ванную, а затем готовил ужин, поставив меня на стул рядом с собой, пока я не стал уже выше ростом, что мог дотянуться до столешницы самостоятельно, мы говорили о школе, я что-то мешал и тер сыр, как мне казалось — я помогаю. Аманда сейчас была на несколько лет старше, чем я, когда последний раз готовил с отцом.

— Ты имеешь в виду, что мне нужно научиться готовить, потому что я девочка.

— Нет, тебе нужно научиться, чтобы ты смогла сама себе приготовить домашнюю еду. Перестань быть занудой. — Макс восседал на одном из барных стульев напротив стойки. — Мы будем наблюдать, как ты готовишь, — сказал он, когда Аманда повязала фартук.

У моего отца была такая же любовь ко мне, которую я видел в глазах Макса?

И я знал ответ на этот вопрос. Я узнал его по выражению лица Макса, которое каждый раз видел на лице своего отца, когда он смотрел на меня.

— Выложи все, что тебе может понадобиться, на столешницу, — произнес Макс, повернувшись ко мне. — Как дела?

Благодарный за то, что меня прервали от воспоминаний, я ответил:

— Хорошо, на самом деле. — Грейс и я заняли места рядом с Максом. — Конкуренция — жесткая в данный момент, но думаю, что возможность всегда есть. Это останавливает людей от игры на рынке недвижимости, словно это игра в блэкджек, и мне кажется, что кто-то да выиграет. — Я сделал глоток пива.

— Я видел, что ты разрабатываешь сайт парка Бэттери.

— Да. Отличное место. Я считаю, что в данный момент это место себя не окупает.

Уже долгие годы мое взаимодействие с социумом состояло из Энджи и Чеза. Я не привык к новым людям, и я не привык, чтобы не на работе мне задавали вопросы о моем бизнесе. Воспоминания о моем детстве нахлынули на меня в полной мере. Я пытался убедить себя, что Коннектикут с Максом и Харпером не похож на дом, в котором я вырос, на дом моего детства, потому что у меня никогда не было братьев и сестер. И весь шум на заднем фоне — плач младенцев, смех взрослых — и вся детская атрибутика, которая была видна в каждой комнате в доме, были для меня чужды.

Но несмотря на все это, у меня было слишком много общего, чтобы не помнить своих родителей.

Я позабыл о чувстве семьи и любви. Я похоронил воспоминания о тех временах со своими родителями и утрамбовал землю на могиле, не дай Бог они всплывут. Почти пятнадцать лет они оставались похороненными. Но именно в эту минуту земля дала трещину и задрожала.

Я чертовски старался устоять.

— Грейс, Сэм лучше, чем другие твои парни? — спросила Аманда, пока мы продолжали наблюдать, как она готовит ужин. — Харпер сказала, что ты встречаешься с неудачниками.

— *Харпер!* — прокричала Грейс своей подруге, сидящей на диване. Макс закатил глаза, я улыбнулся, потому что понял, что именно такой реакции он ожидал от меня на его дочь.

— Что? — поинтересовалась Харпер, положив спящую малышку Лиззи в кроватку, стоящей рядом с диваном.

— Ты сказала, что я встречаюсь с неудачниками? — переспросила Грейс.

Харпер вошла на кухню, открыла холодильник и достала бутылку вина.

— Ты же не будешь отрицать, что это правда. — Харпер прямо посмотрела на меня, освежая свой бокал. — Ты первый порядочный парень, с которым она встречается. Не испорти все.

— Харпер, — опять произнесла Грейс.

Но Харпер была права. Мне, однозначно, следовало все сделать правильно, но я до конца не знал как. Каждый день с тех пор, как погибли мои родители, я старался ничего не хотеть и не желать — Грейс была в этом права. Я боялся потерять что-то дорогое и важное для себя... опять. Сначала было трудно чего-то не хотеть. И даже сейчас, в данный момент, для меня было практически невозможно не ревновать ее к тем, у кого имелись близкие, но с годами стало все легче. Конечно, такое не могло случиться за одну ночь, но медленно, очень медленно, закаленная оболочка вокруг меня выросла и стала моей броней. После этого мне стало легче уже каждый день.

— Что? — воскликнула Харпер. — Это правда.

Я уже давно осознал, что все предыдущие бойфренды Грейс были ее не достойны. Хотя я не был ангелом, но я все же пытался поставить Грейс на первое место, где она и заслуживала находиться. Смогу ли я делать это постоянно? Грейс было здесь комфортно, она попала в счастливую среду семьи и любви. И это тоже у нее должно быть. Я был не уверен, смогу ли предоставить ей такую среду. Я давно спрятал все свои эмоции, исключив

возможность именно такого будущего для себя. Впервые за долгое время я позволил себе захотеть кого-то. У меня не было выбора. Грейс пробила мою броню, не дав мне и слова сказать. Но семья? Дом? Я не мог так рисковать.

Я сделал глоток пива, пытаюсь проглотить и унять свое беспокойство, угрожающее затопить.

— Твоя проблема, — произнесла Харпер Грейс, — заключается в том, что ты наконец-то исправилась.

Грейс крутанула головой и застучала меня за смешком. Это была одна из многих вещей, которые мне нравились в Грейс, именно такой я ее и увидел, когда впервые с ней познакомился. Она нахмурилась и положила руку мне на рот. Я схватил ее за запястье, поцеловав в ладонь, и переплел наши пальцы.

— Я не скажу ни слова, Принцесса.

— Она всегда выбирала подобных мужчин. Парней, которых нужно воспитывать и жалеть, — сказала Харпер.

— Харпер, — посетовала Грейс. Я понял, что ей не нравится слышать подобное, когда ее так описывает подруга.

— Ты все время только отдавала, и отдавала, и отдавала, — продолжила Харпер, полностью игнорируя Грейс, — пока сама не оставалась обескровленной. Словно ты постоянно кормила этих неудачников грудью! Ты встречалась раньше с парнями-подростками, которые так и не стали настоящими мужчинами.

Грейс вздохнула.

— Ну, меня не нужно воспитывать и жалеть, и мне не нужно зализывать раны, — произнес я, понимая, что на самом деле, это неправда. Но я также знал, что никто, даже Грейс, не была способна залечить мои раны. Никто из них не мог очутиться в прошлом и остановить того пьяного водителя. Но понимала ли это Грейс? Или для нее я был просто еще одним парнем, которого нужно будет излечить, а потом вывести в жизнь?

— Мы все немного нуждаемся в небольшом лечении, — тихо добавила Грейс, когда я поглаживал ее спину.

Возможно, мне следовало порвать и уйти от Грейс, но сейчас, когда я находился здесь, у меня не было сил ее отпустить.

— Мне кажется, что Харпер пытается тебе сказать, что ты слишком добрая, щедрая и любящая, — произнес я.

— Харпер выражается в своей обычной манере, — сказал Макс.

— Конечно, именно это я и говорю, — ответила Харпер, натирая сыр. — Тебе не кажется, что я только что стала твоим шеф-поваром? — задала

вопрос она Аманде, которая всего лишь пожала плечами.

— Она обеими нами вертит как хочет, — произнес Макс.

Моя мама сказала бы то же самое обо мне.

— Этого будет достаточно, чтобы положить сверху? — спросила Аманда.

— Да, мадам, — ответила Харпер, а затем повернулась к Грейс. — Послушай, я пытаюсь сказать, что ты одна из самых добрых, самых милых, самых щедрых и преданных людей в мире... и я не думаю, что мужчины, с которыми ты встречалась ранее, заслуживали тебя.

— Я несказанно рада, что именно об этом мы говорим перед Сэмом. Я очень, очень рада, — произнесла Грейс, хотя и улыбаясь, но ее напряженный подбородок сообщил мне, что она чувствует себя неудобно. Я прошелся большим пальцем по ее запястью, желая таким образом успокоить.

— Они не сказали ничего такого, чего бы я не знал, — тихо произнес ей я.

— Так ты одобряешь Сэма? — спросила Аманда у Харпер. — Ты думаешь, он заслуживает Грейс?

Я был уверен, что нет.

— До сих пор он вел себя хорошо, — тут же ответила Харпер.

— Не принимай это на свой счет, Сэм. Она говорит то же самое и обо мне, — вставил Макс, отодвинув барный стул и поцеловав Харпер в макушку, по пути к холодильнику.

— Как ты можешь такое говорить? — возмутилась Аманда.

— Говорить что? — Спросила Харпер.

— Что он заслуживает Грейс, — ответила Аманда.

— По тому, что мне рассказывает Грейс... и судя по того, что я вижу. — Харпер взглянула на меня, передавая тарелку с натертым сыром Аманде. — Он заботливый и любящий, и главное... заставляет ее смеяться.

Грейс улыбнулась и повернула ко мне голову. Я приподнял брови. Неужели я все это делал?

— Помнишь я тебе говорила, что ты должна судить людей по им поступкам, а не по словам? — спросила Харпер.

— Аманде еще не нужны твои советы по поводу свиданий, но спасибо, мой дорогая, — ответил за нее Макс.

— Я бы хотела, чтобы кто-нибудь как можно раньше давал мне такие советы, — ответила Харпер. — Нет, это не совсем то, что я хотела бы сказать. Жаль, что я не последовала этому совету раньше.

— Мне кажется, что у тебя вышло все почти идеально, — заметил

Макс, обхватив Харпер.

Эмбер заплакала из гостинной, и Харпер вырвалась из рук Макса.

— Пей свое вино, — произнес он. — Я разберусь. Для нее слишком много впечатлений, ее пора купать.

— И именно поэтому я вышла за этого парня, — произнесла Харпер, глядя в спину удаляющегося Макса. — Он настоящий ДИЛФ. (*DILF – ДИЛФ, это мужчина от 30 до 50 лет, обеспеченный, красивый, женатый, без ума от своей жены, который постоянно нянчится с детьми, его часто можно увидеть с коляской или с детьми, играющими на площадке и т.д., альтернативный вариант MILF в мужском исполнении. – прим.пер.*)

— Харпер! — воскликнула Аманда.

Харпер пожала плечами, на что Аманда закатила глаза.

— Ты в порядке? — спросила меня Грейс на одном дыхании.

Я кивнул и улыбнулся, поправив ей локон за ухо, и прочертив дорожку пальцем по ее подбородку.

Я перевел взгляд и встретился с глазами Аманды, наблюдающей за нами.

— Ты собираешься выйти замуж за Сэма? — поинтересовалась она, взглянув на Грейс. Несмотря на то, что ее вопрос не был направлен конкретно мне, он, однозначно, застал меня врасплох.

Грейс рассмеялась.

— Возможно.

— Почему только возможно? — спросила Аманда.

Я не выбирал любовь к Грейс, но брак? Я не думал об этом. Никогда. Брак был для других людей, людей, у которых была нормальная жизнь. Мужчин, которые могли быть мужьями, отцами... мужчин, которые умели любить.

— Аманда, ты не должна задавать такие личные вопросы, — произнес Макс возвращаясь.

— Почему не должна? Это же Грейс. Она задает мне гораздо больше личных вопросов.

Я обхватил за край столешницу, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Мне необходимо было что-то твердое... что-то такое, что могло бы придать мне уверенности. Боль, которую я испытывал раньше становилась все больше и больше.

Я попытался сосредоточиться на разговоре, который происходил вокруг меня.

— Ты прав. Я задаю личные вопросы, и двойных стандартов быть не должно, — ответила Грейс. — Мы с Сэмом не так давно знакомы,

возможно когда-нибудь...

Конечно, Грейс понимала, что я не тот человек, который бы подходил на эту роль. Я не мог дать ей троих детей, дом, наполненный любовью, смехом и хаосом. Слишком ответственно.

Слишком многое потом можно было потерять.

— Извините меня, — произнес я, мой стул проскрежетал по плитке на полу на кухне. — Я принесу наши сумки из машины. — Мне нужно было немного воздуха. И немного большее расстояние от той жизни, которую я не смогу дать Грейс никогда. Я не заслуживал ее.

Я был кем угодно, но...

*

— Прости то, что я сказала раньше, — сказала Грейс, когда мы закрыли дверь в домике у бассейна. — О браке, я имею в виду. Знаю, что наши отношения развиваются со скоростью миллион миль в час и...

— Эй, — произнес я, притягивая ее в свои объятия. Ее слова обеспокоили меня, ей не стоило за них просить прощение, — тебе не за что извиняться. Хорошо, что я узнал твою точку зрения по этому вопросу. — Я передвинул нас к кровати и положил ее на спину.

Она потянула меня за рубашку, я наклонился над ней.

— Я тебя напугала своими словами?

— Ты не сказала ничего плохого. С чего мне пугаться? — Я хотел уберечь ее от своих страхов.

Она улыбнулась, рассеянно проведя ногтями по моему скальпу. Ее прикосновение отозвалось прямоком в моем члене. Каждый. Раз. Так. Происходило. Мне необходимо было сбавить ее обороты, сказав, что я не могу дать ей того, что она хотела.

Я застонал, перекатившись на спину, предоставив ей полную возможность действий. Она оседлала меня сверху, и мой член затвердел в четыре раза сильнее под ее киской.

— Ты хочешь сказать, что подумывал жениться на мне? — спросила она, двигая бедрами вперед и назад.

— Нет, я не думал об этом. — И это была настоящая правда, которую она заслуживала. Ее улыбка дрогнула, всего на долю секунды. — Но ты являешься единственной женщиной, о которой я думал бы подобным образом.

Она перестала раскачиваться и попыталась передвинуться, но я схватил ее за ляжки, удерживая на месте.

— Поговори со мной. Брак — это то, чего ты хочешь в итоге?

— Не ради успокоения свой совести, — произнесла она, вперившись взглядом мне в грудь.

— Тогда, я ничего не понимаю. Ты хочешь семью, детей, хаос... и ответственность, грядущие с ними? Такое будущее ты видишь для себя?

— Для себя и мужчины, которого я люблю. — Она смотрела на меня из-под своих ресниц, говоря, что любит меня?

— Нет, Грейс. — Я убрал руки с ее бедер и передвинул ее с себя, сев в вертикальное положение. — Я не тот мужчина, которого ты должна любить. — Закопался рукой в свои волосы. Разве она не понимает этого? Между нами было совсем другое, но явно уж не создание семьи.

— Что значит, ты не тот мужчина, которого я могу любить? — спросила она, глядя мне в спину. Кровать прогнулась, и я почувствовал тепло ее рук на своих плечах. Я слез с кровати, встав во весь рост, чтобы избежать ее прикосновений.

Я не мог пережить ее прикосновения. О чем я вообще думал, связываясь с этой женщиной, разрешив себе переживать и заботиться о ней, и она таким же образом переживала и заботилась обо мне. Я же заранее знал, что все наши отношения могут закончиться только катастрофой.

— Конечно же я могу выбирать, кого мне любить. — Ее голос звучал жестче, чем раньше, а тон был не таким спокойным.

Я даже не мог поднять на нее глаза. Я просто подхватил свою сумку и стал складывать в нее вещи. Мне необходимо было уехать отсюда, как можно быстрее. Вернуться в свои апартаменты, где я мог быть сам по себе... без нее.

— Я хочу сказать, что тебе не стоит выбирать меня. И если ты все же выберешь меня...

— Что тогда? Ты собираешься бросить меня? Потому что я тебя люблю?

Она перестала изъясняться намеками, а открыто сказала то, что думает.

— Не говори так. Ты не можешь меня полюбить. И я никогда не смогу полюбить тебя.

И тут же меня что-то ударило по голове... возможно, мой же ботинок.

— Ты самый настоящий засранец, Сэм Шоу. — Ее голос надломился, произнося мою фамилию. — Несколько месяцев ты пытался мне доказать, что ты самый лучший мужчина, которого я встречала в своей жизни, кроме моего отца. — Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не смотреть на нее, поскольку она начала плакать. Мне захотелось ее обнять, прижать к себе,

чтобы ей было лучше и сказать, что на самом деле, все не так. Но я промолчал.

— Что мне теперь делать? Просто не обращать внимания, насколько ты замечательный... и как особенно ты ко мне относишься? Я люблю тебя. И если ты не любишь меня, тогда нам стоит разойтись, но ты не смеешь мне указывать, что я не могу тебя любить.

Чем больше она использовала слово (любовь), тем слабее я становился. Я ненавидел саму мысль, что мне нравилось его слышать. Она захлопнула дверь в ванную комнату, и я услышал ее рыдания из-за закрытой двери. Наши пути разошлись. Но ее слова что-то разбудили во мне. Я был не уверен, что смогу ее оставить.

Я бросил джинсы, которые схватил и опустился на стул в ногах кровати, обхватив голову руками. Как бы мне не хотелось, чтобы это было правдой, но факт, что Грейс любила меня, не говорил о том, что мой мир рухнул... пока еще нет. Но, в конце концов, именно так и будет?

Ее рыдания слышались из ванной комнаты. Мне совершенно не нравилось слышать ее плач. Более того, я ненавидел, что вызвал у нее слезы.

Дерьмо. Что я собирался сделать? В конце концов, я задолжал ей правду. Мне следовало ей сообщить, что я чувствую на самом деле.

Поэтому я поднялся и направился в ванную, тихо стукнув в дверь.

— Грейс, — позвал я, — прости меня. — Могу я войти? Мы никогда раньше не ссорились. — Можно мне войти? — Она не ответила, и это означало «да»? Я повернул ручку, с облегчением выдохнув, что она не заперлась от меня. То есть в физическом плане она не отстранилась от меня, хотя это возможно было бы лучше для нас обоих.

Грейс сидела на краю ванны, пустив голову. Мне не нравилось видеть ее такой грустной. Я не привык видеть ее в подобном состоянии. Мне нравилось чувствовать ее уверенность и улыбку, мне нравилось, как она кокетливо покачивала бедрами или вскидывала голову, наклонив в сторону.

— Грейс, я не пытаюсь здесь сейчас с тобой порвать отношения.

Она сидела, словно замороженная.

Я сел рядом, прижимаясь бедром к ее бедру. Несмотря на то, что всего лишь несколько секунд я был вдали от нее, для меня этого показалось слишком долго.

— Прости. Просто..

— ... я перешла черту. Я все поняла. — Она резко встала, и я схватил ее за запястье.

— Позволь мне закончить. Я понимаю, что расстроил тебя, но ты

должна дать мне возможность объясниться. Сядь, пожалуйста,.. я многое вспомнил...

Ее тело немного наклонилось вперед, но она выжидающе продолжала стоять передо мной.

— Про родителей. О чем я очень давно не вспоминал, потому что эти воспоминания меня разрезают на тысячи мелких кусочков.

— Какие воспоминания? — спросила она, ее голос оставался нейтральным, как будто она готова была рвануть в любой момент подальше от меня, чтобы каким-то способом отгородиться от боли.

Мне хотелось, чтобы она узнала все, но мне совершенно не хотелось проходить через агонию, произнося свои слова. Именно поэтому мне было так легко дружить с Энджи. Она знала обо всем, с самого первого раза знала обо всем.

— Пребыв здесь, я вспомнил свой дом, в котором вырос и своих погибших родителей. Этот дом очень похож на тот, в котором я жил. — Я глубоко вздохнул, желая успокоиться. — И этот дом вызвал во мне некоторые воспоминания, которые я пытался забыть, потратив на это много времени.

— Ты никогда ничего не рассказывал мне о них, — произнесла она, ее тело немного ослабло против моего.

— Да, знаю, но тут дело не в тебе. Я ни с кем о них не говорю. Мои родители уже больше никогда не вернуться, поэтому мне казалось, что легче забыть обо всем, что было. — Я уперся локтями в колени, а голову опустил на руки. Мне не хотелось ей ничего рассказывать, но она явно заслуживала услышать правду. — И как только я вспоминаю чего лишился... что я потерял... опять накатывает боль.

Ее бедро снова уперлось в мое, и она стала поглаживать мне спину. С нежностью, которая просто разрывала меня на части.

— Я потерял все — весь свой мир, когда умерли мои родители. У меня было такое чувство, будто меня наказывают за что-то, чего я не совершал, отправляют в тюрьму за преступление, которое я не делал. Их смерть была несправедливой, а последствия — незаслуженными.

Она прижала губы к моему плечу, успокаивая меня этим жестом. Она стала особенной для меня. Как я позволил такому случиться?

— Забыть о них — стало моим побегом. Я больше никогда не хотел проходить через что-то подобное снова... и убедил себя, что такого больше не повторится. И сам для себя я дал обещание ни о ком больше не заботиться, не переживать и никого больше не любить.

— Но ты переживаешь и заботишься обо мне, Сэм, я знаю, что я тебе

не безразлична. Я чувствую это.

Я потянулся к ее руке, все еще не в состоянии поднять на нее глаза, но мне все равно захотелось ее успокоить.

— Я знаю. Но искал я другого, и я не выбирал это.

— Прости, — прошептала она. — Мне не следовало привозить тебя сюда.

Мне не хотелось, чтобы она мучилась и страдала из-за того, что мы приехали к ее друзьям на выходные.

— Ты тут не причем. Я понятия не имел, что встреча с Максом и Харпер заставит меня многое вспомнить. И увидев тебя с ними... ты заслуживаешь такого же счастья.

— Ты не хочешь вступать в брак и иметь семью?

И произнесенные ею слова, заставили мой пульс ускориться.

— Я никогда не думал, что я пройду этот путь.

Тишина между нами росла, никто не двигался, пока она не отпустила мою руку и не начала стягивать рубашку.

— Подними руки, — попросила она, стягивая ее через голову. — Вот. — Она прошлась подушечкой пальца по контуру моей татуировки.

Жди и надейся.

— Вот, кто ты на самом деле. Я знаю, что ты сирота, жертва, ребенок, испытывавший горе. Но ты также и оптимист. Разве ты не видишь? Особенность героя заключалась в том, что ему пришлось ждать годы, пришлось копать туннель и сражаться с пиратами, но в конце он нашел свое блаженство. Жизнь — это шторм, любовь моя.

«Жизнь — это шторм, мой молодой друг.

Ты будешь нежиться на солнышке в один момент, а другой тебя может разбить о скалы.

И что сделает тебя мужчиной, так это то, когда ты выживешь после шторма.

Ты должен видеть надвигающийся шторм и кричать ему, как делали это в Риме:

«Сделай свое грязное дело, а я сделаю свое».»

— Штормы будут, Сэм, но я хочу пережить их вместе с тобой.

Я повернул к ней голову.

— Я хочу, чтобы мы вместе пережили все штормы. — Это было единственное, в чем я был уверен. Я не был уверен смогу ли дать ей семью и дом, который у меня был. Но мне захотелось попробовать.

*

Я никогда раньше не ходил на рыбалку, но сейчас сидел с Максом в креслах на берегу реки, попивая пиво и наслаждаясь свежим воздухом Коннектикута, я удивлялся сам себе, почему я никогда раньше не ходил на рыбалку?

— Вокруг так хорошо, — произнес я.

Макс рассмеялся.

— Да. Иногда в доме происходит полный хаос, поэтому хорошо провести пару часиков в тишине.

— Но тебе нравится, — спросил я, — ...хаос?

— Конечно. Я люблю свою семью, но это не значит, что я не люблю иногда скрыться от безумия. Вот почему мы здесь, несмотря на то, что чертовски холодно.

Я оглянулся на дом, виднеющийся вдалеке. Дом для семьи Макса и Харпер был построен на пологом склоне, имеющим спуск к реке. Листья на деревьях уже опали, но их ветви, как полог, стояли над чистой спокойной водой. Место было прекрасным.

— Мы с отцом ходили на рыбалку, чтобы сбежать от трех девчонок в доме. Иногда Вайолет присоединялась к нам, но обычно был только я с отцом.

— А Харпер не возражает?

— Нисколько. Она считает минуты, которые я провожу здесь, зная, что она тоже получит своеобразную отдушину в свое время.

Я засмеялся.

— Кажется справедливым.

— Это работает в обоих направлениях. Но мы также проводим время вместе, оказывается это легко, несмотря на то, что у нас дети.

Макс делился своим опытом, как будто считал само собой разумеющимся, что Грейс и я в скором времени создадим семью. Для многих пар это вполне естественный ход событий. Как бы я ни хотел попытаться открыться Грейс, для меня это будет не легко, если учесть, что всю свою жизнь я пытался избегать личных отношений.

— Это большая ответственность, — пробормотал я почти про себя.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил Макс, с щелчком закрыв коробку с рыболовными снастями.

— Понятно же, что, имея троих детей, у вас возникают проблемы в передвижении, и кроме того, вы, как родители, беспокоитесь потерять их, боитесь, чтобы с ними ничего не случилось? — Были ли мои страхи иррациональными, вызванными только тем, что я пережил, или все проходят через это?

Макс нахмурил лоб, пригубив свое пиво.

— Постоянно. Аманда, когда перешла в старшие классы, чуть не довела меня до сердечного приступа, я переживал из-за наркотиков и алкоголя, ты понимаешь, о чем я? — Он прищурился от солнца, взглянув на воду. — Она уедет немного больше, чем через год. — Он вздохнул. — Я стараюсь не думать, что может случиться с детьми. Харпер со стороны кажется крутой, но, на самом деле, не такая. После рождения Эмбер, буквально через несколько недель, я решил ее вытащить на ужин, пока у нас гостила моя мама. — Он облокотился на спинку кресла. — Моя мать воспитала троих детей плюс Аманду. Она водит машину, умеет пользоваться телефоном и гораздо спокойнее, чем Харпер или я в этом вопросе. Но всю дорогу до ресторана Харпер причитала, поскольку боялась, что с Эмбер за два часа может произойти что-то ужасное.

Он стал возиться с удочкой.

— Быть ответственным за другого человека — это самое страшное, что может быть в жизни, но также и самое ценное. — Макс улыбнулся. — Это достояние, и оно бесконечно более важное, чем любой бизнес, который ты можешь создать.

Я сделал еще один глоток пива, допил и поставил бутылку в траву. Я понял, о чем он говорил, но ему никогда не приходилось проводить свои дни в детском доме. Он никогда до конца не осознает, что означает свобода, подкрепленная финансами... именно это и предоставлял для меня мой бизнес.

— Но я могу контролировать успех своего бизнеса в какой-то степени... я могу принимать решения, которые позволят сохранить мне мои деньги. Это же нельзя применить к людям.

Макс молчал какое-то время. Мы оба прекрасно проводили время, наблюдая за поверхностью воды и поплавками.

— Ты любишь смотреть футбол? — спросил он через несколько минут. Я отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Бейсбол? У тебя есть любимая спортивная команда?

— Хоккей. «Нью-Йорк Рейнджерс». А у тебя?

— «Ред Сокс».

— Правда?! В стране фанатов янки? — Бьюсь об заклад, он скрывает это ото всех.

— Что я могу сказать? Мне нравится риск. В смысле, Господи, ты же фанат хоккея. В любом случае, ты не надеешься, когда смотришь игру своей любимой команды, что они каждый раз будут выигрывать, не так ли?

— Определенно нет, если ты поклонник «Ред Сокс».

Он усмехнулся.

— Это жизнь. Здесь нет гарантий. Но когда твоя команда выигрывает, все становится по-другому, а? Ты же знаешь, что она не будет выигрывать каждый год. Но в даже в трудные времена, ты все равно продолжаешь болеть за них. Также и дети. Ты знаешь, что будут трудности, причем не мало, и ты будешь ужасно переживать и волноваться. Но это стоит того, когда они улыбаются и говорят, что любят тебя. Поверь мне, это того стоит.

Мои родители, наверное, постоянно беспокоились обо мне. Но они никогда не показывали мне своего беспокойства. Они научили меня ездить на велосипеде и переходить улицу. Они понимали, что не смогут защитить меня от всего на свете, не пытались меня сдерживать и не выпускать в окружающий мир, потому что знали, насколько он может оказаться опасным. Все, теперь я понял, что мое счастье всегда стояло в приоритете для них. И я был уверен, что если бы сейчас они были все еще живы, они хотели бы, чтобы я влюбился и мне ответили взаимностью.

Возможно я все время их расстраивал, сдерживая себя, закрыв свои чувства на все эти годы?

Но даже, если я откроюсь любви, в состоянии ли я рискнуть своим здравомыслием, своим сердцем, своей жизнью без каких-либо гарантий, что смерть не отнимет у меня все, что я люблю? Снова?

Одно я точно знал, я пережил потерю уже один раз, но я был недостаточно силен, чтобы пережить ее во второй.

Глава 18

Грейс

— Как хорошо оказаться дома. — Я сбросила туфли еще до того, как закрылась входная дверь. Поездка назад из Коннектикута по времени была почти в два раза дольше, чем туда, и я хотела залезть побыстрее в ванну и забраться в кровать.

— Ты плохо провела время? — спросил Сэм, забрав у меня пальто и повесив.

Я ухмыльнулась тому, как у нас превратилось в привычку, как только мы приезжали в Бруклин.

— Отлично. Но я всегда рада вернуться домой.

— Знаешь, о чем я тосковал? — спросил Сэм, останавливая меня у входа на кухню и обхватывая за талию, притягивая к себе, чтобы я смогла почувствовать его эрекцию.

— Как долго ты находишься в таком состоянии? — спросила я.

Он наклонился и поцеловал меня в шею.

— Все выходные, — ответил он. — Это была настоящая пытка.

Я хихикнула.

— Спасибо, что не терся об меня перед Максом и Харпер. — После нашей ссоры секс не стоял на повестке дня. Но, несмотря на отсутствие физической близости, после разговора в домике у бассейна о родителях Сэма, я почувствовала, что мы сблизились еще больше.

— Ну, мой контроль на грани. — Он повел меня в спальню. — Я хочу показать тебе, чего ты лишилась.

Пока мы заходили в спальню, он снял с меня блузку и уже успел расстегнуть юбку. Я подпрыгнула, как только моя задница плюхнулась на кровать, наблюдая, как Сэм разделся за рекордно короткое время.

— И что ты видишь? — поинтересовался он, стоя на одной ноге, снимая носок с другой.

Я пожала плечами.

— Одного парня.

— Какого парня, который думает, что ты самая красивая женщина на планете? — спросил он, голый стоя передо мной, и проведя пальцами у меня под коленями. Господи, как настолько мимолетное прикосновение в таком безобидном месте способно сделать меня такой мокрой?

— Возможно, — выдохнула я. Я призналась ему в любви, а он испугался, поэтому мне вполне подходило хотя бы то, что он называл меня красивой. Я знала, что он переживал обо мне и проявлял заботу, и мне необходимо было соблюдать такт по отношению к нему, так как для него наши отношения были совершенно не привычными.

Он наклонился, прижимая меня к матрасу. То, что Сэм рассказал мне о своем прошлом, не заставило убежать от него, как он, наверное, предполагал, наоборот, я влюбилась в него еще больше. То, что он пережил в детстве и в результате стал тем, кто есть сейчас, вызывает у меня уважение и восхищение. Я была в восторге от него.

— Парень, который стал самым особенным.

— И этот парень собирается очень много работать, чтобы стать мужчиной, которого ты заслуживаешь рядом с собой, — произнес он.

Мое тело и разум превратились от его слов в желе.

Он стал оставлять маленькие поцелуи на моем животе, между моих грудей, а затем сдвинул лямки бюстгалтера вниз, отодвигая чашечки и проводя языком по стоящему, напряженному соску. Мои пальцы запутались у него в волосах, пока он продолжал сосать, покусывать и облизывать. Я

приподняла бедра от разочарования. Мне необходимо было, чтобы он почувствовал, насколько я мокрая. Его ладонь накрыла мой живот, прижимая бедра назад к матрасу.

Он отпустил сосок и поднял на меня глаза.

— Так твоя киска просит моего внимания?

Я кивнула, немного смущенная его словами.

— Не сдерживай себя. Мне нравится, что ты хочешь меня, — произнес он, и он поддел мои трусики, средним пальцем дотронувшись до клитора. Потрясающе, он всего лишь едва дотронулся пальцем до моей самой пульсирующей точки, при этом вернувшись к другому соску.

— Прошу тебя, — застонала я, придвигая бедра, пытаюсь потереться о его палец.

— Вот так, — сказал он, медленно кружа вокруг клитора. — Мне нравится это слышать. Несмотря на то, что мы можем спорить и ссориться, а потом мириться. Я хочу знать все твои мысли, моя Принцесса.

— Поцелуй меня, — попросила я с улыбкой. — Но не двигай рукой.

Он ухмыльнулся и прижался губами к моему клитору, его язык все глубже проникал в складочки, а потом и во вход.

— Ощущение настолько потрясающее, как будто я вернулся домой, — произнес он, отодвинувшись, чтобы взглянуть на меня. Это был самый потрясающий комплимент, который сказал мне Сэм. Я понимала, что ему трудно изменить свое отношение, но по его действиям я видела, что он готов попробовать, я же готова была сделать все, все, чтобы помочь ему в этом. Я опустила руки ему на спину.

Быстро расстегнула лифчик и отбросила его в сторону, пока Сэм стягивал с меня трусики. Я обхватила его руками за плечи. Мне нравилось ощущать его кожу под пальцами. Он казался таким твердым, таким... я была в полной безопасности с ним.

Одним быстрым движением он передвинул меня к себе, спиной к его груди, подняв мою ногу вверх и немного назад, чтобы я смогла опереться на него. Мне нравилось, как тепло его тело окутывало меня в этом положении.

— Ты готова, Принцесса? — спросил он, поддразнивая головкой своего члена мою киску.

— Всегда, — ответила я. Я ждала, когда он наденет презерватив.

— Я так сильно хотел тебя все выходные. Нам предстоит многое наверстать. — Он резко вошел, опустив руку мне на бедро, подталкивая с каждым движением к себе. Мое тело испытало настоящее облегчение, как только он оказался внутри меня. Так и должно было быть. Всегда.

— Я столько пропустила, — произнесла я. — Я так скучала по тебе.

— Тебе не стоит скучать по нашему сексу. — Он вышел и снова вошел. — Я постараюсь все наверстать, ради тебя, Грейс.

Его слова с жесткими, уверенными движениями — идеальное сочетание. Он, действительно, имел в виду то, что говорил?

Голова стала пустой, ни одной мысли, как только все тело стало напрягаться и гудеть от изнутри надвигающегося оргазма.

— Черт, — закричал Сэм, резко выходя и перекатываясь на спину. — Я был так близко... слишком близко... я хотел кончить после тебя, — прохрипел он.

И мне понравилось, что ему хватило всего лишь нескольких секунд, он не смог сдерживаться, находясь во мне. Я повернулась к нему лицом и поцеловала его липкую от пота, горячую грудь.

— Прости, — произнес он, поглаживая мою спину. — Я не смог удержать контроль.

— Все в порядке.

Он провел рукой по моему телу, пальцы нашли клитор. Он посмотрел мне в глаза, кружа и сжимая мой маленький бутон. От его взгляда его прикосновения отдавались во мне с нарастающей силой. На этот раз внизу живота сначала разлилась теплота, потом появилось напряжение. Его движения были нежными, но постоянными, как будто он старался отсрочить мой оргазм. Я схватила его за руку, удерживая на месте.

У меня вырвался стон, он зажал мою нижнюю губу зубами, а затем проскользнул языком в мой рот, орудуя уверенно, по-собственнически, напоминая мне, что я принадлежу ему. Я застонала и оросила его пальцы, тело била судорога, пока я растворялась в своем оргазме.

— Господи, мне так нравится видеть, как ты кончаешь, — произнес он, укладывая меня на спину и скользя своим телом по мне.

Я не могла говорить. Просто улыбалась, обхватив его лицо ладонями.

Он вошел в меня, и у него на лице расплылось настоящее блаженство. Его взгляд был настолько сильным и прожигающим, что я стала еще более мокрой, несмотря на то, что только что кончила.

— Господи, — воскликнул он. Мышцы у него на шеи напряглись, я прошлась по ним подушечками пальцев. — Мать твою, Грейс.

Я ахнула, когда он приподнял меня под задницу, чтобы увеличить угол толчков. Я мимолетно услышала, как изголовье кровати бьется о гипсокартонную стену, вероятно появятся трещины, но его толчки становились намного сильнее.

Я приподняла выше ноги, желая предоставить больший доступ. Он

глубже стал входить, его дыхание было отрывистым на моей шеи, словно приправлено словами: «Ты вся моя» и «Навсегда».

*

— Я подумываю, что нам определенно нужна машина, — произнес Сэм, и я повернулась взглянуть на него, пока запирала дверь в свою квартиру, чтобы удостовериться правильно ли я его услышала. — С водителем.

Я точно не ослышалась, что он сказал «нам»?

— С водителем?!

— Да. Мы пользуемся такси каждый день. А водитель может высадить меня у работы, а потом отвезти тебя в галерею. И если кому-нибудь из нас потребуется машина, она всегда у нас будет. Что думаешь, согласна? — Он взял меня за руку, несмотря на то, что спускаться по лестнице бок о бок было немного тесновато.

Он только что спросил меня о нашем совместном будущем... я никогда не слышала ничего подобного от него раньше.

— Ну, я Принцесса Парк Авеню, так что, конечно, я согласна.

На улице было холодно, ледяной ветер завывал, как в трубе. На тротуаре намело немного снега, пока мы были дома.

— Мне кажется, опять пойдет снег, — сказала я, когда Сэм повернулся, чтобы махнуть такси. — Давай пройдемся до угла. — Я потянула его за руку.

— И ездить от Парк-Авеню будет недалеко, — произнес он. — И нам не придется ждать такси на холоде.

Опять это слово — нам. Я ухмыльнулась.

Подъехало такси, Сэм открыл дверь, поджидая, пока я не забралась внутрь.

— Кровать прибудет сегодня вечером, — сказал он, садясь рядом. — Где ты хочешь остаться?

— Сегодня?

— Да. Сегодня. Завтра.

Если бы я так хорошо его не знала, решила бы, что он готов мне предложить вместе жить, переехав к нему. Несмотря на то, что в Коннектикуте он открылся мне и сказал, что ему тяжело принять подобное решение, я не ожидала, что с такой скоростью он согласится на «нас».

— Мы могли бы пригласить Энджи и Чеза на выходные, — добавил он. — Может даже Харпер и Макса с детьми.

— Возможно. — Мне не хотелось на него давить или подталкивать,

его воспоминания были слишком болезненными. Я готова была предоставить ему личное пространство и время, чтобы он смог прийти к какому-то выводу и принять решение.

— Они мне очень понравились. Мы должны их пригласить. — Он сжал мне руку и перевел взгляд в окно.

— Вот здесь слева, — сказал он водителю, когда мы подъехали к галерее.

Такси остановилось, Сэм взял меня за руку.

— Пока ты не ушла. Я... о том, что ты сказала в Коннектикуте?

Я затаила дыхание, не зная, что мне предстоит услышать, но все же надеясь, что мне понравятся его слова. Я больше не говорила ему, что люблю его... я не хотела ему навязываться, поэтому сейчас только кивнула.

— Ну, — сказал он, затем глубоко вздохнул. — Да, я чувствую то же самое.

Глава 19

Сэм

Я понял, что люблю ее с тех пор, как мы поссорились в Коннектикуте. Это отчасти было причиной, из-за чего я так разозлился, она все-таки сумела заставить меня полюбить ее, несмотря на все причины и несмотря на все мои усилия, чтобы я этого не делал.

Она прищурилась, пытаясь понять все ли правильно расслышала.

— Знаешь, — произнес я, желая сказать ей настоящие слова, но при этом борясь сам с собой, чтобы вытолкнуть их из себя. Она сжала мне руку. Она не требовала от меня этих слов, но она явно заслуживала их услышать.

— Я люблю тебя, — наконец, сказал я.

Ее глаза наполнились слезами, я потянулся к ее лицу. Мне не хотелось, чтобы она плакала.

— Я люблю тебя, Сэм Шоу.

Я кивнул и попытался скрыть улыбку.

Таксист прочистил горло.

— Мне лучше пойти, — произнесла она.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — Я сожалел, что не сказал ей этих слов вчера вечером, тогда бы я мог часами прижимать близко к себе.

— Увидимся вечером. Может, попробуем уйти пораньше и поужинаем? Я повернулся к водителю.

— Мы просто прощаемся. Подождите секунду. — Я хотел обнять ее, прежде чем она уйдет на целый день, даже если бы она уходила на

несколько секунд. Грейс открыла дверь такси, и ступила на тротуар.

Раздался визг тормозов, крик нашего водителя, а потом меня подбросило на заднем сиденье.

Что за черт? Такси все также стояло на месте, я повернул голову к дверце Грейс.

— Грейс?! — Ее пассажирская дверь была закрыта и деформирована, и перед моими глазами стояло треснутое стекло другой машины, которая врезалась в нашу. Разбитое стекло покрывало все.

Мы ранены?

— Черт, — произнес я, вылезая из такси. — Грейс! — Закричал, не видя ее. Обойдя сзади машину, я ожидал увидеть ее протягивающую ко мне руки. Но ее не было. — Грейс, — позвал я, по-прежнему не увидев ее, пока не опустил взгляд на асфальт, она была там с разметавшимися волосами. Мне показалось, что потребовалось несколько часов, чтобы добраться до нее. Я опустился на колени рядом. Ее глаза были закрыты, а ноги как-то неуклюже подвернуты.

У меня сердце заколотилось с бешеной скоростью. Я запаниковал, погладив ее по щеке.

— Грейс, — позвал я, поднимая глаза вверх, пытаюсь найти кого-нибудь, стоящего рядом со мной. — Позвоните 911, — взревел я, затем положил ей на грудь руку. Буквально успокоившись всего лишь на дюйм, я замер, как только моя рука поднялась и упала, она дышала.

Что мне нужно сделать? Мне захотелось ее подхватить на руки и побежать в ближайшую больницу, но что-то помешало мне это сделать. Я распахнул пальто и вытащил телефон из кармана, затем поправил на ней пальто, чтобы ей не было холодно. И позвонил 911, до конца не уверенный вызвал ли кто-нибудь скорую. Грейс необходимо, как можно быстрее доставить в больницу.

Я продолжал удерживать руку на ее щеке, говоря с оператором, снова и снова сообщая ей адрес. Почему она все время спрашивает меня одно и то же? Я повесил трубку в тот момент, как только услышал вой сирен. Все должно быть хорошо. Просто все обязано быть хорошо. Я не мог потерять ее.

Я убрал ее руки с тротуара, переложив ей на живот и решил приподнять ее. И тогда мне в нос ударил металлический запах. Это был не запах металла от двигателя. Он был более тонкий. У меня перед глазами появилось изображение нашей покареженной семейной машины.

У меня на пальцах была кровь. Господи. Где она ранена, откуда течет кровь? Как я могу ее остановить? Я внимательно оглядел ее тело, не

обнаружив явных повреждений.

Я закрыл глаза, желая остановить время и перемотать его вспять, как в альтернативной Вселенной, заставив ее выйти с моей стороны кабины.

— Сэр, вы должны отойти с дороги. — Слова звучали настолько медленно, что я не понимал их значения, пока меня не отодвинули.

— Грейс, — ответил я, когда кто-то спросил ее имя.

Они говорили с ней, рассказывая, что делают, когда завернули ее шею в корсет, и втроем положили на носилки. Но все их голоса смешались в один гул. Я пытался разъединить их, чтобы услышать, что каждый из них говорит, отчаянно пытаясь понять все ли будет с ней хорошо. Мне необходимо было это услышать.

Но я знал, как выглядят люди на носилках, когда грядут плохие новости.

Я не любил людей. Я не должен их любить.

Желчь поднималась из моего желудка к горлу, и меня вырвало у машины, припаркованной рядом с такси. Кислота продолжала подниматься, заполняя рот. С моей стороны это выглядело эгоистично, стоять здесь и выворачиваться на изнанку, пока лучший человек, которого я знал, умирал на носилках.

Я снова почувствовал себя брошенным и несчастным, пока в желудке фактически ничего не осталось. Я вытер рот платком и выпрямился, пытаясь определить, что происходит с Грейс. Человек в форме подвел меня к машине скорой помощи. Я не слышал, вернее не понял, что он сказал. Я наблюдал, как шевелятся его губы, но не мог сосредоточиться на словах. Я просто переводил взгляд от него к машине скорой помощи.

Я споткнулся, забираясь внутрь и садясь рядом с Грейс.

Мне хотелось что-нибудь сделать, что угодно, чтобы ее спасти. Наверное, мне стоило пройти курс оказания первой медицинской помощи или что-то типа того. Я огляделся, но никто ничего не делал с ней.

Мне нужно кому-нибудь позвонить. У меня не было номера телефона ее родителей, но у меня был номер Харпер. Она знает, что нужно сделать. Я позвонил ей.

— Харпер. Произошел несчастный случай. Позвони родителям Грейс.

— Что? Она в порядке?

Я не мог ответить на этот вопрос.

— Позвони ее родителям. Скажи им, чтобы приехали в больницу.

— Где вы находитесь?

Я выглянул в окно.

— В машине скорой помощи.

— Черт, Сэм, в какой больнице?

Я понятия не имел.

— В какую больницу мы едем? — Спросил я женщину рядом со мной.

— «Маунт Синай Вест», — ответила она.

— Я услышала. Я уже еду, — ответила Харпер.

— Грейс... — Мне так сильно хотелось к ней прикоснуться. Я бы поменялся с ней местами в одно мгновение, если бы Бог мне этого позволил. Кислородная маска закрывала ее лицо, а руки лежали по бокам. Я скользнул пальцами по гладкой коже ее руки. Где ее пальто? Я оглядел ее тело и ноги. Они лежали как-то криво и были покрыты кровью, когда я их видел.

— Откуда у нее идет кровь? — Спросил я, но не уловил ответа через туман в своей голове.

Я пристально смотрел на Грейс, сильно желая, чтобы она открыла глаза, моля, чтобы с ней было все в порядке, отчаянно желая, чтобы сила моей жизни вошла в нее.

Машина остановилась, двери распахнулись. Я последовал за медиками, вытаскивающие носилки с Грейс. Как только моя нога ударилась об асфальт, ноги подкосились, и я упал на одно колено. Кто-то поднял меня под руку, я оперся на поддерживающую руку и пошел за каталкой с Грейс.

Когда я вошел через двери, чьи-то руки толкнули меня в грудь, пытаюсь остановить.

— Сэр, вам туда нельзя. Ее должны обследовать. Присаживайтесь, кто-нибудь выйдет к вам позднее. — Мне сунули в руки форму для заполнения.

— Со мной все нормально, — произнес я, пытаюсь разглядеть, куда они увозят Грейс.

Я боялся даже моргнуть, боясь пропустить новости о ней.

Наконец, я сел, игнорируя форму для заполнения, отложив ее в сторону. Я ждал и ждал.

— Сэм.

Я поднял глаза, передо мной стояла Харпер.

— С ней все в порядке?

Я покачал головой.

— Не знаю. Я так не думаю.

— Сэм, — закричала она, тресая меня за плечи. — Где она?

К счастью, одна из медсестер подошла и ответила на все вопросы Харпер.

Чувство беспомощности, которое я столько времени старался избегать, накрыло меня с головой. Я не хотел слушать Харпер... я хотел увидеть

Грейс. Я поставил руки на колени, опустив на них голову. Почему я настоял взять такси? Если бы мы ехали на метро, нас бы не было на этой чертовой дороге. Или если бы я нанял водителя, или просто сел с другой стороны, с ее стороны такси...

— Сэр, вы сможете проследовать за мной? Мне нужно вас обследовать, — произнесла медсестра в розовом халате, когда Харпер заняла место рядом со мной. Я не хотел, чтобы меня обследовали, я хотел сидеть здесь и ждать новостей о Грейс. Больше мне ничего не нужно. Несмотря на то, что я боялся, что у нее минимальные шансы, я был уверен, что если останусь здесь и буду ждать ее, возможно ее шансы возрастут.

Когда погибли мои родители, мне никто ничего не сказал. Я не видел их в больнице, не видел, как их увозили в машине скорой помощи. Помню, как был в больнице, на кровати за занавеской, а затем меня привезли на ночь в чужой дом. Я не хотел, чтобы история повторялась, в этот раз я хотел попрощаться и увидеть ее.

— Нет. Я останусь здесь, — сказал я.

— Мы обязаны вас обследовать. Вероятно, вы тоже пострадали, и скорее всего пребываете в шоке. Я вынуждена настаивать...

— Хорошо, хорошо. Но я никуда не пойду.

Тогда медсестра сунула мне в ухо термометр, и я заметил родителей Грейс у стойки регистрации.

— Харпер, — сказал я, кивая в их сторону.

Она направилась к матери Грейс, отдала ей форму для заполнения, словно передавала ответственность от меня за благополучие Грейс ей.

Так и должно было быть.

Мне нечего делать в жизни Грейс. Я зашел слишком далеко.

Автоматические двери открылись впервые с тех пор, как через них увезли Грейс. Я встал, чтобы поговорить с человеком, который вышел, но это оказался курьер, совершенно бесполезный для меня человек.

— Сядьте, сэр, — сказала медсестра, подталкивая меня к стулу и протягивая белый пластиковый стакан. — Пейте маленькими глотками.

Этой медсестре не стоило находиться здесь, рядом со мной, тратить свое время на меня, когда она нужна была Грейс.

— Вы можете что-нибудь узнать о Грейс?

— Ее до сих обследуют, — сказала она, положив руку мне на плечо.

Когда она ушла, ко мне подошли ее родители. Что я мог им сказать? Я не смог уберечь их дочь.

— Ты в порядке? — спросила меня ее мать.

— Простите, — заикаясь ответил я.

Харпер опустилась на стул, а мать Грейс села рядом с другой стороны и похлопала меня по коленке. Ее отец вышагивал перед нами.

— Я должен был остановить ее.

— Это не твоя вина. Харпер сказала, что машина врезалась в бок такси, — ответила мать Грейс.

Как Харпер узнала? Разве это я ей рассказал?

Я кивнул.

— Она собиралась выйти. Я должен был выпустить ее со своей стороны.

— Тише, — сказала она. — Ты ничего не мог поделать. Они уже обследовали тебя? Ты должен настаивать на компьютерной томографии.

— Со мной все нормально. Но Грейс...

— Тссс, — сказала она, — все будет хорошо.

Она говорила властно, и я готов был ей поверить, мне хотелось ей поверить. Но с другой стороны я знал, что ничего не будет хорошо, если Грейс не выберется.

Проходили секунды, минуты, часы. Я сопротивлялся каждому желанию прорваться через эти автоматические двери и найти там Грейс. Что они там так долго делали с ней?

Наконец, двери снова открылись, и на этот раз вышла медсестра, сжимая клипбоард.

— Грейс Астор, — крикнула она.

Мы вчетвером окружили ее, отчаянно желая получить информацию.

— С Грейс все хорошо. Она потеряла немного крови, но она в сознании и спрашивает о Сэме.

У меня было такое чувство, будто я совершал спуск на американских горках — страх и волнение закрутились внизу живота.

— Она жива? — спросил я.

— Она немного ударилась, но все хорошо, — сказала медсестра. — КТ показало, что в норме.

С ней все будет хорошо.

— У нее ушиб и легкое сотрясение. Она сломала ногу в двух местах. — Я слышал, как мать Грейс вскрикнула, но я улыбнулся. Сломала ногу? И это все?! — Они вправят ей ногу сегодня днем, а затем наложат гипс. Мы дали ей обезболивающее. Она в сознании, и вы можете с ней увидеться, но не более двух одновременно. Сэм, мне провести вас к ней? — Я должен был быть великодушным и предложить сначала пройти ее родителям, но мне необходимо было сначала самому увидеть Грейс, чтобы точно удостовериться, что с ней все в порядке. Я последовал за медсестрой, не

оглядываясь назад.

Мы прошли по первому коридору, а затем вошли в комнату, где было полно кроватей. Я осмотрелся в поисках Грейс. Медсестра подвела меня к кровати с занавеской и на долю секунды, прежде чем она отодвинула ее, у меня мелькнула страшная мысль — а вдруг они перепутали, и я увижу кого-то другого, а не Грейс? Я не мог поверить, что с ней все хорошо. Должно быть, они приняли ее за кого-то другого.

Я постарался взять себя в руки, медсестра стала отодвигать занавеску, меня опять чуть не вырвало, когда я увидел, что это была она. Ее веки задрожали, и Грейс открыла глаза, посмотрела на меня.

— Сэм, — скрипучим голосом произнесла она.

Я ринулся вперед, потом остановился. Мне хотелось ее обнять и притянуть к себе, но я был слишком напуган, боясь дотронуться до нее. Я шагнул вперед, она подняла руку. Я взглянул на медсестру.

— С ней все хорошо, — заверила меня медсестра.

Я соединил свою ладонь с ее, и поцеловал ее в лоб. Когда я отступил, она поморщилась.

— Прости меня, Грейс. — За поцелуй, за несчастный случай. Мне бы хотелось избавить ее от этой боли.

Она слегка мне улыбнулась.

— Я люблю тебя.

Всего несколько часов назад эти слова заставили мою душу воспарить. Теперь же они были неуместны. Она не должна меня любить, потому что я не имел права любить ее. Все было не так, как должно было быть.

Я подтянул к ней стул, чтобы сесть рядом. Мне хотелось запомнить ее красивое лицо, запомнить ее руки, запомнить ее запах.

Я не смог уберечь Грейс, но я должен был защитить себя от боли.

Я позволил себе любить ее совсем короткое время, думая, что это возможно — быть любимым. Но мне следовало догадаться. Я оказался недостаточно силен в этом.

Мне нужно уйти.

Глава 20.

Грейс

Я посмотрела вниз кровати на свою увеличенную в размере ногу от гипса. Я вспомнила, мне сказали, что вправили ногу, а затем наложили гипс и перевели в другую палату.

У меня никогда раньше не было переломов.

— Ты в порядке, милая? — спросила мама, протягивая чашку с водой. Я покачала головой.

— Да, со мной все хорошо. Где Сэм?

Моя мать взглянула на отца, сидящего с другой стороны кровати. Он похлопал меня по руке.

— Отдыхай.

— Я совершенно расслаблена. Обезболивающие позаботились об этом. Где Сэм?

— Не знаю, дорогая, — ответила мама.

Он был здесь, я вспомнила, когда они собирались вправлять мне ногу.

— Харпер? — позвала я. — Он ранен? — Она сидела на стуле у окна, уткнувшись в свой телефон.

Она подняла на меня глаза и отложила телефон.

— Нет. Ни в коей мере. Думаю, он пошел что-то собирать, хотя не уверена. Я постараюсь ему позвонить. — Она встала и вышла из комнаты.

Где он мог быть? Сэм Шоу, которого я знала, был бы рядом, когда я проснусь.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросила моя мама.

— Хорошо, мам.

— Все не так хорошо. Мы очень волновались.

— Мне повезло, — сказала я. Когда я отходила от обезболивающих, слышала, как Харпер сказала, что, если бы машина остановилась на несколько дюймов дальше, все было бы намного хуже.

Но она же не остановилась.

И я отделалась только сломанной ногой, которая скоро заживет.

Единственное, что было неправильно, это то, что Сэма не было рядом со мной.

— Кто-нибудь может дать мне мой телефон? — попросила я, пытаюсь передвинуться, чтобы сесть.

— Не двигайся, — сказала мама. — Я не знаю, где он. Харпер ушла, чтобы позвонить ему. Тебе нужно сосредоточиться на выздоровлении.

Никто меня не слушал. Я хотела увидеть Сэма.

— Они отпустят меня домой сегодня к вечеру? — Мне не понравилась мысль остаться здесь на ночь. Мы с Сэмом должны были провести вечер в его квартире. Сегодня должны были привезти кровать. Вот дерьмо. Кровать. Сэм пошел ее принимать? Конечно, он пошел принимать кровать, иначе бы никогда не оставил меня в таком состоянии. Так ведь?

— Я так не думаю. Они хотят продержать тебя здесь несколько дней и понаблюдать.

— Медсестра сказала, что они сделали КТ, так в чем проблема?

Харпер вошла в комнату, смотря себе под ноги.

— Ты с ним разговаривала? Где он? — спросила я.

Она перевела взгляд на моих родителей, а потом на меня. Что бы она не сказала, она не хотела говорить при них.

— Пап, ты не мог бы принести мне журнал или книгу, чтобы я могла что-нибудь почитать, когда вас не будет?

— Конечно, дорогая. Мы с мамой сейчас сходим.

Мама нахмурилась на него.

— Я останусь с ней. Ты иди.

Он потянул ее за локоть, зная, что я хочу поговорить с Харпер наедине.

— Пойдем, Синтия. С ней все будет хорошо, она же останется с Харпер.

Мама закатила глаза, но все же взяла свою сумочку. Отец мне подмигнул. Одними губами я проговорила «спасибо».

Харпер продолжала избегать моего взгляда, пока родители не ушли, закрыв за собой дверь. Как только они вышли, я спросила:

— Ты должна рассказать мне, что происходит. Где Сэм? Он в порядке?

Грудь Харпер поднялась, она глубоко вздохнула. Наконец, она посмотрела мне в глаза и села на стул у окна, который стоял ближе к моей кровати.

— Я не знаю, Грейс. На самом деле, не знаю. Макс пытается ему позвониться.

— Я ничего не понимаю. Он же был здесь раньше, не так ли? — Я была уверена, что он был рядом со мной, прежде чем мне положили гипс на ногу. Я же помню, как он поцеловал меня в лоб, держал за руку и говорил, что любит.

— Да, но после того, как он повидался с тобой, он сказал мне, что должен уйти.

— Он сказал, когда вернется?

Она подвинула стул поближе и обхватила мою руку.

— Я уверена, что он скоро вернется. Думаю, что он неважно себя чувствует из-за аварии.

Почему он неважно себя чувствует? Не он же устроил эту аварию. — Это была не его вина.

— Я знаю, — сказала она. — Но ты знаешь, как парни реагируют на такое. Им нравится думать, что они контролируют всю вселенную. — Она пожала плечами. — И им нравится чувствовать себя защитниками тех, кого они любят.

А у Сэма были только Энджи и я.

Он почувствовал себя плохо, но он не виноват. Авария видно стала для него спусковым крючком, вернув воспоминания о смерти его родителей.

Вот дерьмо. Эта авария вызвала в нем столько боли, гораздо больше, чем то, что я пострадала. Мне необходимо было повидаться с ним, утешить его и успокоить.

— Его родители погибли в автокатастрофе. Должно быть, он все вспомнил, как было тогда. Да это большой пласт воспоминаний. Коннектикут был достаточно жестким, он тогда многое вспомнил, но авария.... — У тебя нет моего телефона? Мне нужно позвонить ему.

— Не знаю. Может и так.

— Харпер, мне нужно увидеться с ним. Сказать ему, что со мной все будет хорошо. Он страдает, и у него никого нет. Я должна быть рядом с ним. — Мне срочно нужно выписаться отсюда. Я попыталась подтянуться на кровати, воспользовавшись рейкой по бокам.

— Что ты делаешь? — Спросила Харпер.

— Мне нужно найти Сэма.

Она встала и оторвала мои руки от кровати.

— Остынь. Ты никуда не пойдешь. Ты только что попала в серьезную аварию, и должна расслабиться. Ты с ума сошла?

— А ты? тогда вопросом на вопрос ответила я. — Я люблю его, Харпер. Мне необходимо его найти.

— Он скоро вернется. Просто дай ему немного времени прийти в себя.

Что-то в глубине моей души подсказывало, что давать Сэму время прийти в себя — это последнее, что я должна сделать. Если я так хорошо узнала Сэма, как думала, он закроется, уйдет в себя, если я дам ему время. Закроется от меня. Он сказал, что у него не было выбора в его чувствах ко мне, а что, если авария все изменила?

— Ты не видела мой телефон? — Спросила я Харпер, когда она вернулась в гостиную, уложив детей спать. Харпер забрала меня из больницы, как только меня выписали, настояв, чтобы я сразу же поехала с ней в Коннектикут.

— Не хочешь выпить бокал вина, раз уж ты на «Тайленоле»? — В течение трех дней с тех пор, как я в последний раз видела Сэма, я ждала, что он появится, объяснит, что принимал кровать и заберет меня из больницы.

Но он так и не пришел.

— Да, было бы неплохо, но ты не видела мой телефон? Мне казалось,

что он где-то здесь.

В больнице мне возвратили моя сумочку с мобильником и бумажником. Я не поняла, как она у них оказалась, и даже не стала спрашивать об этом. Я была благодарна, что мне вернули сумочку с телефоном несмотря на то, что Сэм не отвечал на мои звонки.

— Ты думаешь, что телефон Сэма пострадал во время аварии? Может, поэтому я не могу ему дозвониться, — спросила я Харпер, когда она вручала мне бокал вина и мой телефон.

Она пожала плечами.

— Даже если бы это было так, почему он не вернулся в больницу? — Харпер перестала интересоваться с тех пор, как мы вернулись в Коннектикут, звонил ли мне Сэм.

— Понятно, что ему необходимо было прийти в себя после аварии. Для него это должно быть было слишком много, если принять во внимание, как погибли его родители и эту автомобильную аварию. Ты не согласна? — Мне хотелось надеяться, что он вернется ко мне... мне необходимо было знать, что все будет хорошо.

— Тебе помочь? — спросила она, когда я наклонилась вперед.

Мой желудок сжался, видно желая избежать этого вопроса. И так было понятно, что ему не нравился этот вопрос.

— Нет, — ответила я, подталкивая себя вверх. — Я могу встать сама. Просто сначала тяжело подниматься. Я не привыкла балансировать на одной ноге. — Я сделала несколько маленьких шагов. — Хождение на костылях должно быть хорошо сказывается на моей силе воли, да? — Я старалась все время не сидеть. Врачи сказали, что я буду в гипсе пару месяцев, так что дальше мне придется жить с этим. Я наняла временную ассистентку в галерею, которая была открыта на этой неделе, но я хотела вернуться к работе в следующий понедельник.

— Какая разница на чем? У меня нет силы воли. Мои дети вырвали ее из меня вместе с моим достоинством, когда я родила.

Я засмеялась, отчего немного качнулась на костылях.

— Хватит. Ты же любишь своих девочек.

Она ухмыльнулась.

— Конечно. Но они должны знать цену, которую я заплатила за них.

— Проблема в том, что пока я тут ковыляю на костылях, не могу пить, потому что руки заняты. — Я наклонилась к одному из кухонных стульев у стойки, Харпер принесла мой бокал и села. — Думаешь, с ним все нормально, а? Он мог попасть в аварию...

— Не думаю, что он попал в аварию, Грейс, и ты тоже так не думаешь,

если быть честной. — Она сделала глоток из своего бокала.

— Ты думаешь, что он мудака?

— Довольно странно, что он не отвечает на твои звонки. И прошло уже несколько дней. Тебя выписали, а он даже не приехал за тобой.

— Он страдает.

— Возможно, — ответила она. — Но ты так не думаешь. Эта авария могла закончиться намного хуже.

— Но это же не так.

— Мне кажется, что тебе стоит подготовиться к тому, что ты, возможно, больше никогда от него ничего не услышишь. Похоже, он станет призраком для тебя.

Я почувствовала, как в груди разлилась боль.

— Как ты? — Спросила Харпер.

Я кивнула и прижалась к стойке. Она решила, что Сэм молча ушел от меня. Покончив со всем. Навсегда. Я же предполагала, что он испытывает боль и мучения, и он просто не хотел делиться со мной тем, что переживал. Я все время ждала, ждала пару часов, ждала дни, я ждала что он все же появится. Но чем больше проходило времени, мое терпение иссякало. Харпер же была уверена, что он не вернется.

Мысль, что я больше его никогда не увижу, не поговорю с ним, не прикоснусь к нему, не поцелую — была ужасающей. Я допила свое вино.

— Ты можешь мне налить еще? — Попросила я. Возможно ли такое? Он сказал, что попытается построить со мной будущее. Мне казалось, что он сказал именно это. Он не мог, не имел права, вот так просто взять и уйти... да?

— Мы счастливы вместе, Харпер. Почему ты думаешь, что он может просто исчезнуть, ничего не сказав?

— Ты же знаешь, как и я, что логика не работает, когда дело касается мужчин.

— Но Сэм совсем не такой. — После моего отца, Сэм был лучшим мужчиной, которого я когда-либо встречала. Он был внимательным и добрым, переживал и заботился о главных ценностях в этом мире. Он прошел через многое в своей жизни, но остался порядочным и честным. Он был таким особенным. И он любил меня. Он сказал мне это, и я знала, что для него это огромный шаг. Он бы не отпустил меня так легко, так ведь?

— Послушай, мы все думаем, что они не такие, пока они не становятся такими. Ты не так давно знаешь его.

Харпер была права, Сэм и я знали друг друга не очень долго, но она не понимала, как далеко мы зашли в своих отношениях. Мы были преданы

друг другу... он сам сказал мне об этом. И он сказал, что хотел бы быть тем мужчиной, который достоин меня.

Я знала, что мне необходимо встретиться с ним, чтобы окончательно успокоиться.

— Мне необходимо съездить на Манхэттен, — произнесла я, когда Харпер подлила еще вина в мой бокал.

— Давай посмотрим, как ты будешь себя чувствовать в воскресенье. И ты должна остаться в моей квартире в городе. Стоимость такси будет намного дешевле, если ты поедешь в Бруклин. Ты не можешь передвигаться по метро.

Мне вообще не нужно будет брать такси.

Сэм должен был нанять водителя.

Почему я строю планы эти планы без него?

— Я хочу поехать на Манхэттен и повидаться с Сэмом.

— Грейс, я не думаю, что это хорошая идея. Он позвонит тебе или не позвонит. Ты не в том состоянии, чтобы бегать за ним. Тебе нужно сосредоточиться на выздоровлении.

— Ты не понимаешь, что я к нему чувствую. Для меня это очень серьезно и важно. Я никогда не полюблю другого мужчину, как люблю его. — Я стала вертеть между пальцами ножку своего бокала, вино плескалось о стенки, пытаюсь вырвать наружу. — Ты поедешь со мной? Или ты думаешь, что я полная идиотка, что...

— Идиотка или нет, конечно, я поеду с тобой.

— Тогда в понедельник. — Понедельник будет ровно неделя после аварии. Понедельник будет целой неделей с тех пор, как я видела Сэма в последний раз. — Мы сможем подъехать к его офису, и я докажу, что ты ошибаешься. — Я отпила вино. — Но, если ты права, и он порвал со мной по каким-то своим причинам, тогда ему придется сказать мне об этом в лицо.

Глава 21

Сэм

— Что случилось? — Пролаял я в телефон, входя в свои апартаменты. Я старался проводить здесь, как можно меньше времени после аварии. Я не мог не думать о Грейс, находясь здесь, все напоминало о ней, начиная от картин и кончая кроватью. Она была везде.

Боже, я даже чувствовал ее запах. Мне казалось, что он выветрится. Но она не выходила из головы, воспоминания о ней были яркими, как никогда,

я старался их отогнать. Я делал это раньше, и я смогу сделать это и сейчас. Я постараюсь выжить, и она будет жить счастливой жизнью без меня.

— Значит, ты не умер. Спасибо, что наконец-то взял свой чертов мобильный. — Энджи не должна была злиться, я должен был злиться.

Она постоянно звонила мне, но я не брал трубку, и отправляла смс-ки после аварии. Я не хотел ни с кем общаться. Мне нужно было побыть одному. Я вышел из больницы и пошел не зная куда, наверное, я шел несколько часов, пока не оказался в какой-то закусочной. Я смутно понимал, что стрелки часов движутся, но это не относилось ко мне, я отключился от остальной части Манхэттена, которая продолжала жить своей повседневной жизнью.

— Я занят, Энджи, что еще? — Я снял пиджак, бросив его на пол, и пошел на кухню. Я был совсем не занят. Я был болен. Я никогда не брал отпуска, даже на каникулы, поэтому без сомнения, в офисе все начали нервничать. Мне придется вернуться на работу. Я положил телефон на стойку и включил динамик, открыл свой календарь.

Завтра. Я бы вернулся завтра. Это будет понедельник, я смогу притвориться, что прошлой недели не было. Я сотру ее из памяти.

— Ты, бл*дь, издеваешься надо мной? Ты с Грейс попал в автокатастрофу в понедельник и даже не подумал мне об этом сообщить?

— Откуда ты узнала? — Я открыл кухонный шкаф и вытащил первое, что способен был взять — алкоголь.

— Не от тебя, это уж точно.

Я взял бутылку и открутил крышку одной рукой.

— Энджи, у меня нет на это времени.

Виски булькало в белую чашку с логотипом агентства недвижимости на боку.

— Грейс сказала мне, идиот. И говоря о идиотизме, какого хрена ты игнорируешь ее звонки?

Я сделал большой глоток, наслаждаясь тем, как виски обожгло горло. Это успокаивало, отвлекало.

— Ты можешь мне ответить или предпочитаешь быть гигантским мудаком? — спросила Энджи.

На первый взгляд, не отвечать на звонки Грейс или Энджи, действительно, выглядело со стороны так, будто я огромный мудака. Я дистанцировался от Грейс и не отвечал ни на один ее звонок или смс-ку. Но мне необходимо было поднять мост и восстановить свою оборону. Я только что испытал всю трагедию, которая возродила во мне ужасные воспоминания, насколько хрупкой могла оказаться жизнь и насколько

близко я подошел к краю.

— Я в порядке, Энджи. Грейс тоже в порядке. Мы закончили на этом. Вот и все. Больше это не имеет значения.

Я даже не мог ответить себе на вопрос, почему вдруг Энджи стала каким-то исключением из моей изоляции. Мне давно следовало ее отправить в свободное плавание.

На другом конце линии наступила гнетущая тишина. Видно я зашел слишком далеко? Хорошо. Возможно, она поняла, что я хотел сказать и оставит меня в покое.

— Сэм, — тихо произнесла она.

Я опять наполнил свою чашку виски и вышел из кухни, сжимая ручку чашки, словно она была моим спасением, но мой взгляд тут же вперился в картину Ла Туша на стене.

Черт, Грейс была везде в этой квартире.

— Сэм, я беспокоюсь за тебя.

Я поставил чашку на кофейный столик, который тоже купила Грейс. Какого х*я я поставил на этот чертовый столик свой виски? Во мне вскипела ярость, и я перевернул столик. Чашка с виски пролетела по комнате, янтарная жидкость дугой пролилась через диван, ножки стола дали трещину, сломавшись, потом последовал грохот.

— Что это было? — спросила Энджи.

Сейчас мне придется налить себе еще виски.

— Ничего. Я уронил свою выпивку. — Я наклонился, чтобы поднять белую кружку. Ручка откололась, но я все же мог пить из чашки. Я отправился назад на кухню за бутылкой.

— С тобой все в порядке, Сэм?

— Я уже тебе сказал, да, все в порядке. Ни царапины. Грейс тоже уже в порядке. Ее выписали из больницы.

— Откуда ты знаешь? Она сказала, что ты с ней не общался с тех пор, как она отошла от болеутоляющих.

Я молчал. Мне нечего было сказать. Я не мог отрицать того, что говорила Энджи, и я не мог оправдать свои поступки. Но мне необходимо было поставить свое выживание выше всего остального. Это был единственный способ. Я совершил огромную ошибку, пытаюсь заботиться и привязаться к кому-то. Я был не в состоянии справиться с той болью от одной только мысли, что с Грейс может что-то случиться. Нам нужно разойтись, это будет намного легче для нас обоих.

Да, я могу скучать по ее широкой улыбке и доброте, исходящей из самого сердца. Я могу тосковать по ее прикосновениям и легким поцелуям.

Я буду скучать, как она заставляла меня чувствовать, но для меня это лучше, для нас это лучше.

Да, я смог пережить смерть своих родителей, но она прорубила щель в моей обороне, которая постоянно становилась все больше и больше.

И уход сейчас, у меня хотя бы имелся шанс.

Я был бы в безопасности.

Один.

— Войдите, — произнес я на стук в дверь кабинета. Я специально сказал своей ассистентке Розмари, чтобы меня не беспокоили. У меня накопилось много дел, многие хотели со мной встретиться, после того, как я отсутствовал целую неделю.

Розмари сунула голову в проем двери.

— Извините, что беспокою вас, но я подумала, что должна сообщить, в приемной вас ожидает женщина, которая говорит, что хочет с вами встретиться. Я все объяснила, что вы заняты полный день, но она сказала, что будет ждать.

Сердце заколотилось. Я понял, кем была эта женщина. Неужели это Грейс? Господи, оказывается, она упертая.

— Я не знаю, что делать, — произнесла Розмари, пожимая беспомощно плечами. — Она похоже, действительно, просидит там весь день. Может мне вызвать охрану?

— Ты не спросила ее имя? — поинтересовался я, хотя итак знал чертовски хорошо ее имя.

— Грейс Астор. Мне кажется, она как-то была здесь.

Я посмотрел на экран монитора, кивнул, пытаюсь сделать вид, что ее имя никак на меня не повлияло.

— Впусти ее, и я выясню, зачем она пришла.

— Хорошо. — Она остановилась. — Могу ли я чем-то помочь? Она ждет оплаты? Она отказывается мне что-либо сообщать.

— Я понятия не имею, чего она ждет, но я разберусь.

Краем глаза я наблюдал за Розмари, которая пыталась сказать что-то еще, а потом, к счастью, закрыла за собой дверь.

Я прикрыл глаза.

Дыши, Сэм. Дыши.

Жесткость с моей стороны будет намного лучше, это в ее же интересах и в моих собственных. Для начала может будет больно, но эту боль можно пережить.

Я открыл глаза на звук открываемой двери, но по-прежнему

продолжал пялиться в экран компьютера.

— Грейс Астор, — объявила Розмари, когда Грейс проковыляла на костылях в мой кабинет. Почему, черт возьми, не я принял удар от той машины? Почему все случилось с единственной женщиной, с которой у меня была надежда на будущее?

Я смотрел на экран, но сосредоточиться я мог только на Грейс... она была такая маленькая, такая хрупкая.

Я почти слышал тиканье часов за долю секунды, когда не смог остановить ее тогда.

Как только дверь закрылась за Розмари, Грейс на костылях подошла к моему столу. Я встал, засунув руки в карманы, и пристально стал разглядывать дверь слева от нее.

— Сэм, посмотри на меня.

Я хотел посмотреть. Действительно хотел. Я жаждал вобрать в себя каждый ее дюйм, оставить его в памяти, прежде чем больше никогда не увижу ее снова. И в то же время, мне хотелось подойти к ней, подхватить на руки и сказать, что мне жаль, что так произошло, но все будет хорошо.

— Зачем ты сюда пришла? Ты должна отдыхать дома, — произнес я.

— Зачем я сюда пришла? — тихо переспросила она. — Где ты был все эти дни? — Ее голос становился громче. — Почему ты не отвечал на мои звонки и смс-ки? Как будто ты исчез с лица земли.

Я должен придерживаться своей линии поведения. Я должен сделать рану более глубокой, иначе она никогда не поверит в мой ответ, что все кончено. Я повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Отношения между нами стали слишком гнетущими. — Это было правдой. Ее любовь ко мне, напоминала стадо буйволов. — У меня появилась возможность все переоценить. — У меня заложило уши, и слова звучали как в вакууме, словно их говорил кто-то другой.

— Я не верю тебе, — произнесла она, и ее глаза в замешательстве прищурились.

Я обманывал сам себя, думая, что смогу быть счастливым. Что я смогу любить. Что я смогу жить, как другие люди. Но эта авария с Грейс напомнила мне, что в моей жизни такого быть не может.

— Прошла уже неделя. Почему так все сильно изменилось? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Прости, если я заставил тебя поверить, что наша короткая интрижка была чем-то другим. — Я старался говорить ровно и отстраненно, как будто я вел переговоры о покупке нового здания, но то, что я произносил,

разрезало меня каждое сказанное слово. В моей любви к Грейс не было ничего кратковременного, что можно было бы назвать очередной интрижкой.

— Сэм, не говори так. Я знаю, что ты это не всерьез. Тебе просто страшно.

Я сжал челюсть.

— С чего ты решила, что не всерьез и что я боюсь? — Фыркнул я. Как она смеет делать вид, что знает меня лучше, чем я сам себя? Она никогда не испытывала того, через что прошел я.

— Да, Сэм. Ты боишься открыться. Боишься меня любить. Но я здесь, рядом с тобой, и мы вместе переживем все бури. Разве ты не помнишь? Ты сказал, что попытаешься.

Я не испытывал страха.

Я всего лишь знал, какой порочной может оказаться жизнь.

Я был реалистом.

Я вынул руки из карманов и наклонился вперед, положив ладони на стол. Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Я ничего не боюсь. У меня нет к тебе никаких чувств. Ты должна это принять.

Ее глаза заполнились слезами, костяшки пальцев побелели, сжимая костыли.

— Я не принимаю твои слова всерьез.

Я выпрямился и положил руки обратно в карманы.

— Ничем не могу помочь тебе. Неставляй себя полной дурочкой.

Она ахнула, и словно кто-то схватил мое сердце руками и с силой сжал.

Скрип и шарканье костылей заполнили звуками кабинет. Она не должна стоять на костылях. Мне хотелось ей предложить сесть, но с другой стороны, мне было необходимо, чтобы она ушла как можно быстрее. Каждую минуту, пока она была здесь, красивая и теплая женщина, которую я всегда любил, я чувствовал, как начинал ей поддаваться и слабеть.

— Ты должна уйти, Грейс. Могу я вызвать для тебя машину?

Я обошел ее, сохраняя расстояние, направляясь к двери. Это не помешало ее запаху наполнить мои легкие. Я сжал руки, впившись ногтями в ладони, надеясь, что боль отвлечет меня от того, что велело мое сердце — утешать ее, успокоить, любить.

Мне в спину она крикнула:

— Сэм!

Черт, почему она все так усложняет? Я специально был груб с ней.

Отстраненный. Неприятный. Она должна была бросить меня и жить своей жизнью.

Я остановился, лицом к двери.

— Тебе нужно уйти.

— Я понимаю, что тебе больно, и я понимаю, что авария стала нечто ужасным для тебя, — сказала она. — Но со мной все хорошо. Ты тоже в порядке.

Я не двигался. Несмотря на то, что я бросал ее, несмотря на то, что я сказал совершенно ужасные слова, она все же пыталась меня оправдать, пыталась на все посмотреть с моей точки зрения. Она была удивительной женщиной, но я не мог ей этого сказать.

— Я люблю тебя, — прошептала она, ее голос задрожал и стал слишком тихим.

У меня рука автоматически потянулась к дверной ручке. Я ничего не мог ответить. Если бы я посмотрел на нее в этот момент, я понимал, что обниму ее, потому что я тоже ее любил, и в конце концов, это бы разрушило нас обоих.

Я повернулся к ней лицом в последний раз. Мне нужно было совершить последний удар —нокаут.

— Я говорил тебе, что не чувствую тоже самое. Тебе лучше уйти.

— Сэм. — Ее голос наполнился слезами, она стояла передо мной, опираясь на костыли, которые словно удерживали ее на плаву. — Пожалуйста, не говори так. Ты мне нужен.

Эти последние три слова придали мне сил открыть дверь своего кабинета.

Она не нужна мне.

И я не буду в ней нуждаться.

— Удачи, мисс Астор. — Если она не уходит, уйду я. Я вышел из офиса и ушел от единственной женщины, которую когда-либо любил.

Глава 22

Грейс

— Пожалуйста, просто поезжай, — попросила я Харпер, когда закрыла дверь машины. Каким-то образом я все же нашла в себе силы покинуть офис Сэма и проковылять к машине Харпер, поджидающей на тротуаре.

Харпер выехала и повернула на север Мэдисон.

— Можем ли мы проехать по Верхнему Вест-Сайду? Я просто не могу... — На другой стороне парка было слишком много воспоминаний —

об особняке Фрика и его апартаментах. Я не хотела совершать тур по той жизни, которая у меня могла бы быть.

— Без проблем, — ответила Харпер, хватая меня за руку и сжимая. — Мне очень жаль.

Ее сочувствие, словно открыло шлюзы, и я начала рыдать, какими-то ревущими всхлипываниями, я никогда так раньше не плакала.

Харпер не останавливала и не утешала меня. Она понимала, единственное, что заставит меня почувствовать себя лучше, это уехать как можно дальше от Манхэттена и от Сэма. Она согласилась отвезти меня в город, но, судя по ее первоначальной реакции, она была уверена, что мое появление у него в офисе закончится не очень хорошо.

Как я могла так ошибаться? Я чувствовала, что он любит меня. В этом я не ошибалась. Но я не могла предположить, что этого будет мало. Я думала, что найдя друг друга, мы оба были готовы сделать все, что необходимо, чтобы быть вместе.

Но получилось, что мы были не так сильны, раз первая проблема смогла так быстро выбить нас из колеи.

— Может, ему просто нужно больше времени, — сказала я.

Харпер взглянула на меня.

— Он сказал тебе, что ему нужно больше времени?! — спросила она, прекрасно понимая, что на самом деле это не так.

Слезы снова стали скатываться у меня по щекам.

— Нет, он сказал, что не любит меня, но я знаю, что это неправда.

— Разве это уже так важно?

— Конечно, это важно. Если он любит меня тогда...

— Для отношений нужно больше, чем любовь, — произнесла она. — Если он говорит, что не любит тебя, ты должна ему поверить.

— Но разве ты не видишь?! Он говорит так, чтобы защитить себя. Он не хочет любить меня... он никого не хочет любить, он боится потерять тех, кого любит, он боится пройти через все сначала, когда погибли его родители. — Я не говорила Харпер об отсутствии у Сэма мебели или круга друзей, но теперь я так ясно поняла, что все это было его страхом потерять то, к чему он мог привязаться. Да, в этом был какой-то смысл. Сэм чуть не потерял меня в этой аварии, и теперь он отталкивал меня, пытаясь защитить себя. Я все поняла.

— Разве ты не видишь? Это не имеет значения.

— Что ты имеешь в виду? Конечно, это имеет значение. — Он любил меня. И для него слишком уже поздно пытаться вытравить эти воспоминания, притворившись, что это неправда. Точно.

— Результат тот же. Какими бы ни были его причины, он закончил с вашими отношениями.

— Не говори так, — всхлипнула я, пытаюсь перевести дыхание между рыданиями. — Он придет в себя. Мне просто нужно дать ему время.

— Тебе необходимо дать себе время. И продолжить свою жизнь. — Голос Харпер был успокаивающим, задушевым, но ее слова звучали резко и колюче. Как она могла думать, что у меня может быть какая-то жизнь без Сэма?

— Сейчас не время применять кнут, а не пряник с твоей стороны. Я хочу верить, что Сэм вернется ко мне. — Несмотря на то, что вместе мы были так мало времени, я ждала его всю свою жизнь. — Я не могу просто отказаться от него.

— Послушай, я верю в сказки. Правда верю. Посмотри на моего мужа, ради всего святого. Но, ты моя лучшая подруга, и я не могу видеть, как ты страдаешь. Любит он тебя или нет, но сейчас он не с тобой и не доказывает свою любовь. И если ты отказываешься это замечать, тогда я не понимаю его ценность, как мужчины, хотя очень глубоко в душе он может и испытывает к тебе эти чувства.

Мне не понравились ее слова, хотя в них был смысл. Мне не хотелось верить, что она сказала мне именно то, что я бы сказала ей, если бы она была на моем месте.

— Ты не знаешь его так, как знаю я. себя Мое оправдание прозвучало неуверенно, даже для меня самой. Может я стала одной из тех женщин, которые оправдывали перед своими друзьями поведение своих бойфрендов и мужей, говоря, что они не знают их настоящих? Горько звучит.

— Конечно, нет, но я вижу... что мужчина бросил тебя, когда ты больше всего в нем нуждалась. Ты опровергала все мои доводы, испытывая сомнения на его счет и отправилась к нему в офис, чтобы сказать, что любишь его. — Она вздохнула. — И увидев результат, для меня вполне достаточно.

Я молчала, полностью побежденная.

— Мы должны составить план, — произнесла она, более веселым голосом. — Давай посидим у костра сегодня и сделать смор. Мы поставим обогреватель и укутаемся в шерстяные пледы. Что скажешь? *(Смор (американский десерт, состоящий из двух крекеров «грэм», между которыми кладут поджаренный на костре зефир маршэллоу и кусочек шоколада. Непременный атрибут посиделок у костра в летнем лагере. Название происходит от фразы «some more». – прим. пер.)*

— А этот план включает вино?

Харпер повернулась и улыбнулась.

— Не было бы вечеринки без вина.

Я кивнула.

— Звучит неплохо.

— Ты разговаривала с Натали? — спросила Харпер, пытаясь перевести мое внимание с прошлого на мое будущее — на галерею и мою временную помощницу.

Мои инстинкты зашевелились.

— Я отправила ей сообщение сегодня утром. Все хорошо. Думаю, ей нравится, когда ее оставляют на произвол судьбы. Иногда мне кажется, я вернусь в галерею, а она меня не впустит.

Харпер рассмеялась, но немного натянуто.

— Может, пока ты находишься в Коннектикуте, тебе стоит задуматься о планах своего бизнеса. Я знаю, что есть некоторые работы, которые тебе очень нравятся, и ты их не продаешь. Ну... более традиционные картины что ли. Ты не думала разделить галерею на две части и выставять то и другое?

Я не думала об этом раньше, вернее у меня не было места в голове, чтобы подумать об этом. Потому что я встречалась с Сэмом, а теперь у меня не было возможности даже прикоснуться к нему, и мысль никогда не увидеть его снова — все это было слишком тяжело.

— Это не сработает. У меня нет нужных контактов, чтобы выставять традиционное искусство в галерее. Или денег.

— Помнишь, ты как-то сказала, что без денег своего отца никогда не сможешь открыть свою галерею, и посмотрите-ка, как все обернулось.

— Да, но мне пришлось продать своего Ренуара. — Я снова заплакала от мысли, что потеряла эту картину, которая перешла какому-то неизвестному покупателю с Ближнего Востока.

— Ты продала эту картину, чтобы получить галерею «Грейс Астор Файн Арт». Не тормози на этом. Если ты решишь, что галерея сможет быть отличным местом, то так и будет.

Она говорила так, как будто я не испытывала сейчас потерю любимого человека, словно было вполне нормально — разорвать отношения, она говорила так, будто мне было необходимо отвлечься от каких-то второстепенных вещей, направив свою энергию в другое русло, чтобы быстро восстановиться. Разве она не понимала, что я всегда буду любить Сэма?

— Что ты думаешь? — спросила Харпер.

Я кивнула.

— Конечно.

— Может, Макс сможет познакомить тебя со своими богатыми клиентами. На самом деле, почему бы тебе не начать устраивать вечеринки в своей галерее? Может Макс поможет и пригласит на них кое-кого?

Я пожала плечами. Я понимала, что Харпер в глубине души переживает за мой бизнес, но в данный момент я не могла сосредоточиться ни на чем, кроме того, что я только что потеряла мужчину, которого люблю.

Я не была готова двигаться дальше, и я не думала, что когда-нибудь смогу.

— Да, несите это в ту сторону, — сказала я двум мужчинам, заносящим новые картины, которые я купила у пары клиентов Макса. Он был рад ради меня, продать их от своего имени, взяв комиссию. Будучи такой же решительной и упрямой, какой и была Харпер, ее идея, чтобы Макс устроил вечеринку в «Грейс Астор Файн Арт» для клиентов, пришлась всем по душе, и ровно через три недели после того, как она впервые о ней упомянула, все состоялось. Харпер оказалась права, заставив меня сосредоточиться на работе. С тех пор я обзавелась кучей контактов и забронировала еще три вечеринки.

Я была занята, и несмотря на то, что я семь недель не видела Сэма, я все еще вспоминала о нем каждую минуту.

Сегодня вечером у нас должна была состояться третья деловая вечеринка, и я хотела повесить новую картину на стену, прежде чем начнут прибывать посетители. Целью этих вечеринок было вовсе не искусство. Картины на стенах создавали своеобразный фон для этого вечера, главное была речь высокопоставленного человека из бизнеса или спорта. Макс дал мне несколько известных имен, я подготавливала место проведения мероприятия, и выручку от продаж использовала, чтобы заплатить правильному, нужному человеку. Сегодня был какой-то бейсболист.

Я помахала Скарлетт, увидев, как она пересекает улицу, двигаясь в мою сторону, ее черные волосы драматично сочетались с ее красным пальто.

— Привет, — произнесла я. — Как поживаешь? Ты прекрасно выглядишь.

— Хватит. Это ты показываешь красоту. — Она оглянулась вокруг. — Я принесла тебе ланч... подумала, если ты не ела. — Она протянула бумажный пакет.

— Спасибо, за заботу, — ответила я. — Но сначала мне нужно закончить с этой доставкой.

— Без проблем.

— Эй, я выгляжу круто?

Скарлетт нахмурилась.

— Круто?

— Ну, знаешь, просто сегодня еще один день, и я стараюсь не взорваться от волнения. — Я улыбнулась ей.

Она засмеялась.

— Да, детка, ты всегда выглядишь круто. Ты волнуешься?

— Адски. — Я кивнула в сторону грузовика. — С этой партией они доставили и чертового Гогена. Ты можешь в это поверить? — Все вносимые картины были прекрасными, но количество работ увеличивалось, какие-то я могла поставить на хранение на склад, но Гоген? Я готова была описаться от счастья. Картины, похожие на эту, ставили мою галерею в мире искусства очень высоко.

— Эй, я слышала об этом парне. Разве его картины не висят в музеях и все такое? — Спросила Скарлетт улыбаясь. — Я знала, что твоя галерея будет «оглушающей».

— Ну, я не уверена, что «оглушающая» правильное слово... — Впервые с тех пор, как я открыла галерею, я почувствовала, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Ты должна гордиться собой, Грейс.

— Это была идея Харпер. Она заставила меня сосредоточиться после... — Я пожала плечами. — Вообще, ты знаешь. — Мне не нравилось упоминать Сэма. Я пыталась не думать о нем. Он игнорировал все мои звонки и сообщения. Он принял решение. Какими бы ни были его мотивы, как сказала Харпер, результат был таким.

— Да, но ты приняла эту идею и воплотила ее. Ты все это сотворила.

Чего я не ожидала, так это того, что клиенты, пришедшие на деловую вечеринку, будут покупать картины. Сегодня я надеялась, как можно больше раздать визиток, надеясь, что кто-то вспомнит обо мне, моей галереи в день рождения своей жены или к очередному событию.

— Я сделала отличные продажи за те два вечера... надеюсь, что сегодня тоже будут неплохие.

— Ну, это потому, что никто не может устоять перед твоим хорошим вкусом и очарованием. Кстати говоря, здесь имеются какие-нибудь мужчины, подходящие для свиданий?

— Мне казалось, что у тебя руки полностью заняты Дунканом? — Спросила я.

— Не для меня, глупышка. Для тебя. Уверена, парочка из них

пригласила бы тебя на свидание.

— О, нет. — Я открыла входную дверь, чтобы впустить следующую доставку. Я не уверена, что заметила бы, если бы даже на меня напали в этот момент.

— Они не в твоём вкусе? — спросила она.

— Честно говоря, я сейчас никого не ищу. Я просто хочу сосредоточиться на своём бизнесе. — Одна мысль, что ко мне прикоснется другой мужчина, вызывала у меня тошноту. Семь с половиной недель прошло с тех пор, как я последний раз видела Сэма, и для меня это было немыслимым. Гипс сняли, но на моём сердце до сих пор оставались шрамы от той аварии. И мне казалось, что они никогда не исчезнут.

— У Дункана есть друг, который хотел бы с тобой познакомиться. Он бы тебе понравился.

— Спасибо, но я сейчас ни с кем не встречаюсь. — Конечно, все говорят, что несчастливую любовь тоже можно пережить, возможно, когда-нибудь я захочу снова с кем-нибудь встретиться, захочу, чтобы кто-то меня снова поцеловал, но сейчас, в данную минуту, я не могла представить, что такой день вообще настанет, причем довольно скоро. — Давай, не будем об этом?

— Эй, Грейс, — позвал Марк, художник, работы которого я в скором времени собиралась выставить в галереи. — Я закончил в подсобке и собираюсь уходить.

Я взглянула на Скарлетт, которая смотрела на Марка, как будто он был голый... распахнутыми глазами и с открытым ртом.

— Хорошо, ты расставил их по порядку?

Ухмыляясь, он подошел к нам. Для клише страдающего художника Марк выглядел больше вызывающим улыбку, как от щекотки, чем измученным. И его взгляд, обращенный на меня, был довольно сильным и настолько интенсивным, что мне даже было неудобно... словно я должна была предоставить все ответы на вопросы, которые у него были.

— Марк, это Скарлетт. Скарлетт, Марк — один из новых художников, которые будут выставляться у нас.

— Приятно познакомиться, — произнесла Скарлетт, сверкая глазами, протягивая руку. Марк быстро пожал ее руку, но все внимание сосредоточил исключительно на мне. Той Грейс Марк бы понравился. Он был талантлив, хотя его выставка в моей галерее была не первой, но его до конца еще не распознали. Он был красив в некотором смысле, и совершенно очаровательным. Несколько месяцев назад я бы съела его огромной ложкой и облизнулась. Но мой тот аппетит пропал.

— Спасибо, что позволила мне внести свой вклад в кураторство, Грейс, я очень ценю это.

Я улыбнулась, стараясь выглядеть профессионально.

— Не проблема. Это действительно здорово узнать твою точку зрения.

— Я хотел спросить, могу ли я пригласить тебя на ужин в качестве благодарности?

Краем глаза я заметила, как Скарлетт подняла бровь и элегантно, насколько могла, перевела свой взгляд на картину прямо за мной.

— В этом нет необходимости, — ответила я. — Это всего лишь часть работы. — Я больше не встречалась с такими парнями, как Марк. Я уже повзрослела. Мне довелось почувствовать, каково это, когда кто-то действительно любит тебя. Теперь я поняла разницу между желанием опекать кого-то и любить. Даже если бы и хотела, я уже не могла вернуться к своим старым привычкам.

Он выглядел искренне расстроенным.

— Понимаю. Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, давай поговорим об этом на следующей неделе.

— Конечно, — ответила я, махнув ему рукой, когда он уходил.

Скарлетт развернулась.

— Грейс, он великолепен. Почему ты ему отказала? Мне казалось, что он в твоём вкусе.

Забавно, как Сэм полностью изменил меня, но никто, казалось, этого не заметил... для меня, кроме Сэма, никого не было.

— Нет, он не в моём вкусе. Больше уже нет.

— Ужин не повредит. Девушка должна есть. Он может тебе понравиться, если ты проведешь с ним побольше времени.

— Я же говорила тебе, я не встречаюсь. — Через входную дверь вошли парни с очередной картиной.

— Мне кажется, тебе не стоит совсем отгораживаться от мужчин. Прошло уже несколько месяцев.

— Прошу тебя, Скарлетт, давай оставим эту тему.

Она положила руку мне в плечо.

— Прости. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— И я благодарна тебе за это. Так что сделай меня счастливой, поведав, что ты принесла нам на ланч. Там есть алкоголь? — Спросила я. — Потому что я бы с большим кайфом что-нибудь выпила покрепче, чтобы пережить этот вечер.

Она засмеялась.

— Нет, не уверена, что мои работодатели будут так снисходительно

относится ко мне, если я днем буду выпивать.

— Возможно, и нет. В конце концов, ты отвечаешь за финансы. — Я тыкнула ее локтем под ребра, и она крепче сжала мое плечо.

— Придется обойтись кедровыми орешками, рукколой и салатом с козьим сыром.

Правда в том, что я потеряла аппетит.

Я прошла мимо сцены, и куда бы я не пошла, мне все время казалось, что я мельком вижу Сэма. Я не плакала целыми днями, нет. Но я не могла не вспоминать о нем, не испытывая боль во всем теле. Я отчаянно хотела, чтобы эта боль прошла. Я была готова забыть его. Но боль все равно оставалась.

И я спрашивала себя неоднократно, пройдет ли она когда-нибудь.

Глава 23

Сэм

— Войдите, — крикнул я на стук в дверь моего гостиничного номера. Я подкрался... Господи, обслуживание номеров стало настолько нетерпеливым... и открыл дверь, обнаружив Энджи вместо доставленного ужина. Вот черт. Надо было посмотреть в глазок, прежде чем открывать дверь.

— Что ты здесь делаешь? — Рывкнул я.

Она не ответила, просто толкнула меня назад в мой номер. Я не мог находиться в своей квартире на Парк Авеню, постоянно не вспоминая Грейс, со всеми теми вещами, которые она выбрала для меня — мебель, картины. Для меня это было слишком.

Я позволил двери захлопнуться.

— Как ты меня нашла?

Энджи села на диван, скрестила руки и смотря прямо вперед.

— Я находчивая. Когда твой лучший друг исчезает на восемь гребаных недель, можно найти способ его отыскать.

— Я не исчезал.

— Ты съехал... я сидела перед твоей дверью двадцать четыре часа, так что я точно поняла, что ты там не живешь. И ты перестал отвечать на мои звонки.

— Ну, теперь ты здесь. Что тебе надо? — Я хотел остаться один... мне не нужно, чтобы в мою жизнь вмешивалась Энджи.

— Я хочу, чтобы ты объяснил, какого хрена ты игнорируешь мои звонки. По-видимому, ты избегаешь меня, потому что боишься, что я врежу

тебе по твоей новой заднице из-за того, что ты бросил Грейс, когда она больше всего в тебе нуждалась?

Мое сердце ухнуло от мысли, что Грейс нуждалась во мне. Я соединил руки в замок. Именно поэтому я и ушел. Я не должен был раскрываться перед ней.

— Этого разговора не избежать, Сэм. Мы семья. И в семье принято говорит друг другу, когда кто-то совершает огромную ошибку.

Семья. Это было такое громкое слово. Именно это я потерял, когда мне было двенадцать. Именно семью я почти согласился снова иметь с Грейс. Но Энджи была права — это было именно тем, что было у меня с ней с тех пор, как мы нашли друг друга в детском доме, мы были семьей.

Я молчал. Вместо этого я потянулся к глянцевому деревянному шкафу у дивана и вытащил бутылку виски с двумя стаканами. Я налил два стакана и сел рядом с ней.

Я протянул ей стакан, но она выбила его из моих рук. Виски вылилась мне на руку, и стакан перевернулся, ударившись о ковер.

— Господи. Ты могла просто сказать не хочу. — Я сделал глоток своего напитка.

— Пахнет отвратительно, — произнесла она, снова складывая руки перед собой.

— Ничего отвратительного. Пахнет дорогим виски. — В этом весь ее характер.

— Ну, для беременной женщины пахнет собачьим дерьмом.

Я старался не улыбнуться. Она и Чез пробовали больше года завести ребенка.

— Поздравляю. Я очень рад за тебя.

— Да пошел ты.

— Что? Я правда счастлив за тебя. Я серьезно. — Удивительно. У Энджи будет ребенок. Она заслужила это.

— Ты будешь крестным отцом, засранец.

Я провел рукой по волосам.

— Нет, Энджи, не могу. — Мне нужно было меньше заботиться о других, больше о себе.

— Я не предоставляю тебе выбора. Ты единственный человек в моей жизни, которому я полностью доверяю... человек, который знает меня лучше всех. — Она повернулась и посмотрела на меня впервые с тех пор, как вошла. — Мне больше некого просить. Так что, чтобы не было никаких исчезновений из моей жизни, из наших жизней. Ты понимаешь? Я не смогу с этим справиться. Ты мне нужен.

Я встал.

— Это не очень хорошая идея. Я тебе не нужен, Энджи. Я просто разочарую тебя. Или один из нас умрет, и...

— Прекрати, — произнесла Энджи. Я взглянул на нее, и она закатила глаза. — Не надо так драматизировать.

Я сделал паузу, а потом усмехнулся. В наши самые безрадостные моменты Энджи всегда показывала свою оптимистичную сторону.

Я снова сел рядом с ней.

— И сейчас ты мне нужен как никогда, — сказала она. — Во мне растёт этот крошечный человечик, который появится через семь месяцев. Я понятия не имею, что я делаю, но уверена, что, по крайней мере, один раз в день буду просто млеть. Единственное, чему я научилась у мамы, это как быть шлюхой-наркоманкой. Я хочу уберечь свою дочь до восемнадцатилетия от этого опыта.

— У тебя будет девочка? — Энджи будет потрясающей матерью, несмотря на ее не очень хорошее начало жизни.

Уголки ее рта приподнялись.

— Да. Ты можешь в это поверить?

Я покачал головой.

— Это потрясающе.

— Ты мне нужен, Сэм.

— У тебя есть Чез.

— Он мне тоже нужен. Разве ты не понимаешь? Ты — моя семья. Меня однажды уже бросили, не поступай со мной также. — Она заплакала, и я схватил ее за руку. Мне ненавистна была сама мысль, что я смог ее оставить также, как ее мать. — И ты не должен так поступать и с моей дочерью. Ты тоже ей будешь нужен.

Я сжал ее руку.

— Я здесь. — Энджи всегда была в моей жизни, к лучшему это было или к худшему. Было слишком поздно уже что-либо менять. Она была моей семьей. — Прости, что я пропал на столько недель.

— Прощаю.

И вот так просто, я был прощен. Мы снова были Сэмом и Энджи.

— Итак, ты готов быть дядей для моего ребенка?

— Совсем немного. — Я улыбнулся ей.

— Единственное, что тебе будет нужно делать — просто ее любить. Это все, о чем я прошу.

— Мне кажется, ты просишь не того человека. — Я не способен делать то, что другие люди воспринимали как должное — любить других.

Это было не так просто.

— Ты не сможешь прожить без любви, Сэм. Если ты попытаешься, то с таким же успехом, мог умереть в той же машине со своими родителями.

Я пытался освободить свою руку, но она не выпускала.

— Не говори так. — Я знал, как мне повезло.

— Я знаю, что ты не любишь говорить о них, но я также знаю того мужчину, которым ты стал. Не того парня, которого люди видят снаружи... не того, что с тобой сделала смерть твоих родителей... того парня, который остался, когда все остальные отвернулись от меня. — Она наклонилась и тыкнула пальцем мне в грудь. — Я знаю, что здесь есть. Я знаю, кого создали твои родители, пока они были живы. Человека, который готов отдать свою жизнь за меня. Честного. Решительного. Жесткого. Того, кто способен отдать большую любовь.

Несмотря на то, что они оставили меня так рано, я все же был наследником моих родителей. Энджи была права — все хорошее во мне было от них.

— Ты будешь потрясающей матерью.

— Если это будет не так, то это все твоя вина. Ты убедил меня, что я могу это сделать. И я твердо решила для себя, что сделаю все возможное ради своего ребенка. Я обязана своей дочери, Чезу, но больше всего себе самой. Ты сказал мне, что я не должна позволять прошлому определять мое будущее. Но ты тоже не должен, мой друг. Ты заслуживаешь Грейс.

Я положил голову на подушку и закрыл глаза.

— Именно этого для тебя бы хотели твои родители, Сэм. Великой любви. Той, кто заслуживает тебя. Женщину вроде Грейс. Думаю, им бы понравилось, как она тебя любит.

Я был уверен, что они полюбили бы Грейс. А она полюбила бы их. В носу стало свербить, пока перед глазами мелькали образы.

— Она не любит меня. Больше не любит. — Сама мысль ударила по мне, словно кувалда в самую грудь. — Так оно и должно быть.

— Нет, Сэм, это не так, этого не может быть. То, что у вас было с Грейс происходит не так часто.

Как бы мне ни хотелось это отрицать, я не смог. То, что у нас было с Грейс было нечто особенным. Но это все равно не могло защитить меня от самого худшего. Я смотрел перед собой на потрескавшийся потолок.

— Что, если с ней что-то случится, если она бросит меня? Я просто этого не переживу.

— Значит будь таким парнем, которого она никогда не захочет бросить, и пусть Вселенная решит все остальное.

— Вселенная? Это твой ответ? Она не дает гарантий. Я не переживу, если потеряю ее. Я знаю, что не стал бы... — Даже сейчас, после того, как я неделями не видел Грейс, если бы я услышал, что с ней что-то случилось, это убило бы меня окончательно.

— Мне всегда казалось, что ты самый сильный парень, которого я знаю. Ты можешь пережить что угодно. Смерть твоих родителей научила тебя этому, и ты продемонстрировал свою силу выбравшись вперед. Так не позволяй их смерти заставлять тебя жить в страхе. В память своих родителей проживи свою лучшую жизнь и люби так сильно, как сможешь.

Я наклонился, обхватив голову руками.

Я понимал, что мои родители хотели бы, чтобы я был счастлив. Но они ведь смогут понять, что я должен был защищать себя. Как выжить?

— Не думаю, что смогу.

— Я хочу спросить тебя: ты бы предпочел, чтобы у тебя не было твоих двенадцати лет с твоими родителями? Ты бы предпочел вообще их не знать?

Я застонал в ответ от боли, которая разорвала мою грудь. Я не мог представить ничего более ужасного, чем никогда не встречаться и не знать своих родителей. Эти двенадцать лет стоили всей той боли и страданий, которые пришли позже. Я бы пережил все, чтобы иметь их в своей жизни, даже такое короткое время.

И тогда я понял, что должен открыто любить Грейс столько, сколько отпущено мне жизнью.

Я наблюдал с другой стороны улицы, как люди выходили из дверей галереи. Вечеринка почти закончилась. Я стал наводить справки о Грейс после того, как Энджи прочитала мне лекцию. Сегодня Грейс устраивала вечеринку для инвестиционного банка на Уолл-Стрит, с которым у меня было много дел. Короткий телефонный звонок одному клиенту обеспечил мне получение приглашения. Потребовалось больше, чем телефонный звонок, чтобы следующая часть моего плана сработала, но я был бы ничем, если бы не доводил свои планы до конца. Я всегда получал то, что хотел. Я надеялся, что сегодняшний вечер не нарушит мою полосу везения.

Я схватил предмет, завернутый в коричневую бумагу, который нес обеими руками, и направился ко входу.

— Сэм Шоу, — произнес я охраннику у двери. Он провел пальцами по экрану iPad и кивнул. Я выждал, когда группа из четырех человек выйдет, а затем вошел в галерею.

Я всматривался в лица гостей, пытаюсь найти Грейс. Я не хотел

срывать ее вечер, поэтому мой план состоял в том, чтобы болтаться среди гостей, пока все не разойдутся. Тем временем, мне нужно было куда-то поставить то, что я принес.

Я пошел в глубь, в конец галереи, пытаюсь добраться до скрытой территории, где она вывешивала свои любимые произведения. Но что-то изменилось в этом месте. Все было как-то по-другому. Она поставила дополнительную стену посередине галереи, и ее таинственная область исчезла. Вот дерьмо. Что мне теперь делать? Именно там я хотел бы оставить свой подарок.

И там, где я стоял, галерея выглядела меньше. Картины были смелыми и современными, и они висели везде. Я повернул голову, увидев проход, больше, чем дверной проем в середине стены. Она разделила галерею? Я огляделся, но нигде не увидел Грейс, поэтому направился напрямик к открытому дверному проему. Эта часть была полностью ее. Я мог точно сказать, что такие картины она, действительно, любила. Я ухмыльнулся. Я видел ее в каждом полотне. Ее секретная коллекция уже не была такой маленькой, и, конечно, она не была секретной.

Она быстро двигалась вперед. Она занималась тем, что ей нравилось и продавала то, что любила. Несмотря на то, что права я не имел, но я так гордился ею.

Я присел, поставил свой подарок к стене и решил развязать веревку. Я намеренно связал бумагу веревкой, чтобы я мог быстро ее снять, но узел почему-то не поддавался.

Я крутил веревку, пытаюсь развязать узел, но свет был тусклым, и я не видел правильно ли его развязываю.

— Сэм? — произнесла Грейс позади меня.

Я опустил руки и поднялся на ноги, за столько времени впервые посмотрев на нее. Несмотря на то, что я якобы морально был готов, когда я обернулся, вид ее меня просто поразил. Я забыл, насколько широта ее души озаряла лицо, и насколько ее сердечность была заразной.

— Привет, — произнес я. — Ты выглядишь... — *Как любовь всей моей жизни.* — Прекрасно.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, отступая, как только я сделал к ней шаг.

— Я пришел извиниться и все объяснить. Мне нужно несколько минут. — Я не ожидал, что она простит меня, не сразу, но мне необходимо было поверить, что у меня имеется еще один шанс. Что бы ни случилось, я буду любить ее всю свою жизнь.

Ее лицо ничего не выражало, но она и не просила меня уйти. Мне

пришлось рискнуть. Я сделал глубокий вдох.

— Ты первая женщина, которую я когда-либо любил, и единственная, кого я когда-либо буду любить. Я облажался по полной. — И я буду расплачиваться за это, пока она меня не простит. — Если бы я знал, что встречу тебя, и буду к тебе испытывать такие чувства, я бы практиковался заранее. Я совершил бы уйму ошибок, расплачивался бы за них до тех пор, пока не появилась ты. Но я понятия не имел, что такое любовь. Ты за гранью моего воображения, Грейс Астор.

Я провел взглядом по ее телу. Она не двигалась и никак не реагировала. Но она позволяла мне говорить, поэтому я продолжил гнуть свою линию.

— Ты научила меня быть оптимистом. И я знаю, что я — боец. Я не откажусь от тебя. Всегда буду тебя любить.

Ее грудь поднялась, она вздохнула.

— Я принес тебе кое-что, — бросился я к картине, наполовину раскрытой и прислоненной к стене. Мне необходимо было отсрочить ее неизбежный отказ настолько, насколько я был способен.

Грейс покачала головой.

— Сэм, нет... мне ничего не нужно.

Господи, она даже не хотела взять от меня подарок.

— Это твое.

— Нет, тебе не нужно было покупать...

— Это твое. Что бы ни случилось, это твое.

Глава 24

Грейс

Подарок Сэма был таким излишним. Единственное, что я хотела, это увидеть в его глазах, что он все еще любит меня. Его глаза были огромными, волосы растрепаны и длиннее, чем я помнила, но он все еще был моим Сэмом. Он всегда был моим. Несмотря ни на что, я никогда не сомневалась в чувствах Сэма ко мне. Поэтому ждала, надеялась, молилась и верила, что он вернется. Вернемся ко мне.

— Пожалуйста, Грейс, просто открой.

Я встала на колени и стала стаскивать коричневую бумагу. Углы были жесткими, как рама картины. Он купил мне картину? Я отбросила бумагу, затем пузырчатую пленку и ткань, которая была последним слоем упаковки. И мельком взглянув, я поняла, что он мне принес. У меня на глаза навернулись слезы и стали скатываться по лицу, когда я открыла

холст. Как он его нашел?

— Мой Ренуар, — прошептала я, я пыталась вобрать всю картину взглядом. — Ты вернул мне его. Как ты нашел...о, Сэм,.. а цена.

— Тссс, пожалуйста, не думай об этом. Она всегда была твоей. И я тоже.

— Знаешь, это забавно, — произнесла я, глядя на него. — Я всегда знала, что когда-нибудь получу ее обратно. Я была опустошена, когда мне пришлось продать его, но даже когда я принесла Ренуара покупателю, все равно верила, что однажды он снова будет моим. Немного похоже на тебя, Сэм Шоу.

— Но... — Его рот распахнулся, когда он изо всех сил пытался подобрать нужные слова.

— Мне не нужны большие речи и дорогие картины... только ты. Ты мне нужен, — сказала я.

Его глаза блестели от слез.

— Я не заслуживаю...

— Ты заслуживаешь счастья, — ответила я. — И я заслуживаю быть с любовью всей моей жизни. А это ты. Я знаю это. Я всегда это знала. Но я хочу, чтобы ты понял, что не сможешь убежать от меня, когда начнутся очередные штормы, Сэм. Мы должны держаться вместе.

Он кивнул.

— Я понимаю. Правда, понимаю. Я больше никогда не уйду.

Я потянулась к его руке.

— Хорошо. Ненавижу быть без тебя.

Его рука накрыла мою, и он притянул меня к себе.

— Ты никогда не будешь без меня. Честно говоря, Грейс, я хочу доказать тебе это. Я хочу дать тебе все, что ты хочешь и заслуживаешь.

— А чего хочешь ты?

— Я хочу *тебя*. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне сегодня же вечером. Я хочу наверстать упущенное время. Я хочу жениться завтра на тебе.

— Ты хочешь жениться на мне? — с трудом выдыхая, спросила я.

— Конечно, я хочу жениться на тебе. Ты любовь всей моей жизни... я хочу всего.

— Это что, предложение? — Спросила я, болтовня галереи стала угасать, остались только Сэм и я в объятиях друг друга.

— Ты хочешь, чтобы это было предложение?

Я скользнула руками по его.

— Я только что вернула тебя.

— Итак, сегодня твой ответ «нет», но я буду продолжать спрашивать, пока ты не согласишься. Даже, если это займет сто лет, но однажды Грейс Астор, ты будешь моей женой.

— О?! И почему ты так в этом уверен?

— Потому что, — сказал он, наклоняясь для поцелуя, — ты преподавала мне самый важный урок из книги «Граф Монте Кристо». Счастье подобно тем дворцам в сказках, ворота которых охраняют драконы, и мы должны сражаться за свое счастье, чтобы победить их. — Он улыбнулся мне. — Я не перестану сражаться.

Эпилог

Сэм

— Выйдешь за меня? — Спросил я, выходя из нашей ванной, с полотенцем вокруг талии, расчесывая пальцами влажные волосы. Грейс наблюдала за мной, накрытая одеялом, как обычно, когда я выходил из душа.

Утром, днем и ночью я любил Грейс Астор, но каждое утро у меня перехватывало дыхание, когда я видел ее сонное лицо, расслабленные руки и слышал тихий заспанный голос. Она владела мной полностью. Несмотря на то, что она хотела, чтобы все продвигалось медленно, после того, как девять недель назад я отправился в галерею, мы не провели ни одной ночи по отдельности.

Она ухмыльнулась, глядя на меня, и села в кровати, приглаживая волосы.

— Нет. Ты женись на мне.

Я замер. Я не ослышался?

Она прикусила нижнюю губу, пытаясь не улыбнуться. Я прошел через комнату и опустился на кровать рядом с ней.

— Что ты сказала?

И лежа друг напротив друга на кровати, она провела пальцем по моему носу и губам.

— Я сказала, женись на мне.

— Ты просишь, чтобы я женился на тебе? — Спросил я, подпирая голову рукой.

Она кивнула.

— Ты наконец-то согласилась?

— Нет.

Я не знал, что и думать.

— Ты скажешь мне «да». Я надеюсь. Я спрашиваю тебя.

Я усмехнулся.

— Хорошо. Я говорю да.

— Ты согласен? — ее улыбка становилась шире. Неужели она думала, что получит от меня другой ответ?

— Я спрашивал тебя каждый день в течение последних пятидесяти восьми дней, и ты думала, что я откажусь?

Мы рассмеялись, и я подтолкнул ее на спину и поцеловал, не торопливо исследуя ее теплый, мягкий рот, наслаждаясь ее пальцами в своих волосах.

— Это означает, что мы помолвлены, — произнес я.

Она кивнула.

— Мне нужно кольцо.

— Я купил три.

— У тебя три обручальных кольца? — Она запрокинула голову назад и засмеялась. — Когда ты успел?

Я поцеловал ее снова, задержавшись на ее губах.

— Пятьдесят семь дней назад. Хочешь посмотреть? — Я начал перебираться с кровати, но она потянулась ко мне.

— Потом. Прямо сейчас мне нравится, что на тебе ничего нет, кроме полотенца и ты целуешь меня.

Я опустил лямки ее майки и поцеловал каждое плечо.

— Где тебя поцеловать?

Она через голову сняла свою майку.

— Везде.

В этот момент не было на земле самого счастливого человека, чем я. Лучшая женщина, которую я когда-либо знал, дала согласие провести остаток своей жизни со мной. Жизнь не может быть еще лучше.

Я поцеловал ее живот, массируя ее соски, заставив задержать дыхание. Я улыбался звукам, которые она издавала. Я сделал это. Я заставлял ее почувствовать себя на седьмом небе. И я буду делать это вечно.

Я подцепил пальцами край ее шортиков и стянул их вниз, целуя одно бедро и переходя к другому, облизывая кожу у лобка. Ее кожа пахла спелой вишней.

— Сэм, — позвала она хрипло, но слышались довольные нотки. Она звала меня. Определенно. Меня. Мы проделали долгий путь.

Я поглаживал ее внутреннюю сторону бедра, подготавливая. Я был не уверен, кто больше хотел продолжения того, чтобы будет дальше происходить — она или я. Она выгнула спину, и я скользнул языком по ее

клитору. Грейс уже была достаточно влажной, я слизывал ее соки, я всегда хотел напиваться ею.

Моя эрекция вжималась в матрас, когда я прошелся языком по ее входу. Она застонала, требуя, с трудом выговаривая слова, чтобы я не останавливался, да, и лизал ее только там.

Я протянул руку к члену. И у меня промелькнула мысль, возможно ли, что я всегда буду таким напряженным от ее вкуса, звуков, которые она издавала. Я улыбнулся, пока она продолжала просить. Да. Можно даже не спрашивать самого себя. Она всегда доводила меня до такого состояния.

Она схватила меня за плечи.

— Сэм, ты мне нужен.

Раньше эти бы слова напугали меня, заставив бежать без оглядки. Теперь я хотел слышать только их. Я был нужен ей, такой красивой, щедрой, доброй и любящей. Для меня это была честь быть с ней рядом.

Я поцеловал ее клитор и передвинулся на кровати.

— Я нужен тебе, Принцесса?

Она потянулась к моему члену.

— Да, — прошептала она, проглотив мой рот, голодная и готовая. Я возвышался над ней, прижав свой член к ее входу. Она тут же ответила, обхватив меня ногами за талию.

— Это наш первый раз, когда мы занимаемся любовью, как помолвленная пара, — сказал я, толкнувшись в нее. Она застонала, ее ладони прижались к моей груди.

Я закрыл глаза на секунду, чтобы успокоить свои чувства.

— Нет, — ответила она. — Я так не думаю.

Я наклонился поцеловать ее.

— Я что-то пропустил?

Она ухмыльнулась.

— Помолвка означает, что мы проведем остаток наших жизней вместе... и я думаю, что все было так с нами с самого начала.

Она сжалась вокруг меня, я вышел и у меня перехватило дыхание от ее слов.

— Да, — ответил я, толкнувшись в нее слова, входя в определенный ритм. Она была права. Она была моей с того самого момента, когда я впервые увидел ее. Я был уже ее, даже еще не встретившись с ней.

Мы были словно слеплены как единое целое друг с другом, как магия. Тепло от наших тел окутывало нас, связывая. Пока я двигался в ней, не отрывая от нее взгляда, она обхватила мое лицо ладонями.

— Я люблю тебя, — прошептала она, и на меня стал накатывать

оргазм. — Я люблю тебя, — повторила она, гул от оргазма стал еще громче, и ее киска начала пульсировать подо мной.

— Я люблю тебя, — ответил я, она ахнула, как будто это был первый раз, когда слышала мои слова.

— Сэм, — всхлипнула она прерывистым голосом, отчего я понял, что она уже на подходе. — О Боже, я люблю тебя, Сэм. — Она выгнула спину и стала нещадно сжимать мой член внутренними мышцами, приближая мой оргазм, отчего я стал двигаться быстрее, грохот пульса отдавался у меня в ушах. Я нагнулся и поцеловал ее в плечо, лизнув, вдыхая ее аромат, наполняя ею каждую клеточку своего тела, наши оргазмы слились в один, накрывая удовольствием.

Дыхания замедлились, я скатился в сторону, придвинув Грейс к себе, переплетя руки и ноги вместе.

— Ты мое самое высшее блаженство, — сказал я, цитируя Дюма. — Я понимаю это сейчас. Не осознавая в самые трудные времена своей жизни, я ждал и надеялся. Тебя.

Она провела пальцами по моей татуировке.

— Я думаю, я ждала и надеялась встретить тебя всю свою жизнь.

— В тот день, когда ты появилась в моей жизни, часть меня поняла, что это ты.

— Твоя душа, — произнесла она. Она никогда не переставала меня удивлять. — Я выделила этот отрывок в книге. — Она улыбнулась. — Есть два пути восприятия: телом и душой. И тело иногда может забыть и не понять, но душа помнит всегда.

— Я люблю тебя телом и душой, — ответил я.

Грейс

— Она самая красивая из всех, ты не находишь? — спросил Сэм, наклонившись к дочери, чтобы сменить памперс.

— Ты только что это понял? — спросила я, обхватывая руками его за талию.

Он усмехнулся.

— Думаю, мне время от времени напоминают.

Лорен сосредоточила свой взгляд строго на папе, как будто говорила, что ему лучше закрепить ее памперс правильно.

— Она никогда так тихо не лежит со мной, когда я меняю ей памперс, — произнесла я.

— Я думаю, она понимает, что я не хочу испачкать свой смокинг ее

дерьмом.

Я засмеялась.

— Можешь себе представить свадебные фотографии?

Из наших апартаментов мы прошли пешком квартал до особняка Фрика. Лорен сидела в коляске, которую вез Сэм в смокинге, я в красном шелковом платье из органзы... а кто выходит замуж в белом?

Казалось, это был самый идеальный способ прибыть на нашу свадьбу... со всем нашим миром, прогуливающимся по Нью-Йоркскому проспекту.

Сэм застегнул подгузник Лорен и надел ей колготки. Мне удалось водрузить ей повязку из розовых цветов на голову, которая соответствовала ее платью.

— Она похожа на карамельную фею, — произнесла я.

— Ты слышала это, карамельная фея? — Сэм поднял ее и поцеловал в пухлую щечку. Держа ее на руках, он повернулся ко мне. — Ты готова?

Я улыбнулась и кивнула.

Музей предложил провести церемонию в Западной галерее, но мы оба решили, что она слишком большая для нас. Мы пригласили не много гостей и хотели, чтобы они чувствовали себя более комфортно, по-домашнему, поэтому музей все организовал в столовой, где у нас состоялось наше первое официальное свидание.

Улыбки и приветствия окружили нас, когда мы вошли. Сэм обхватил меня за талию, другой рукой держа удерживая дочь, ему хотелось, чтобы мы так и двигались втроем, все вместе. Я и не собиралась отходить от него.

— Ты выглядишь потрясающе... настоящая принцесса Парк Авеню, — сказала Харпер, целуя меня, а затем Сэма.

— Я просто счастлива, что нашла своего принца, — ответила я.

Скарлетт и Вайолет оттолкнули Макса, ринувшись к нам. Я ухмыльнулась, когда он закатил глаза на своих сестер.

— Ты выглядишь потрясающе, — произнесла Скарлетт.

— И тоже самое можно сказать о Лорен, вашей дочери. Она такая милашка, — сказала Вайолет, поглаживая Лорен по щечке.

Сэм прервал наши поцелуи, повел нас дальше.

— Привет, пап, — сказала я, когда мы подошли к моим родителям. Сэм поцеловал мою мать в щеку.

— Мне кажется, я никогда не видел тебя такой красивой, — произнес отец, в его глазах поблескивали слезы.

— Я выхожу замуж за любовь всей своей жизни. Что может быть лучше? — спросила я.

— Я сделал то же самое сорок лет назад, и я не жалею ни минуты, — ответил он. — Твоя мама сделала меня очень счастливым... я могу только пожелать тебе того же.

— Спасибо тебе, папочка.

— Чертовски отличное платье, — произнесла моя мама. — Выглядишь великолепно.

Сэм заставил нас двигаться к регистратору свадьбы.

Энджи встала, когда увидела нас.

— Я так горжусь тобой, — прошептала она Сэму, обнимая его, хотя немного неловко, потому что Сэм отказывался отпускать меня даже на секунду.

Я махнула рукой Чезу, который кормил дочь Морган, сидя в первом ряду. Он улыбнулся.

Энджи отправилась к нему на свое место, я повернулась к Сэму.

— Ты вспоминаешь своих родителей?

— Всегда, — ответил он. — Но я чувствую их в своем сердце. — Он оставил поцелуй на моих губах.

На свадьбе у нас не было подружек невесты, шаферов, букетов и речей. Были просто Сэм, Лорен и я и несколько наших друзей, которые праздновали нашу любовь и нашу новую жизнь...

Наше абсолютное блаженство.

«Герцог Манхэттана» (о Скарлет)